

СЛОВО. Том V

Шестикнижие: **История Руси: кто мы?**

На обороте обложки:

«Заберите у народа его историю, и через сто лет он превратится в стадо, а еще через сто лет им можно будет управлять».

(Йозеф Геббельс)

«Кто проклянет свое прошлое, тот уже наш».

Когда крестилась Русь

Временем крещения Руси официально считается тот момент нашей истории, когда князь Киевский Владимир сначала обратил Русь в язычество, а затем в Христианство. Эта религия якобы пришла к нам из Византии. Мало того, на сегодняшний день некоторыми псевдо историками это вероисповедание начинают относить чуть ли ни к иудаизму. Но мы прекрасно знаем, что наше Православие к верованиям хананеев Палестины никакого отношения не имеет. И именуется наша вера так потому, что является правильной славой нашего Бога — Иисуса Христа. Причем, что также выясняется, вовсе не греки просвещали нас светом Евангелия, но мы просвещали как самих греков, так и весь остальной мир. И крестились мы в первый раз еще в водах Иордана.

«...национальная история пишется обыкновенно друзьями, история же России писалась преимущественно ее врагами» [255] (с. 9).

Язык Библии

Завершающим днем творения является шестой:
«И увидел Бог, что это хорошо» [Быт 1, 25].

То есть все было создано прекрасно, и ничто не предвещало начала каких-либо противоречий между Творцом и тварью.

«Адам мог не пасть, и первобытный чувственный мир был на это вполне рассчитан. Это был бы лучший, магистральный путь истории. Чувственный изменяемый, тонко тленный мир вполне мог быть доведен человеком до высокой и прекрасной цели — полного нетления и блаженства. В том, чтобы тонко тленное облеклось в совершенное нетление, мог принять участие и человек. Для этой цели он и был создан» [185] (с. 43).

Но после вкушения Адамом запретного яблока:

«...такая возможность рухнула» (там же).

И, как объясняет преп. Макарий Великий:

«...через него воцарилась смерть над всякою душою (Беседа 11)» [256] (с. 138).

А потому:

«История пошла не по гладкой и прямой дороге, а покатила по крутой, тернистой, нисходящей тропе» [185] (с. 43).

То есть Адам вместе с яблоком, предложенным ему Евой, *скушал ад*, за что и прозван: **ад ам.**

Яблоко предложила ему Ева. Потому с тех пор и именуется: **Ие ва** (*Ие* имеет значение *Бога*, а *ва* — на санскрите — *вредить*). Потому данное Еве прозвище следует расшифровывать так: *навредившая Богу*. Что и зафиксировано всей последующей историей человечества:

«Лишившись руководства своим господином — человеком, “земля” попала под временную власть дьявола и демонов его.

Так оказалось, что прекрасный, сотворенный Богом мир, погрузился в состояние зла, где царствует вражда, ложь, беззакония, страдания, смерть...

Ныне, по слову апостола, “весь мир во зле лежит” [Ин 5, 19]. Вот почему данное земное бытие, несмотря на божественное происхождение, есть сущая тюрьма для человеческого духа, юдоль скорбей, тесноты, печали и мрака» [20] (с. 393).

Далее события развивались так: Каин убивает Авеля, после чего все человечество рискует стать окаянными, то есть состоять исключительно из потомков братоубийцы. Но вот какие события препятствуют этому:

«И познал Адам еще [Еву], жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что [говорила она] Бог положил мне **другое семя**, вместо Авеля, которого убил Каин» [Быт 4, 25].

И нарекла она его, судя по данной фразе, именем Сев (Сева). Что соответствует смыслу вышеприведенного текста — звук в звук.

Но по тем временам люди жили по 800 лет. Давно поседевшего прародителя неокаявшегося человечества его многочисленному потомству продолжать именовать Севой было как-то не совсем удобно. Поэтому к нему приросло более подходящее его положению имя: **Сиф** (старослав. *сивый*: седой). И это прозвище выглядит наиболее естественным еще и потому, что в тот момент, когда Сиф получил свое прозвище, среди его потомства он был единственным, у кого волосы оказались поседевшими. А мы прекрасно знаем, какого уважения достигал человек на Святой Руси, когда волосы его покрывала седина. И эта традиция, судя по всему, появилась в среде нашего древнего народа со времен патриарха не запятнавших себя в грехе братоубийства людей — Сифа.

И здесь нет и крупинки натяжки. Все выглядит совершенно естественным и понятным именно на том языке, который вручил Своему созданию его Создатель.

Затем человеческая история вновь подходит к катастрофе, к которой привязывается имя прародителя оставшегося после потопа человечества, на протяжении сотни лет строившего ковчег. Все проходящие мимо него люди говорили: Бога нет, Бога нет (но *Ие*, но *Ие*). Потому за ним и закрепилось имя Ной (после потопа — Сисутьросс).

Его старшего сына звали Иафет: *Ие вед*. То есть *знающий* (старослав.) *Бога*. Но и второй наследник у старика Сисутьросса был под стать первому. Потому о нем сказано:

«...**благословен** Господь Бог Симов...» [Быт 9, 26].

И если старший брат поименован *знающим Бога*, то следующий за ним, чей Господь Бог благословен, — *с им*. А потому и поименован: *Сим*.

Все логично и все по-русски. То есть на языке Бога Слова, на котором и ведется испокон века Русское богослужение.

Но и проклятый хамский род раскрывает свое значение в совершенной точности. За безчестный поступок Хама страдает его сын Ханаан (Канаан), который поименован так за свою страсть к еде. А потому имеет расшифровку: *хана ам* — тарелка пустая — следует подложить добавки (это полная аналогия значения *чайхань*: *чай хана* — следует подлить).

Следующим поворотным моментом в истории народа, на чьем языке писалась Библия, является рассказ о происхождении Иакова-Израиля. Вот как звучит эпизод его появления на свет:

«Первым вышел красный, весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя Исав. Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исаву; и наречено ему имя Иаков» [Быт 25, 25–26].

Что значит это, на первый взгляд, ни о чем не говорящее слово *ис ав*?

Когда дети учатся говорить, то называют животных теми звуками, которые те издают. Собак, в частности, они обычно именуют: *ав-ав* (аналогично смыслу расшифровки вышеприведенного имени прародителя человечества, скушавшего ад: *ам-ам*). Вот и прозвище ребенка, лохматого, как пес, получилось все от того же корня. Он был в шутку поименован выходцем *из ав (ис ав)*. То есть — *из собак*.

Иаков же, ухватившийся за пятку первенца, и никак не желавший отдавать брату первородства, а значит и наследования отцу, судя по всему, в шутку же, за свое неумное желание стать во главе *Богом жалованного* рода, что было обещано еще Аврааму, стал именоваться *Ие кова* (старослав.: *жалованье*). Но смысл этого детского прозвища воплотился в жизнь. А потому *Божье жалованье*, изначально предназначавшееся старшему брату, Исаву, вопреки всем законам того времени, досталось младшему — Иакову (Божье жалованье — это обещание Святой Троицы произойти вочеловечению Иисуса Христа, Сына Божия [Слова воплощенного], из рода Авраама).

А вот как, вкратце, выглядит расшифровка всех имен, связанных с родословной Израилевых колен. Все 21 из 21 имеют совершенно осмысленный перевод на тот язык, на котором мы и сейчас читаем «Отче наш...»:

1. Рувим: *Ру (Слава)[дат.] вима (алтарь [старослав.])*.
2. Симеон: *с им и он* (с первым и второй).
3. Левий: *левый* (плод надежды будущей любви).
4. Иуда: *Ие уда* (старослав. — член тела) — Божья уда.
5. Дан: *дан* (дан Богом).
6. Неффалим: *не валим* (непобедим [старослав.]).
7. Гад: *година* (термин, означающий рождение ребенка [старослав.]).
8. Асир: перевернутое и искаженное *Руса* (Благословенный).
9. Иссахар: *ис сохи Ра* (дань из Божьих закромов [старослав.]).
10. Завулон: *зову лоно* (пожелание любви мужа).
11. Иосиф: *Ие Сиф* (подразумевается: *Божий сев*).
12. Бенони: *благие они* (*бе* = бес; *но* — отрицание).
13. Вениамин: *вено аминь* (конец вену — брачному договору [старослав.]).
14. Ефрем: *Ие врем* [от того — *евреи*].
15. Манассия: *манна сия*.
16. Лия: *ли я* (ответ на вопрос: *их ли [дочь]? Я — их* [старослав. реч. оборот]).
17. Рахиль: *Ра хиль* (чахлое солнышко [старослав.]).
18. Ваала: *ва аль* (красный [старослав.] (кровавый) вредитель [санскр.])
19. Зелфа: *зельва* (черепаха [старослав.]).
20. Яков: *Ие кова* (жалованье [старослав.] — Богом жалованный).

21. Лаван: хозяин *лавы* (переправы [старослав.]).
(подробно см.: [70]).

Имена практически всех центральных действующих лиц Библии оказались прозвищами, данными этим персонажам на нашем языке, древнейшем на земле.

Потому, после нами утвержденного, следует решить и еще одну задачу, связанную с принадлежностью русского этноса к библейскому языку. Ведь если мы с такой легкостью определили принадлежность практически всех прародителей Израилевых колен к нам, то и само имя воплотившегося посредством Иудина колена Бога — Иисуса Христа, просто обязано быть также с легкостью переводимым все на тот же язык — на наш. Так можно ли хотя бы попытаться осуществить такой перевод?

Оказывается, что можно: стоит лишь себе хорошенько уяснить, что все вышеизложенное не плод галлюцинации, требующей для доказательства своей бесплодности лишь слегка ущипнуть себя за левый бочок, но реальное и единственно верное доказательство самой прямой причастности самого древнего на планете *языка* к самому древнему *народу*, чье происхождение *с кивы*. То есть *с камня*, к которому некогда и причалил во времена Всемирного потопа ковчег *си суть Росса* (греки Ноя называли Ксисутрос). Потому народ этот был поименован *скифами*, а главный его город, после переселения этого народа из Малой Азии (Малой России — Малороссии) на Русскую равнину — *Киевом*.

Итак, пробуем перевести на язык этого древнего народа (языка) имя посланного в мир Слова — Сына Творца.

Вот каким термином заклеили наше Слово воплощенное Его распинатели — туземцы древнего Ханаана:

«...Ешуа, как по-еврейски имя Спасителя...» [58] (с. 305).

«Шуя» на ст. слав значит — *левый*. А «Е» — Ие (Например: Е-русалим — Ие-русалим). В смысле Бог. Что рассмотрено. То есть смысл перевода с этого их «еврейского» единственен: ие шуа — *левый божок*. Так распинатели Христа глумятся над Его честным именем даже не на своем хананейском, то есть туземном наречии страны Ханаан, но, аккуратно, на нашем же родном языке. Мы же, вместо чтоб дать им на такое отпор, тупо проглатываем это их на нашего Бога издевательство и делаем вид, что не нашего, мол, ума...

А молчанием, что распрекрасно известно, Бог предается. Вот мы и предаем Его, делая вид, что не понимаем своего же собственного языка, позволяя нашим недоброжелателям куражиться над нашим Словом воплощенным.

Так выходит, если мы позволяем врагам эти безответные глумления, мы своего собственного Слова не знаем?

Кто молчит, тот, как получается, не знает. А очень зря.

Однако ж не вся заграница порочит имя Спасителя мира. Вот, например, как именуют Его в Западной Европе, где раньше жили славяне:

«...Иезус...» [58] (с. 305).

То же и на западе Восточной Европы — в Польше, например. Из дневника Марины Мнишек:

от 17.05.1607 г.:

«...Иезус...» [469] (с. 90),

от 12.10. 1608 г.:

«...Иезус!» [470] (с. 124).

Эта фраза легко раскладывается на свои составляющие вполне по-русски, в исполнении западноевропейцев, что и вполне естественно, лишь с некоторым малоросским акцентом: *Ие з ус(т)*. Что подтверждает способ воплощения Иисуса Христа посредством передачи Архангелом Гавриилом Богородице *Благой вести* — Слова:

«РЕЧЕ ЖЕ МАРИАМ: СЕ РАБА ГОСПОДНЯ: БУДИ МНЕ **ПО ГЛАГОЛУ ТВОЕМУ**» [Лк 1, 38].

После чего:

«Слово стало плотью» [Ин 1, 14].

«...Сын Божий, Который родился от СЛОВА, объявленного ангелом пресвятой Богородице... Иисус родился от Слова Божия» [431] (с. 102).

Именно таким образом и произошло непорочное зачатие, главная отличительная деталь нашего Русского Вероисповедания от иноверных. И даже тех, которые считают себя христианами. Но, в силу неверия возможности непорочного зачатия, представляют собою врагов Христа — еретиков. Однако ж сама расшифровка на наш древний язык имени Христа совершенно четко сообщает нам смысл основных отличительных от всех иных вер Русской Веры — Православия: *Ие с ус(т)*.

Именно по этой причине, что открывает правых в споре, ко всему прочему, и с раскольниками, это имя должно быть записываемо — Иисус. Произносится же имя нашего Бога, заметьте, даже вопреки написанию, все равно звук в звук нами вычисленному — *Иесус* (второе И произвольно переходит в Е). И такое вовсе неспроста:

«...в противном случае оно не будет иметь того таинственного значения, какое вложил в него сам Архангел Гавриил при благовещении Деве Марии о зачатии Христа» [88] (с. 327).

А вот как выглядит расшифровка еще в древней Псалтири зафиксированного и иного имени Сына Божия, Христос, явления Которого на той еще очень Древней Руси, что в Палестине, ждали, как минимум, тысячелетие.

Начнем с окончания, которое наиболее походит на сокращенное звучание нашей цифры восемь — *осемь (осм=ос)*:

«...888=криптографическое начертание имени Спасителя... составлено подобно и в противовес находящемуся в Апок. (13, 18) цифровому начертанию имени антихриста =666...» [36] (с. 1074).

И вот по какой причине:

«**Осмиконечие** = изображение, **восемь** концов имеющее, наприм. в кресте Христовом... когда окончится седьмой день, далее которого не простирается число дней в этой жизни... **с восьмого** снова начинается счет, что служит значением **Воскресения** и предызображением Жизни Вечной. В осьмой день Господь... **воскрес (Нов. Скриж)**» [36] (с. 390).

Вот почему Он запретил прикасаться к Себе Марии Магдалине в день Своего Воскресения:

«...не прикасайся ко Мне...» [Ин 20, 17].

И вот почему, получается — по прошествии 8 дней, апостолу Фоме было предложено проверить свои сомнения осязанием ран, оставленных от гвоздей:

«...подай перст свой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои...» [Ин 20, 27].

Суббота является седьмым днем недели. А потому именно Христово Воскресенье, *неделю*, то есть первый день недели, в честь случившегося чуда, знаменуют числом восемь. Графическое отображение данного числа и представляет собой Крест Христов.

То есть окончание сообщает нам о Слове, воплощенном среди нашего народа, более чем достаточную информацию, чтобы укрепиться в мысли, что такое совпадение не может быть простой случайностью — ведь именно Воскресение Христа и является основным постулатом Русского вероисповедания. Что, между прочим, и закрепляется наличием аббревиатуры **ХВ** в любом православном храме. Где эти буквы и означают Христово Воскресение, что нами выясняется, заложенное в имени Бога Слова.

Но и некоторое укорачивание слова *восемь* выглядит отнюдь не спонтанно. Ведь *ось* — означает сокращение *осоу=осоударь*. То есть *государь*. При раскладывании на составляющие: *осоу дар*. То есть *дар* некоего *осоу*.

Но что может это составляющее означать? Что за *дар* за такой?

Так ведь власть. Причем, высшая власть — власть от Бога, которая может быть распространена лишь на единственную Державу — подножие Его Престола.

Таким образом, окончание имеет даже двойной смысл: высшая власть, державная власть Бога, представляющая собою возможность воскресения праведников для Жизни Вечной.

Разбираем дальше. Корень: ХРИСТ=КРЕСТ. Тому примером полная тождественность терминов: *крест-ьяне* = *христ-иане*. Потому раскрытием смысла Христова Воскресения и является символ, отображающий Его Распятие — восьмиконечный Крест. Вся же фраза будет расшифрована так: *высшая власть восьмиконечного Креста — Жизнь Вечная*. То есть расшифровка имени Бога Слова, о Чьем спасении пророчествовал в своих псалмах еще древний пророк Славяно-Русский Царь Давид, несет в себе сокращенную информацию, суть которой раскрывается в основных канонах Православия. В данном случае в пасхальном песнопении:

Христос воскрес из мертвых,
смертью смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.

Так что можете не щипать себя непременно за левый свой уже и без того презрительно при подобных же удивительностях до кровавых отеков защищенный бочок, дабы в очередной раз убедиться в реальности всего вышеизложенного. Ведь все нами здесь буквально в двух словах вычисленное было распрекрасньенко видно и раньше. И требовалось лишь постоянно ну уж слишком сильно зажмуриваться, затыкая себе при этом еще и уши, чтобы всего этого стараться все также упорно продолжать не замечать в период прошедших с тех пор двух тысяч лет.

Таким образом, что нами выяснено, в имени нашего Русского Бога, Иисуса Христа, заложены самые центральные отличительные особенности Русского вероисповедания — Православия.

Сюда же добавим и прекрасно расшифровывающиеся исключительно все на тот же язык значения имен, данных Творцу в Библии.

Савваоф. На близких к санскриту наречиях (датск., напр.) звучит — Саббат. То есть Бог субботы.

Иегова. Раскладывается на составные, после чего в переводе не нуждается: Ие го(ло)ва. То есть солнце (голова Бога) на восходе. Именно в этот момент, в 7.15 (по нынешнему времени в 9.15) Иегова (или Ра) разгоняет лучами восходящего солнца бесов. Потому Русские храмы смотрят своими алтарями исключительно в ту сторону, откуда и появляется солнце (синагоги, кирхи, католические храмы — ориентированы, наоборот, на запад).

Кстати, так как бесы сегодня покидают мир сей не ранее 9.15, то все до этого момента завтракающие рискуют заглотив за своей трапезой те самые сущности inferнального порядка, которые во всеизвестной повести Гоголя «Вий» от восходящего Ра не успели улизнуть в свою преисподнюю. Доказывается это достаточно просто. Вот что сообщает о заходе солнца в Москве дореволюционный переводчик книги Павла Алеппского (год издания 1898):

«В мае солнце заходит в Москве в 8–8,5 час.» [415] (гл. 6, с. 22).

Взгляните на любой календарь, и вы убедитесь, что в мае дневное светило сегодня заходит на два часа позднее.

Так что вообще все смысловые понятия, заложенные в основные имена библейских и евангельских персонажей, совершенно четко звучат исключительно на нашем наречии, что теперь окончательно выяснили, — древнейшем на земле.

Но такое понятие появилось вовсе не сегодня. Вот что о нашем СЛОВЕ писал еще в начале XIX века президент Российской Академии (с 1814 по 1841 г.), специально основанной для изучения русского языка, адмирал А.С. Шишков:

«Корни привязывают нас к земле-матушке и возвращают на родину слова, во младенчество человека — к Адаму. Первым делом Отец поручил Адаму начать родословие. Праотец разработал почву в недрах своего естества и вырастил деревце языка, дав всему имена и названия, понятия и смыслы. Потому корнеслов в человеке — животворящая основа, и изменить его — все равно, что пересотворить Адама. Для Творца и ныне все человечество есть одна тварь словесная. И сколько б ни расплодилось на земле языков и наречий — корнеслов пребывает неизменным до конца света...

Слово стало плотью, чтобы Отцовским Языком оживить плоть всечеловеческую, а Духом Святым освятить и наполнить мир благодатью, дать один язык веры православной для всех народов. Язык от Христа Сына Бога, язык двухприродный, духовно-телесный. Язык как великое Древо жизни с могучими корнями, кои в каждом сидят корнесловом. Этим одним на земле духовно-телесным языком Тела Христова спасается ныне и присно Божий народ православный.

Лишь возрастая от корнеслова праотцовского — от матушки земли и народа коренного, облекаясь во Христа, верные могут усыновиться Отцом...

Язык богообщения у человечества один, как и Бог един... И священный язык, как Богочеловеческое творение, по истории возрастал и становился все краше. **Венцом же сего творения стал церковнославянский**, который Господь даровал великорусскому народу...

Посему **святая вера в человеке, как двигатель спасения, а язык — личный водитель ее...**» [343] (с. 396–398).

Схема онемечивания славян Европы

«...манипулирование исторической памятью русского народа средствами лжеистории является одной из самых больших угроз нашей национальной безопасности.

Людей, забывших свое прошлое, легко сделать рабами. Народ, предавший свое прошлое, легко уничтожить» [259] (с. 39).

Эта схема уничтожения своих врагов была прекрасно известна еще древним. Именно с тех пор и ведется нескончаемая борьба одними народами (а точнее единственным на земле настоящим народом — Божьим) в чаянии сохранения своей истории, а их врагами (его врагами), напротив, для скорейшего уничтожения ее. Итак, начинаем рассказ о тех сегодня уже почти полностью сокрытых лжеисториками от нашего рассмотрения процессов, которые вели мир к его сегодняшнему состоянию. Тому самому моменту, когда имя Бога, два тысячелетия продержавшись в имени Его народа, уже рискует быть стертым с лица земли, исчезнув вместе и с самим этим позабывшим свое прошлое этносом, тем и подведя мир ко вселенских масштабов катастрофе.

Вот что можно сказать о переселении земли после Вавилонского столпотворения.

Сначала о Палестине, под руководством Иисуса Навина 4 тысячи лет назад завоеванной вторгшимися туда белыми израильтянами — славянами, что нами теперь окончательно выяснено, — настоящими носителями языка Библии, перекроенной впоследствии на свой лад и свои языки фальсификаторами.

Аборигенами той местности, чьи народы были завоеваны благословенными потомками Авраама, являлись не только племена чернокожих потомков проклятого Ханаана, но и представители монголоидной расы — потомки Иафета. Это и объясняет причину происхождения их языка — идиша. Ведь именно на смешении Хамова и Иафетова наречий он и основан. И слишком значительно отличается от языка захвативших этот регион пришельцев. Потому, при упоминании о жителях Прииорданья библейских времен, говорится о двух совершенно различных наречиях:

«В древности, насколько можно проследить по свидетельствам письменных источников, по археологическим материалам, унаследованным от далекого прошлого, названиям местностей и рек, сиро-палестинский регион был населен племенами и народностями, говорившими на северо-западных семитских языках, которые, в свою очередь, делились на две группы — хананейско-аморрейскую и арамейскую» [202] (с. 187).

То есть язык белокожего народа семитов, *арамейский*, совершенно однозначно отделен от туземных наречий ближневосточного региона, в которых:

«...отчетливо выделяются две подгруппы — хананейская (моавитский, аммонитский, финикийский (хананейский) и некоторые другие языки) и аморрейская (угаритский, собственно аморрейский языки). **Еврейский язык занимает между ними промежуточную позицию.** Исторически сложилось так, что он усвоил как хананейские, так и аморрейские элементы» [202] (с. 187).

То есть элементы языков именно тех народностей, которые, по замыслу разгневанного за их беззакония Творца, должны были быть стерты с лица земли израильтянами. И вовсе не случайно. Ведь при раскопках Угарита были вскрыты:

«...храмы богов **Балу** и **Дагану**» [208] (с. 201).

Разность же наречий туземного населения Прииорданья объясняется тем, что язык аморреев (хурритский), в отличие от хананейского, основан на родстве с потомками Иафета. В раскопанном археологами древнем Угарите, появление которого датировано XXIII в. до Р.Х., после тщательного исследования лингвистами было установлено, что в этом городе:

«...основную массу населения составляли угаритяне и хурриты — народность, говорившая на хурритском языке, близком к урартскому и **к языкам Северного Кавказа**» [202] (с. 187).

Иными словами: некогда проживающие на северной территории расселения израильского колена Гада *аморреи* оказались обладателями монголоидного наречия. Вот откуда у готов появляется их монголоидный язык.

Но не только они одни становятся носителями языка завоеванных ими туземцев. Ведь соседствующие с ними колена Дана и полуколена Манассии поучаствовали в разделе соседнего царства Васан, которое в Псалтири совершенно однозначно отделено от царств хананеев:

«ИЖЕ ПОРАЗИ ЯЗЫКИ МНОГИ, И ИЗБИ ЦАРИ КРЕПКИ:

СИОНА ЦАРЯ АМОРЕЙСКА, И ОГА ЦАРЯ ВАСАНСКА, И ВСЯ ЦАРСТВИЯ ХАНАНЕЙСКА: И ДАДЕ ЗЕМЛЮ ИХ ДОСТОЯНИЕ, ДОСТОЯНИЕ ИЗРАИЛЮ ЛЮДЕМ СВОИМ» [Пс 134, 10–12].

«**Васан** = имя страны цар. Ога... Иначе именуется страна эта Аиоф, Иаир и земля **Рефаимов** (т.е. исполинов). Находится в северной части заиорданской области (*Алекс.*)» [36] (с. 67).

«**Рефаимы** = исполины земли Ханаанской; жили в Васане... Во времена Моисея в их стране жили **аморреи**, но васанский царь Ог был из племени Рефаимов [Втор 3, 11]» [36] (с. 547).

То есть нам неизвестного рода-племени великаны, чья языковая и расовая принадлежность остались за кадром, только лишь правили проживающими в Васане *аморреями*.

Туземными жителями южной части расселения колена Гада, в отличие от заселяющих ее северную часть аморреев, являлись обладатели хананейского наречия — аммонитяне. От смешения этих двух этносов, оказавшихся объединенными одной страной — территорией колена Гада — и образовался язык идиш. Но этот смешанный язык мог прийти в данную область уже в готовом виде. Из соседней местности, где проживали так называемые иевусеи. Ведь эта область входила в страну царя аморрейского, который в 134-м псалме назван царем Сиона. Кто же жил в момент прихода израильтян в обетованную им Богом страну на месте нынешнего Иерусалима на горе Сион?

Вот как сказано о населяющем эту местность туземном населении, именовавшем себя *иевусеями*:

«...твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой **Аморрей** и мать твоя **Хеттеянка**» [Иез 16, 3].

Нам же из книги Иисуса Навина известно:

«...среди вас есть Бог живой, Который прогонит от вас Хананеев и **Хеттеев**, и Евеев, и Ферезеев, и Гергесеев, и **Аморреев**, и **Иевусеев**...» [Нав 3, 10].

То есть все эти народности имели тех страшных богов, которые заимствовали у них, вместе с языком, нынешние *ерманы*, перенеся впоследствии свое капище с Ермона на гору Броккен.

Однако ж не мы сменили своего Благословенного Ноем Бога на хананейско-аморрейское идолище, но они. Не мы променяли свое СЛОВО на лающую *ермонскую* речь туземного племени Васана, но они.

Что теперь достаточно отчетливо и выясняется:

«...идиш — смесь иврита [хананейского — А.М.], немецкого [аморрейско-хурритского — А.М.] и славянских языков» [28] (с. 157).

И вот какие аргументы лежат в основе конечной победы племен служанок над славянами, расселившимися на территории Европы после освобождения ее ото льда:

«Гадово колено было довольно многочисленное...» [138] (с. 164).

А после возвращения из странствий по Дальнему Востоку (где-то к концу V в. до Р.Х.), это Колено, занимающее во времена Иисуса Христа страну Перею:

«...расположено было на юг от **скипии**...» [138] (с. 165).

От *Скипии*. Потому как:

«**Вефсан** — древний палестинский город, в Галилее, в четырех верстах к югу от Тивериады и в двух верстах к западу от Иордана... После нашествия **скифов** переименован был в **Скифополь** и был одной из резиденций их» [138] (с. 136).

О нем упоминает и Страбон:

«Скифополь близ Галилеи» [309] (гл. 2, аб. 40).

«Скифополь был вторым главным городом Палестины» [38] (с. 344).

Вторым по величине после Иерусалима. Так что целая страна *скифов*, названная в Евангелии Десятиградием, была расположена на севере от колена Гадова, которое было не только многочисленным, но и:

«...отличалось **воинственным характером**» [138] (с. 164–165).

То есть *агрессивным*. И это очень согласуется с бессмертной привычкой этих самых *готов (гадов)*, несмотря на периодическое получение от нас по зубам, все равно также настырно продолжать свою давно набившую оскомину агрессию на Восток.

И на карте Европы можно с удивлением для себя обнаружить топографические названия колен Израилевых.

У *гадов-готов*, например, — это *Готланд*.

Слово *гот* — это абсолютно однокоренное *године* значение. Так их стали называть еще задолго до того, когда *гот* стал звучать как *год* (следуя произнесению множественного числа — *годы*).

Точно таким же образом можно разглядеть и присутствие израильтян Данова колена на той же современной карте Европы. Страной расселения *Данова колена* является *Дания*.

«С начала IX в., с конца царствования Карла Великого, по берегам Западной Европы начинают рыскать вооруженные шайки пиратов из Скандинавии. Так как эти пираты выходили преимущественно из Дании, то они стали известны на Западе под именем *данов*» [49] (с. 144).

Между тем датчане:

«...произносят имя Бога-Отца Саваофа (*Sabbaoh*), а точнее *Бога Субботы* — *Go`Sabbath...*» [48] (с. 31).

Что указывает на сохранившуюся у этого народа традицию, оставшуюся еще с библейских времен.

В напутственной речи Моисея об этом колене сказано так:

«*“Дан, молодой лев, который выбегает из Васана [Втор 33, 22] с покатоостей Ермона, где он скрывается, подстерегая себе добычу”*, указывает на силу и воинственность потомков Дана» [192] (с. 354).

А выбегает-то он не просто откуда, но с территории сопредельного колена Израилева, получившего эту землю еще в момент завоевания Палестины Иисусом Навином, когда:

«...**Васан** перешел в удел полуколена Манассии» [111] (с. 110).

Однако же теперь эта земля опустошена:

«Так исполнились и продолжают исполняться поразительнейшим образом пророчества Божии относительно страны Васанской, Галаада и других городов **за их нечестие**» [111] (с. 110).

А *нечестием* является отход от веры истинной в идолопоклоннические вероисповедания своих рабов — аморреев. Эти же верования с палестинского Ермона были перенесены и в Европу. Там данами были покорены и онемечены славяне Скандинавии:

«В 1397 была заключена Кальмарская уния Д[ании], Швеции и Норвегии, в результате чего все скандинав[ские] страны оказались под властью дат[ских] королей» [168] (Т. III, с. 94).

И, судя по всему, главным предметом этой экспансии явилось через навязывание латиноязычного католичества тотальное искоренение нашего старославянского наречия, которое вплоть до начала XX в. еще было употребляемо в некоторых сельских местностях Скандинавии. Этим подтверждается обнаруженная на сегодняшний день удивительнейшая способность уроженцев глухих провинций этих местностей к изучению столь катастрофически сложного для иноязычников русского разговорного наречия.

Латинизацией же произведено уничтожение старославянских наречий морских (настоящих) Лиинных галлов: Шотландии (Рослинг), Го[а]лландии (Фризландии), Португалии (Лузитании), Испании (Андалузии), Северной Германии (Рюгена, Венеты, Померании (Поморья), Ольденбурга, Макленбурга и т.д.).

«**Дан** — ...Родоначальник особого колена Израильского, которое отличалось хитростью, коварством... основало город Дан, по соседству с филистимлянами, с которыми вело торговые сношения. Из этого племени вышел знаменитый художник **Хирам**» [138] (с. 184–185).

Ну, если уточнить, не совсем *художник*. Потому как этот самый Хирам, или Адонирам, является главным архитектором храма Соломона — родственником основателя масонства и продолжателем дела главного архитектора иного сооружения — Вавилонской башни — родоначальника немых: *Немрода* (нем-рода) [113] (с. 214–225).

А ведь масоны свою организацию называют *орденом*. Что этот термин может означать?

«**Ердань**, или **Ердан** и **Иердан** (по Остр. Ев.) = река Иордан [Мф 3, 13], [Мк 1, 9]» [36] (с. 176).

***Ие орден* — Иордан.**

И именно на его левобережье и располагалось некогда колено Дана. И именно с вершин горы, на склонах которой оно было расположено, эта река и вытекает. А ведь на Ермоне некогда и стояло языческое капище. Потому, очень похоже, эта река получила свое нынешнее название уже после прихода Израилевых колен в Палестину. Иордан: «*Ие*» род *Дан* — полная расшифровка предсказанного в Апокалипсисе воплощения именно из рода Дана именно лже бога (лже Ие) — антихриста. То есть полной расшифровкой этого термина является: Божьим родом (якобы) является род Дана. Вот почему масонство именуется себя **орденом**! Вот в какой термин зашифровано вочеловечение лжехриста — антихриста.

Кстати, именно нами расшифрованная деталь и лежит в основе столь на первый взгляд странной схожести наименования организации *орден*, под которым приходили на Святую Русь полчища крестоносцев, с термином *орда*, столь печально знакомым нам по походам на нашу землю Батые и Мамае. А также тому террору, который некогда развязала против нашего народа разоряющая на протяжении двух столетий наши земли Золотая *орда*, что теперь выясняется, лишь восточная часть *ордена* крестоносцев, получивших от нас по зубам на берегах Невы и на льду Чудского озера.

А смысл ведения ордой-орденом той страшной кровопролитной войны на тотальное истребление читаем теперь с полуслова. На Святую Русь приходили иноверцы, пытающиеся военной силой навязать нам, единственной с *правой* (правильной) *славой* Бога истинного Державе, подножию Престола Господня на земле, свои лжеверования с одной единственной целью — для воцарения антихриста. Именно по этой причине и приходило как с востока, так и с запада единое войско, именуемое родом Дана (мечтающего о воцарении из своей среды антихриста) — орденом ([И]орда[н]=орден). То есть приходил к нам тогда зверь. Именно по этой причине зверски выкашивалось на завоеванных обеими этими группировками попадающее им в лапы русское население Святой Руси.

Но каким же образом этих древних данов оказалось так много, что они даже составляли основной костяк обеих орд, нагрянувших некогда на нашу землю, как с востока, так и с запада?

При определении количества выставляемых на войну мужчин, что зафиксировано еще в библейские времена:

«...наибольшее число давало колено Дана» [138] (с. 385).

Так что чисто количественно даны подавляли своей людской массой вообще все Израилевы колена.

Но не одни они составляли нами рассматриваемое многочисленное воинство врага. В этот конгломерат потомков Израилевых колен, порожденных чернокожими служанками, также вошли Колена Ассира и Неффалима. Все они своей родиной считают склоны горы Ермон. Потому и называются — *ерманами*. Именно так, в простонародье, даже во времена 1-й мировой войны, наши русские солдаты их и называли.

Кстати, еще в средние века гора Ермон в Палестине немцами именовалась Гермоном. Некогда турецкий султан Малек-Ашраф, как свидетельствует побывавший у него в плену Иоганн Шильтбергер, именовал себя:

«...султан благородных сарацин... владетель Иерусалима... владетель Иордана... владетель Вифлеема... владетель Синая... владетель горы Гермон, окруженной семьюдесятью двумя башнями...» [431] (с. 67).

Так что палестинский Ермон сами германы называли Гермоном. Что в очередной раз подтверждает выдвинутую нами версию о происхождении этого рыжего картавого семени. Именно они являются теми полукровками славянами, которых покорили

вторгшиеся сюда в прошлом их рабы аморрей-угариты — обладатели германского наречия. То есть туземного наречия обитателей горы Гермон.

Потому миф о некоей якобы Адольфом Гитлером выводимой стерильной белой европейской расе, германской, является лишь ни с чем не стыкующейся фантазией:

«И кельты, и германцы — народы, пришлые из глубин Азии» [254] (с. 16).

То есть обладатели смуглых тел и темных волос монголоидного наречия туземцев Васана.

И пусть в Германии не редко встречаются и блондины, однако же:

«Настоящие германцы кареглазые и круглоголовые» [254] (с. 12).

И такого вот покроя немцев, как выясняется, больше половины:

«Веками французы считали, что их соседи немцы — сплошь блондины. Потом этим заинтересовались ученые, и обнаружилось, что в Германии блондинов менее 50%, то есть меньшинство населения» [156] (с. 30).

Так что эти хваленые расисты, что уже на самом деле, представляют собой вовсе не ту расу, за торжество которой столь долго и настойчиво они воевали, усеивая трупами десятков миллионов людей территории белого континента.

«Голубоглазые и светловолосые германцы-долихоцефалы суть огерманившиеся вены, потомки покоренных славян-россов, населявших до прихода готов всю континентальную Европу и Скандинавию» [254] (с. 12).

Вот как арабы именовали этих коренных жителей белого континента до вторжения сюда полчищ полукровок — арийцев:

«...сиклаб [славянин — А.М.] значит белый человек» [253] (с. 38).

Это прекрасно согласуется и с иными сведениями о догерманском населении Европы:

«Известно, что славяне исконно жили на землях, простирающихся до нынешнего Берлина и далее к западу...» [112] (с. 668).

«Важный факт: немецкие расовые теоретики дружно отмечают, что в наибольшей степени нордические расовые черты среди всего немецкого народа чаще всего встречаются у саксонцев и в Бранденбурге, т.е. в местах исконного или значительного, по количеству, проживания славян в древности» [61] (с. 173–174).

Именно по этой причине, что слишком бросается в глаза и чего просто невозможно не заметить:

«...древние немецкие земли, города, селения, реки и немецкие семьи носят древнейшие славянские имена...» [112] (с. 668).

«На всей территории Альп и далеко за ее пределами наука, занимающаяся изучением топонимов, их происхождением и значением, обнаруживает необычайно много территориальных славянских названий...» [61] (с. 186).

А.С. Хомяков пишет:

«Рейнское устье представляет собой последние следы славянства на берегах Северного моря. Предположение о том, что морины (от море, теперь Зеланд) и менапии действительно принадлежали к вендскому поколению и были братьями жителей прилуарских, предположение, основанное на сходстве имен, торговом быте, мореходстве и градостроительстве, обращается в бесспорную истину при подробнейшем исследовании предмета» [61] (с. 175).

«Известный ученый Г.Ф. Голлман обнаружил удивительное сходство древнерусского языка с древнефризским. Не забудем, что соседями фризов с юга были племена моринов, также изначально не германоязычных. И не здесь ли ключ к загадке личности Рорика Ютландского, конунга фризов, вассала франков [в то время православных славян — А.М.], князя, которого некоторые отождествляют с Рюриком Новгородским» [61] (с. 191).

«...в истории франков и их соседей саксов славянский мотив если не ведущий, то очень отчетливый. Филолог XIX века Е. Маевский обнаружил у франков 567 славянских наименований... само существование славян в королевстве франков бесспорно и подтверждается большим количеством сел с характерной славянской планировкой и

названиями. Археологами выявлены крупные массивы сплошного славянского расселения восточнее линии Бамберг — Гайда — Наба и в районах Эрфурта, Готы, Бургленгенфельда на Набе, Ансбаха на Резате и Альтмюля» [61] (с. 194).

А вот что сегодня полностью подтверждает все вышесказанное: как принадлежность к славянству вообще всей белой части населения Европы, так и точное указание — где сегодня проживает остальная его часть:

«По многим расовым признакам русские являются самыми чистыми европеоидами. В частности, светлые (серые, серо-голубые, голубые, синие) глаза встречаются в 45% случаев (в Европе — 35%), темные волосы — 14% (в Европе — 45%), прямой профиль носа 75%» [211] (с. 321).

Но почему цвет кожи европейцев все-таки белый?

Очень похоже, что долгое соседство со славянами веками производило обеление поселившихся здесь потомков черных служанок — прежних жителей Галилеи Язык. И именно свободные нравы их женщин, а точнее — языческих обычаев, и лежат в основе столь массового смешения этого изначально цветного населения с белым, то есть русским человеком. И вот почему сами мы при этом не потемнели. Смешение на западе Европы, судя по всему, происходило точно по сценарию этого смешения на востоке Европы. А вот как об этом сообщается антропологами еще дореволюционной России:

«...идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какою-либо “поганью”, как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ними вести дела, будет с ними ласков и дружелюбен, войдет с ними в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм, выражающийся в отвращении к инородкам. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки, хотя романы и часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камелиями, а не наоборот... Мужчины, неохотно налагающие на себя брачные узы с представительницами низших рас, весьма благосклонны к их жертвам, когда они приносятся без всяких обязательств с их стороны» [229] (с. 137).

Таким путем шло у нас обеление язычников соседей — угро-финнов. Сами же мы от смеси с ними вовсе не страдали: Православие блуд отвергает еще в самом его зачатии — блудную девицу замуж никто не возьмет. Но и примесь чужой расы в рождаемых ею детях будет определен мгновенно. Мало того, что обнаружено на сегодня, даже блуд не закончившийся зачатием через некоторое время способен народившемуся ребенку придать черты инородца, тайно вступившего с женщиной в половую связь.

То есть именно Православие ставило серьезный заслон этому расовому смешению с соседями.

Потому понятно, к какой расе принадлежат столь ужасающе легкие нравы женщин, сегодня ярко проявляющиеся у нынешних европейцев: немки и француженок, голландок и шведок. Но и история их необыкновенного обеления находится здесь же — легкость нравов принесла этим монголоидно говорящим племенам удивительную схожесть с настоящим белым человеком. Но лишь схожесть — нравы европейцев их истинные национальные черты выдают просто с головой.

Но все это происходило, повторимся, при наличии на Западе больших компактных городских поселений славян. Причем, русская дореволюционная расовая теория сообщает уже выше озвученное — именно славяне являются автохтонами Европы:

«...в свое время не существовало ни праславянина, ни прагерманца, ни прадатчанина и т.д., но на всем районе от западной половины Московской губернии и далеко в глубь Европы жило одно и то же длинноголовое курганное племя, давшее различные в антропологическом смысле современные расы путем примесей народов другого типа...» [229] (с. 167).

Примесей народностей из Галилеи Язык. Колен, рожденных служанками: Зельфой и Ваалой.

А вот что на эту тему сообщалось еще в самом начале XIX века, когда память о заселении Европы белыми людьми еще не выветрилась у населяющих ее народов. В том числе и у нашего:

«Славяне прежде всего жили в Сирии и Финикии; перешед оттуда поселились в Колхиде и Пафлогонии. А из Пафлогонии во время Троянской войны по сказанию Гомера в Европу перешли, и берегами Дуная и Средиземного моря до Италии овладели (Из древних летописцев и из Диодора Сицилийского гл.: 33 и 31)» [287] (с. 5).

«Потомки оных славян за 66 лет прежде Рождества Христова: будучи прогнаны Помпеем с берегов Каспийского и Черного морей, искали на севере и западе Европы безопасности, не обретая оной больше в своем отечестве» [287] (с. 6).

«Роллен и Миллот (том 3, с. 127) полагают в 67 году до Р.Х. “Помпей имея 500 кораблей и 125 000 человек рассеял их в 4 месяца (Мавроурбин с. 11). Они разделились надвое. Одни пошли к северу и заселили берега Балтийского моря на 250 миль германских и назвались венеты, а другие заселили берега Дунайские”» (там же).

Однако ж имеется и иное мнение о нашем народе, где они именуются племенем воинственным:

«“Славяне оскорбляли нападением мало не все народы во вселенной — овладели лучшими провинциями в Европе — и от них произошли сильнейшие народы: славяне, венеты, даки...” (Записки касательно Российской истории. Ч. I. С. 11/ Историография Мавроурбина архимандрита Рагужского с. 3–4)» [287] (с. 9).

То есть самыми первыми среди белых поселенцев Европы, некогда вторгшихся в ее пределы, являются славяне.

Но и впоследствии, уже во времена так называемого переселения народов, именно славяне держат руку на горле буквально на глазах разваливающейся, некогда ими самими и организованной в Великую державу, Римской империи.

Марко Фоскарينو (XVI в.):

«Народ этот... под именем Готов, которые населяли прежде остров Исландию (В. Валич сп.: *Irlandia*) или Скандинавию, и слишком тысячу лет тому назад, под предводительством их царя Тотилы (*Totila*), известного как Москвитянам, так и в Италии, совершили удивительные подвиги, разрушив, по несчастному [определению] судьбы, город Рим и Римскую империю» [340] (с. 6).

А вот как в 433 г. характеризует договор Рима со скифами Приск Панийский:

«Когда Руа умер, а царство Уннское перешло к Атилле...» [355] (с. 20), римляне поспешили продлить с этими «варварами» договор. И вот кто из двух договаривающихся сторон являлся настоящей империей, а кто никакой империи в ту пору, что выясняется, не имел. Договаривающиеся стороны постановили:

«...чтоб за сохранение договора Римляне платили Царским Скифам ежегодно по семи сот литр золота (эта дань простиралась ранее до трехсот пятидесяти литр). На сих условиях заключен был мир; в сохранении его и Римляне и Унны поклялись по обычаю своих предков» [355] (с. 22).

А потом еще и Олег им будет щиты на ворота прибывать.

А может быть Атилла и Олег были управителями одного и того же государства? Потому римляне платили дань, что следует из вышесказанного, еще до Атиллы и, что нам известно, все продолжали ее платить уже после царствования Олега. Вот у кого из двух этих древних государств в те времена была настоящая Империя.

Но отраженные моменты истории всегда повторялись лишь с единственным результатом: римляне-ромей вели агрессию, а представители государствообразующей нации их усмиряли. Под 447 годом, у того же Приска, значится:

«Между Римлянами и Уннами произошло в Херсонисе сражение, после которого был заключен между ними мир через посланника Анатолия, на следующих условиях: выдать Уннам переметчиков и шесть тысяч литр золота, в жалованье за прошедшее время; платить ежегодно определенную дань в две тысячи сто литр золота...» [355] (с. 26–27).

Так что Рим, в попытке соперничания со славянской Державою неких Царских Скифов только успевал на счета своего в постоянных конфликтах оппонента деньги вовремя перечислять. И уважали они своих соседей славян лишь потому, что боялись — грозен для них был славянский Царь Атиллы:

«Римляне повиновались всякому его требованию; на всякое с его стороны понуждение смотрели, как на приказ повелителя» [355] (с. 30).

Вот почему они нас всегда боятся и ненавидят. Вот почему к сегодняшнему дню нашим доморожденным иностранцам, германофилам, внушили просто невероятную своей фантастичностью идею, что, мол, слово славянин у них якобы всегда означало — раб. Видать здорово им в эпоху Атиллы и его предшественников от нас по мордасам заполучать приходилось и умопомрачительнейшую столетиями дань платить. Вот они с больной головы на здоровую все и перекрутили. Потому даже самого Атиллу, чтоб снять с себя былой позор и с нашей стороны полное презрение, переделали в татарина.

Однако ж исторические факты говорят совершенно о другом. При приеме у Атиллы, например, подавалось вино. И это происходило якобы у кочевников, которые, что уже на самом деле, кроме кумыса, что давно подтверждено практически всеми источниками, иных напитков не знают.

Но где же мы такое столь нам знакомое при встрече гостей встречали и встречаем по сей день?

Так ведь исключительно у нас:

«Это обыкновение выпить чарку другую перед обедом велось, и ведется поныне, исключительно у одних росо-славянских племен... иноплеменные европейцы не имеют сего обычая» [318] (с. 171).

Потому-то, что весьма справедливо подмечает Венелин:

«...вино у гуннов перед обедом указывает явно на происхождение их с русской стороны...» (там же).

И этот аргумент в пользу выдвигаемого нашего с этими странными гуннами единого обычая выглядит наряду и с иными отличиями этих «монголов» и от всех народов иных. Что роднит исключительно нас с ними:

«...точно как остриженные в кружок головы, и бани, и мед, и квас и проч. Монголы ли гунны? О, историки!» (там же)

воскликает Венелин.

Кстати, тому не противоречит даже Лейбниц, который, что откапал в его многочисленных письмах в Ганноверской библиотеке В. Герье:

«...причислил гуннов к славянам...» [418] (с. 41).

Вот еще свидетельство. На сей раз средневекового автора, который с нынешней историей по истории гуннов, так же как чуть позднее Лейбниц, германофил, между прочим, до корней волос, к счастью, был еще не ознакомлен:

«...Хелмолд упоминает, что Россия от предков своих хунов и Хунигард называлась» [371] (с. 18).

То есть страну гуннов.

А вот что на данную тематику сообщает один из авторов средневековья, оставшихся анонимными. На противоположном от Италии берегу Адриатического моря, то есть на территории царства Атиллы, проживают (в XIII веке):

«...славы, ранее называвшиеся хуннами...» [432] (с. 218).

Приск:

«...человек, с которым я говорил, казался Скифом... голова острижена была в кружок» [355] (с. 54).

А еще, что также Венелиным подмечено в повествовании Приска, подаваемые дорогим гостям хлеб-соль.

А вот как выглядело жилище предводителя гуннов:

«Дворец Атиллы... был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой с башнями. Внутри ограды было много домов: одни выстроены из досок с резной работой, другие из тесаных и выровненных бревен. Между постройками была большая баня, сложенная из камня, привезенного издалека. Внутри у стен стояли скамьи...» [336] (с. 128).

А еще отсутствие гаремов. Притом достаточно свободное положение женской половины, что встречалось лишь у нас — не знающих и в корне существующего у всех иных нашему народов скрытного или открытого прелюбодеяства.

Вот чем отличалась трапеза Атиллы от его приближенных и римских послов:

«Пирующим подносились были чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная» [355] (с. 69).

И вот как выглядел Атилла:

«Одеяние у него было ненарядное и ничем не отличалось от прочих, разве только чистотою и простотою» [318] (с. 172).

«Ни висящий на нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями, или чем-либо драгоценным, как водится у других Скифов» [355] (с. 69).

И выходил он в этом простом своем одеянии, что также отмечает Приск, к простому народу. Что в особенности характерно, и такое поведение ни у каких деспотов Востока не встречалось и в помине. Но являлось вполне естественным лишь в обиходе русских князей.

То есть и здесь полная аналогия с нашими правителями.

На пирах у Атиллы:

«...пели былины, слушали смехотворные и вздорные речи юродивого (шута) скифа и ломание горбуна-грека...» [336] (с. 128).

Но и сама топонимика той местности, где властвовали гунны, нам подсказывает все то же:

«Везде, где только проживали гунны, там остались названия мест одни славянские; ни малейшего следу татарских. Таковы названия древнейших мест в Венгрии, Валахии, Молдавии, Юго-восточной России; в Болгарии же, Фракии, Македонии, Албании с прибытием гуннов славянские названия заступили место греческих и римских; неславянские же в упомянутых странах появились только после нашествия на оные венгров и турок из татарского мира» [318] (с. 176–177).

И в довершение всему вышесказанному выясняется, что:

«...Атилла был христианин...» [336] (с. 127).

Так просто заканчивается история о его якобы татаро-монгольском происхождении.

А вот откуда у историков, сочинявших все свои саги по истории, судя по всему, где-то в начале XVII века, появляется и само прозвище этих столько им бед наделавших объединенных Атиллою с их точки зрения варваров:

«хунну по-китайски хун-ну, или сюн-ну, значит злой раб, а гун-ну почтительный раб» [318] (с. 180).

Возможность же соотнести именуемых китайцами гуннами монголов с гуннами Атиллы еще в V в. столь же призрачна, весьма справедливо отмечает Венелин, как и попытка переправить подобным же образом какие-либо имена из пока не открытой Америки во все тот же Старый свет.

А появиться эта возможность у сочинителей историй по истории могла лишь тогда, когда, собравшись все вместе, они принялись переписывать мировую историю под себя. То есть русская руническая письменность, лишь единственный способ передачи информации в древнейшие времена, была переведена на новые языки, якобы древнейшие,

но на самом деле — новодел XVI века — латынь и греческий, и переписана заново. Потому оригиналов авторов античности нигде как нет, так и быть не может и в самой природе.

А встали во главе всех этих переделок немцы.

Историю же Дальнего Востока под себя перекраивал великоханьский Китай. А историю Востока Ближнего — хананей — потомки черных рабов, присвоившие Писание белых людей — Библию — своему афро-азиатскому негроидному наречию — наречию туземного населения Ханаана, тем и внеся всю царящую и по сегодняшний день во всех головах всех народов сумятицу. Ведь Бог белых людей объявлялся рожденным среди чернокожего населения потомственных рабов...

Но война эта велась не только против Русского Бога, но и против Его народа. Потому имена славянские из всех древнейших историй старательно вымарываются и заменяются какими-то совершенно несуразными терминами. Все то же происходит и со всеми иными письменными источниками, включая и Библию, изрядно подправленную под себя народом, некогда заклеянным проклятьем.

Но вот в 30-е гг. XIX в. начинает разбираться в подтасованном немцами историческом материале австрийский русин Ю.И. Венелин. И сильно удивляется, каким же это образом греко-римляне смогли прохлопать у себя под самым носом столь долго с них с самих собирающую дань самую настоящую Русскую Империю раннего средневековья. И это тем более странно, что ему, причем по описаниям лишь еще одного автора, легко удается определить национальную принадлежность людей, населяющих ту древнюю страну Атиллы. Причем автор этот, что самое непонятное для Венелина, никаких наименований посещаемых им селений и городов вообще не приводит. Спрашивается, почему?

Да потому что при формировании немцами так называемой «мировой истории» происходила не только переписка античных источников на якобы древнейшие на планете языки, но и серьезная переделка их. И для обозначения славян либо изобретались новые какие-либо совершенно несуразные названия, например, гунны — якобы китайские рабы, либо просто умалчивалось о слишком известных наименованиях городов и селений, как, например, в цитированном выше сочинении Приска. Ведь он, возможно, все посещаемые им города и селения очень подробно упомянул. Но немцы, чтобы вычеркнуть из истории весьма досадную для них оплеуху, заполученную в те времена от государства славян, империю Атиллы переписали под никому неизвестных гуннов.

Но вот что означает по-нашему этот загадочный термин:

«Гунами на Дону называют старые одежды, лохмотья; в горной Галиции и в Карпатах у гуцулов под гунами разумеют верхнюю нарядную одежду» [336] (с. 129).

То есть данное прозвище привязано просто к одежде, согласуясь с наименованием людей, например, носящих черкески, — черкесами.

Но вот что в ту пору произошло в Европе на самом деле.

Пересыхают пресные озера Древней Руси — Русского острова — Месопотамии. Да и в Северо-восточной Африке, на территории Европы Древней (по В.В. Макаренко), климат для проживания белого человека также становится невыносим. А потому славяне переселяются на самые для них по тем временам подходящие земли — в район средней Волги (нижняя Волга еще затоплена в ту пору Каспием). Ведь там и чернозем прекрасный, и сама артерия эта, в те времена очень глубокая, является прекраснейшим средством сообщения между славянами Запада и славянами, оставшимися в тот момент еще на юге — в Средней Азии (Средней по тем временам России).

Но в Причерноморье того времени также проживают, соседствуя с ними, воинственные остготы. То есть немцы. Жить спокойно, то есть не задираясь, эти басурманы не умеют. А потому, когда наступает, наконец, предел славянскому терпению, наш Царь, именуемый Тилла (буква «А» прибавлена, по их обыкновению, греками), собирает войско и громит

басурман. И так серьезно громит, что немцы, спасая свои жизни, бегут в соседнюю с ними Византию — за Дунай.

Византийцы, на свою голову, это сорное племя, что затем выяснится — похлеще цыган, принимают.

Вот после этого весьма необдуманного поступка древняя Империя, именуемая Римской, и подходит к своему концу. Немцы, как обычно и ведут себя все подобные им паразиты, обживаются, залечивают свои ободренные русским штыком «перышки», а затем начинают сосать кровушку из необдуманно впустившего их к себе головотяпа — Фракии Византии.

А когда византийцы, наконец, одумавшись, начинают их лупцевать, это цыганообразное племя перебирается отсюда в Италию и начинает грабительствовать уже там.

Империи же прекратить эти безчинства помогаем, опять же, — исключительно мы. Разбушевавшихся немцев громят *болгары* — *волгары*. Ведь греки вместо буквы В произносят Б — потому-то и появляется столь для нас странное наименование славянского народа. То есть громит этих разбушевавшихся не в меру басурман, опять же, русские люди с Волги. Но басурман этих, немцев, то есть и по-русски слова не понимающих, по-хорошему, требовалось не громить, но уничтожать, как забравшихся в чужой дом паразитов. Потому и гибнет тысячу лет безбедно просуществовавшая нами же некогда и организованная империя. Потому именно мы и пытаемся ее от влезшего в нее короюда как-либо защитить.

Но, увы, не в коня корм. Ведь разъедающие ее бациллы, то есть когда-то весьма опрометчиво запущенные в нее немцы, все увеличиваются в числе. Здесь, судя по всему, повинна в тот момент принявшая массовый характер эмиграция всех оставшихся на тот момент еще в Африке, Аравии и Палестине Израилевых колен. То есть вслед за славянами, оставившими эти южные знойные страны из-за высыхания пресноводных морей, им столь необходимых, Европа пополняется полчищами немцев, стремящихся в самые уже здесь наиболее теплые места — на нынешние территории Франции и Италии. И, в конце концов, цивилизация древности, заполоненная изнутри, с черного практически хода, невымытыми телами пришельцев, гибнет.

И вот как это происходило на Западе. Адам Бременский:

«Славония есть обширнейшая страна Германии... Эта страна плодороднейшая и наполнена оруженосным и воинственным народом... Итак, народы славянские, из коих самые крайние с запада, граничащие с заалбийцами, суть вангры, коих столица Алденбург, приморский город» [318] (с. 557).

Их язык, что также отмечается Адамом Бременским, не отличается от польского.

«Далее, — продолжал Адам, — следуют (т.е. к востоку) ободриты, иначе называемые ререгами».

...ободриты населяли герцогство Мекленбургское и Западную Померанию» [318] (с. 557).

«Далее продолжает он: “А ближе к нам живут палабы, коих главный город Рацисбург”.

Ближе к нам, значит ближе к Гамбургу. Итак ободриты жили подалее от Гамбурга, к востоку; ибо палабы жили поближе. Объясним сие. Палабы есть название славян, живущих по реке Лаббе. Так ее называли сами балтийские славяне; так ее называют еще и теперь в Богемии, где она происходит, самые чехи. Лаба у латинских писателей превратилась в *Albia*, а после в *Albis*, а у немцев в Эльб, *Elbe*» [318] (560).

То есть наш славянский гидроним Лаба к сегодняшнему дню переименован немцами в Эльбу.

«Древний схолиаст Адама прибавляет: “Сих четырех народов, по их храбрости, называют волками, или лютичами, т.е. лютыми”...

Вообще сии волки, или лютичи, занимали значительную часть Мекленбурга, и всю Западную Померанию, и острова Рюген, Узедом и Воллин...

Гавеляне... суть славяне по обеим сторонам реки Гавелля, втекающей в Лабу... Дошане, на коих земле стоит Берлин, суть восточные соседи гавелян. Далее к востоку от дошан суть лебужане, по обеим сторонам Одеры, около Кистрина, отчасти на реке варт, и близ Франкфурта. Названы так от главного города Лебужа, он небольшой, стоит при Одере, между Кистрином и Франкфуртом. Стодеране лежат от гавелян к югу до самых пределов Лузании (Лужиц)» [318] (с. 562–563).

Так что сами немцы нам сообщают о существовании некогда славянских мощных воинственных поселений на берегах Северного моря. Однако ж сами славяне о себе почему-то молчат. Венелин раскрывает нам эту загадку:

«Что ж тому виною? Не имеем ни одного тамошнего славянского писателя того времени. Может статься, что их было довольно, но их труды должны были быть преданы истреблению вместе с их языком. Все, что узнаем о сих славянах, взято из свидетельств их соседей...» [318] (с. 556).

«Если же приглядеться к данной проблеме внимательней, то на карте нынешней Европы можно найти тысячи и даже десятки тысяч тех неизгладимых следов, что оставили наши прямые предки в местах своего обитания. Да, те, кого принято называть славянами, славянорусами, венедами и т.д., а если быть более точными, просто русами, чувствовали себя на всей территории Европы как дома. Европа и была их домом, нашей родиной — мы просто забыли об этом. Но топонимика помнит. Исторические хроники и летописи можно исказить, дополнить, переписать. Но невозможно выправить и переименовать сотни тысяч названий городов, сел, рек, ручьев, озер, равнин, лесов, болот, гор» [386] (с. 263).

Так как же вышло, что проживающие в Европе еще до Р.Х. многочисленные германские племена не оставили по себе вообще никакой топонимики, а вся имеющаяся принадлежит нам — славянам?

«сами немцы называют себя “дойче”. Откуда же появился этноним “германцы”? И что он означает на самом деле? “Германцами”, а точнее, “германами”, называли северных варваров римские историки и более поздние раннесредневековые хроникеры, писавшие на латыни. Подразумевали ли они под “германами” подлинных немцев, “дойче”? Нет. По той простой причине, что “дойче”-немцы не проживали в те времена в Центральной и Восточной Европе, на землях нынешней Германии... Вышесказанное однозначно подтверждается топонимикой Европы, а также совершенно четкими указаниями средневековых хроникеров (см. Мавро Орбини и др.), которые писали прямо, что Европу заселяли те, кого позже стали обозначать этнонимом “славяне”. Так почему же римляне называли славян-русов “германами”?» [386] (с. 263–264).

Таким вопросом задается несколько недопонявший суть разбираемой им проблемы Юрий Петухов.

Нам же, в свете уже ранее разобранного, совершенно четко теперь становится видно, что германами античных историков являлись вовсе не славяно-русы, как ошибочно считает Юрий Петухов, но пришедшие сюда с горы Ермон колена полукровок: Ассира, Неффалима, Дана и Гада. Это полностью подтверждают и их языческие боги, имеющие внешность помеси двух рас: белой и черной. Здесь стоит лишь взглянуть на облик предоставляемых нам Петуховым этих богов и богинь. Все они, хоть и несут в себе черты белого человека, волосы от самых корней имеют кучерявые — как у негроидной расы. У русского же человека они, как и у их Бога, Иисуса Христа, до ушей прямые. И лишь затем переходят в кудри. Германцы же собой представляют семито-хамитскую расу, то есть помесь белой и черной рас. Ведь они являются порождениями черных служанок — Ваалы и Зелфы. Да, города их, пусть и не слишком отчетливо, именовались все же на славянском наречии, которое в Древнем Израиле было общепринятым для всех Израилевых колен. Но с приходом немцев-«дойче», то есть каких-то монголоидов, скорее всего их же бывших слуг, аморреев, они, посредством окатоличивания, превращаются в картавых иноязычников: немцев и французов, датчан и англичан.

С чем, собственно, вполне согласен и Юрий Петухов:

«...исторически свободные русы-русы-норики (славяне этнические) завозили невольников-рабов германцев... В дальнейшем расплодившиеся германцы, бывшие рабы, сумели существенно повлиять на язык и культуру...» [386] (с. 281).

И вот чем объясняется этот явно просматривающийся в наименовании германов палестинский Ермон:

«Само слово “гер-” имеет основой своей... “яр-”, “ар”, то есть “ярый, ярий, арий”... В средневековую латынь, как и в латынь римлян, слово “яр-” трансформируется однозначно, как “гер-” (хронисты, к примеру, записывают славянское божество Яровита “Геровитом”, и т.д.)» [386] (с. 264).

И этот революционный процесс перехода «кто был ничем» в господа Европы, то есть процесс перехода в господа слуг израильтян, аморреев, был наиболее характерен еще и тем, что именно у аморреев, в свое время, и был белыми обитателями Ермона заимствован культ поклонения ханаана-аморрейскому божеству — Ваалу-Перуну. Да, уйдя из Вавилонского плена, евреи раскаивались в своем идолопоклонстве, но надолго ли?

И вот, выясняется, что вовсе ненадолго. Вернувшись из дальних странствий и переведя своих ермонских языческих чудищ сначала на Олимп, а затем на гору Броккен, они подверглись экспансии своих бывших рабов, принявших к тому времени извращенный вариант христианства — латинство. То есть трактовку священного Писания, вместо всеобщего принятого в то время богослужения на языке Бога, на близкое к аморрее-хурритскому наречие, которое представляет собою эсперанто европейских тюркоязычных народностей того времени. Это-то эсперанто монголоидноязычные революционеры, захватившие в стране белых людей власть (правда, чрезмерно картавых людей), затем и обязали выучивать при крещении в свою ересь этих позабывших Своего Бога славян-полукровок.

А от смешения бывших рабов с бывшими господами (не совсем, правда, и господского-то происхождения) и образовалась та самая нация, которую и принято сегодня именовать *германской*. То есть эту столь сегодня любящую о своем некоем-де превосходстве посудачить нацию следует все же выводить из смешения, что называется, бульдога с носорогом: белых израильтян, черных хананеев и желтых иафетян. То же касается и всех иных олатынинных и онемеченных европейских народностей. Нынешний «белый континент», что уже на самом деле, и даже в момент наибольшего саморекламирования в качестве стоящего впереди мировой цивилизации, белым вовсе не является.

И вот как именовались некогда земли Западной Европы, самыми первыми подвергшиеся германизации:

«...вся страна... лежащая между реками Лабою и Одерою, к югу от Великогородской области, называлась славянами вообще Украиною; с тех же пор, как попалась под власть к немцам, стали называть ее Мархиею Украинскою, *Marchia Ucrana*, *Marchionatus Ucraniensis*; немцы с этого сделали одно слово: *Ucker-Mark*» [318] (с. 564).

Но история, если ее итогов не учли, обычно повторяется. Не ждет ли все уже когда-то произошедшее с поморскими славянами и нынешних самостийников, изобретших себе все под тем же наименованием особую страну?

А вот что сказано о происхождении Ганзы — германско-славянского торгового союза тех времен:

«Прежде, нежели Любек и Гамбург, — сказано во Всеобщей истории торговли и мореплавания, — в 1241 году заключили сей знаменитый союз и приняты в оный в первый раз и другие славянские приморские города: Визмар, Росток, *Stralsund*, Гринсвалд, — были уже, несколькими столетиями прежде, некоторые славянские города, так знаменитые своей торговлею и столь славившиеся своим богатством и великолепием, что можно их сравнить с Карфагеном, Афинами и Коринфом. Сии города суть: Винета, Юлин, или Воллин, Великогород (*Magnopolis*, *Megalopolis*, *Mackelburg*), Петра, Висби на острове Готланде, Аркона на острове Рюгене» [318] (с. 565–566).

А вот что сказано лишь про один из них — столицу венедов:

«Густров, столица прежде бывшего Венденского княжества... распространен князем Генриком Буревиным I около 1220 г. и более обогащен его наследником, Буревиным II, который заложил огромную церковь св. Цицелии в 1226 году. При ней находятся крипты, или гробницы, с мраморными статуями многих Великогородских (Мекленбургских) князей. Там же находится родословная всех князей Великогородских, вырезанная на мраморе» [318] (с. 575–576).

А вот какие славянские города здесь некогда находились: Тетерев, Робель, Варин, Плава, Краков, Златогорск, Любеч, Малхин, Грабов, Пархим, Леденица, Домица, Ставни, Ивенак, Пенцелин, Малхов, Добертин, Витапек, Трибеков, Боков, Додов, Кремин, Марница, Бобин и др.

Города Шверинского княжества: Зверин (Шверин), Кривица, Бойца, Бичов, Ренин, Радзов, Седлица, Гневен, Карин, Зареншин, Банцков и пр.

А вот как именуются города, подвластные древнему вендскому Ростоку: Доберан, Живан, Верле, Драгун, Гноен, Марлов, Рыбница, Тешен, Кольцов, Дружевица и др.

Старгородское графство: Стрелица, Старград, Новый Бранденбург (Бранибор), Миров, Ганчов, Подвал, Заделков, Немиров, Броды, Зерица, Гранцов.

«Ольденбург — это славянский Староград (Старигард)» [386] (с. 262).

«Альденбург — это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город... находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов...» [435] (с. 54).

«Брунсви́г — теперь город Брауншвейг (ФРГ)» [435] (прим. 40 к с. 164).

И вот с какими именами славянских народов связаны упоминания о нем. Гельмольд:

«...ободриты, кучины, полабы, вагиры...» [434] (с. 719).

А вот как именовались города этого славянского округа:

«Деммин — Дымин.

Мекленбург — ранее назывался Рарог (Рерик), позднее — Микулин Бор.

Шверин — бодрический Зверин.

Ратцебург — древний город воинов — Ратибор.

Бранденбург — Бранибор.

Дрезден — Дроздяны.

Лейпциг — Липск, Липецк.

Бреслау — Бреславль.

Хемниц — Каменица.

Рослау — Русислава.

Прильвиц — Прилебица.

Регенсбург — Резно.

Мейссен — Мишно.

Росток — так и есть Росток.

Мерзебург — Межибор.

А вот современные немецкие города, о древних названиях которых вы и так догадываетесь: Любек, Бремен, Вейден, Люббен, Торгау, Клюц, Рибниц, Каров, Тетеров, Мальхин, Миров, Россов, Кириц, Бесков, Каменц, Лебау, Зебниц и т.д., и т.п. Сюда уместно добавить, что австрийская столица Вена — это славянский Виндебож, а г. Цвель — Светла. Сама же Австрия называлась до онемечивания княжеством Острия!» [386] (с. 262–263).

Так что даже и по сию пору, когда от былых поселений славян остались лишь видоизмененные названия, та страна городов выглядит достаточно солидно.

Но города бывали и очень крупными. Например:

«Древний Воллин был после Константинополя знаменитейший город Европы, и толикого могущества, что сильного датского короля Свенона, в тройной войне побежденного, наконец взял в плен и, получив от него выкупные деньги, ничего не опасаясь возвратил ему свободу. Многолюдность города доказывает то, что в одном 1124

году окрещено в нем Бамбергским епископом Оттоном 22 000 граждан» [318] (с. 568).

Крещено, заметим, в католичество. Вот он где конечный корень онемечивания здешних славян, погрязших в те времена в язычестве. А потом вот еще чем объясняется обезлюдивание здешних мест:

«Богатства и излишества всего и “идолопоклонство отворили путь к неге, роскоши и разврату, коего неминуемым следствием были несогласия и разные раздоры, начали наносить благосостоянию города чувствительные удары, кои повторяемы были частыми пожарами. При сих бедствиях воллинцы стали выгонять иностранцев, а преимущественно слишком усилившихся россиян [в оригинале — греков, как во времена изобретения фальсификаций немецкой лжеисторией было принято именовать русских — А.М.], кои с женами и детьми возвратились в Россию, где основали княжество, еще ныне так называемое Волынское... Последующие еще раздоры причинили рассеяние и прочих иностранных купцов. Наконец, датский король Вальдемар, увидев увядающие силы сего страшного соперника своего, со всеми своими силами напал на него и в 1170 году, взяв приступом, разрушил до основания”.

Так кончилась сия столица Севера; разрушение ее было гораздо ужаснее гибели, нанесенной Сагунту Аннибалом, а Карфагену Сципионом» [318] (с. 569).

А вот и еще достаточно нам о чем-то говорящее наименование древнего здесь нашего города — Буков. Переселенцы уже отсюда, судя все по тому же, и заселили впоследствии Буковину.

Но была и еще одна, кроме Волина и Великогорода, столица славянского Запада — Венета:

«В поморской стране (Померания) за 800 лет тому назад на берегу моря стоял высокий и знаменитый город, называвшийся *Винета*, к которому стекались из всех мест большие склады товаров для торговли... в Европе, не только на Балтийском море, не было ему подобного, так что в нем городские и прочие ворота были сделаны из чистой, красной меди. Через такое богатство жители сделались до того кичливы, что стали совершать открыто такие насилия и морские разбои, которых сам Господь Бог не захотел долее оставлять без наказания, так как у них в этом городе никогда не было христианской веры, а только языческое варварство...» [438] (с. 370).

Однако ж вот как закончила свое существование она:

«“Винета была из величайших городов Европы. Между славянскими не было ни одного ей равного... ее положение было весьма выгодно, имея сообщение не только с морем, но и со всей Славонию. Его жители были большею частью венецы или славяне, которые, однако, принимали к себе и иностранцев, преимущественно россиян, которых тогдашние писатели обыкновенно называли греками. Сие стечение разных народов, привлекаемых туда торговлею, приносило городу несметные богатства”.

Сей город посреди самого цветущего своего состояния, посреди своего блеска и величия постижен несчастием, коего никогда нельзя довольно оплакать, — несчастием, нанесенным ему самою природою. “При сильной необыкновенной буре море оторвало довольно большую часть острова, причем потонул и целый город”. Миркелий говорит, что еще в его время (в XVII столет.) “при тихой и ясной погоде напротив селения Дамерова, в полмиле от берега, можно видеть в море улицы в прекрасном расположении, и что одни сии остатки Винеты шире и пространнее всей окружности Любека”» [318] (с. 570).

И вот как велики были разрушения от произошедшего в этом районе описанного бедствия:

«...необыкновенная буря и величайшее наводнение, кои Ругию (Рюген) разорвали на части, и острова Руден и Гринвалдский, составлявшие часть ее, оторваны от нее...» [318] (с. 572).

Так что победило этот легендарный остров, Руян — Буян, судя по всему, море. Немцы же, что и понятно, в полной мере воспользовались произведенными стихиями

разрушениями. Ведь у них у самих городов еще в ту пору не было, а потому гигантским цунами и землетрясениям разрушать было нечего. К тому же славяне жили на морском побережье, потому и пострадали. Немцы же, являясь варварами чисто сухопутными, обитали во внутренних районах страны. Потому именно они и оказались завоевателями в этой разрушенной бурями стране. Потому не им, как бытовало несколько ранее, но теперь они, после произошедшего, навешивали на оказавшиеся волею судьбы под их властью народности свои привычки, язык и вероисповедание.

«Начиная с X в., германцы, объединенные Карлом Великим в сильную монархию, наступательно двинулись на восток, покоряя и истребляя одно за другим многомиллионные славянские племена и под тяжелым гнетом своим шаг за шагом убили их народность и их язык. Вся нынешняя германская низменность есть сплошное славянское кладбище...» [336] (с. 23).

Низменность — это приморские территории, претерпевшие природные катаклизмы и врасплох застигнутые врагом.

И вот что сказано о главном городе славян Запада:

«Сеи град Венета принимал вся протчяя народы. Однако же егда тамо пребывали, не было попущено им житии по благочестию христианскому, его же ради затвердел в поганстве, даже до своего рассыпания» [361] (с. 63).

«Славяне защищали свои родные земли отчаянно и с героизмом, но искусственно разъединенные и разобщенные хитрым и дерзким врагом, действовавшим где силой, где интригой и подкупом, легли костями среди своих полей и лесов и под развалинами своих сел и городов...» [336] (с. 23).

«Магистр чина Тевтонского, вооружился на Славян Прусов, и, одолев их тогда, первое ввел веру христианскую на языке Немецком, от чего погас аки весьма язык Славян Прусских» [361] (с. 68).

Тут следовало бы все-таки несколько уточнить, когда этот самый язык, *немецкий*, вообще появляется на свет Божий. А точнее, когда приобретает свою грамматику, на которой вообще можно было начинать кого-либо **учить**:

«...только в XVI веке образовался литературный или книжный немецкий язык... В основе этого... языка лег перевод Библии, сделанный Лютером, и первая грамматика немецкого языка, принявшая в руководство язык Лютера, вышла в 1578 году» [419] (с. 7).

То есть грамота эта, Филькина, ко временам Бориса Годунова еще только появилась! Но вот когда эта шушера чухонская приобретает вид некой национальности:

«Только в XVIII веке начали упражнять их сочинениями на немецком языке» [419] (с. 8).

И вот что, в сравнении с нашими на 30 км в диаметре привольными городами, имели эти папуасцы. Причем, отнюдь не при царе еще Горохе, при нем, что нами выяснено, они имели лишь аулы, но уже в пору своего фавора — в XVII веке:

«В начале тридцатилетней войны в Лейпциге было 17 300 жителей; после... 12 300... в 1661 году, в Берлине, столице... было только 6 500, а в 1680 году только 9 800 жителей... только в 1679 г. введено там мощение и освещение улиц...» [419] (с. 18).

И что, в сравнении с этими казибошками, наш Киев или Господин Великий Новгород?

Сравнения, что нами выясняется, попросту нет.

Но вторжение этих грязных безграмотных варваров, собранных воедино какою-то никем пока не исследованной силой, во владения славянских цветущих обширных западных городов все-таки произошло. Пусть при помощи стихийных бедствий и какой-то религиозной болезни, именуемой язычеством. Но славяноязычный Запад с тех пор исчезает с лика планеты. А ему на смену приходят варвары, получившие грамоту на своем тарбарском наречии лишь ко временам гибели Ивана Грозного от наемных убийц.

Нам же в наследство, это чтобы как следует оценить случившееся онемечивание пусть картавых полукровок, детей Зелфы и Ваалы, но все же славян, остались лишь

наименования в прошлом славянских городов. Да вот, например, какие удивительнейшие фразы из оправдывающих огерманивание славян од:

«...взяв заложников, Святополк вернулся в Любек» [435] (с. 123).

И что бы, спрашивается, князь с чисто славянским именем там делал?

Так ведь правил. Причем, правил целой славянской страной, находящейся на нынешней территории Германии. Потому странно такое слышать, но это факт из славянской истории. Но сегодня те славяне уже не знают — кто они. И уверены в том, что являются немцами. Вот как распрекрасно работает вражья пропаганда: она истребляет целые народы без войны.

Но каким же образом произошел захват, в частности, страны, подвластной Святополку?

А все дело в том, что после его смерти власть в стране славян досталась датскому королю. Все дело в том, что мать отца Святослава:

«...происходила из датского королевского рода (см. гл. 19 прим. 251), поэтому Кнут считал себя в праве предъявить претензии на Бодрицкое королевство» [435] (прим. 40 к с. 125).

«И возложил император корону на главу его, чтобы был он королем у бодричей, и принял его в число своих вассалов» [435] (с. 125).

И здесь тем более ничего вроде бы и не было особенного, потому как женою кнута являлась:

«Ингебор, дочь князя новгородского Мстислава Владимировича, внука Владимира Мономаха» [435] (прим. 46 к с. 127).

То есть эта королевская династия обещала быть русскоязычной. Потому вроде бы как, со стороны глядя, ничего личного. Просто одно из славянских королевств императором Священной Римской империи отдается под власть пусть не славянина, но династии, имеющей все же славянские корни. Дальнейшее же, что называется, являлось «делом техники»:

«После этого Кнут пошел в землю вагров и... совершил набег на землю славян, убивая и поражая всех, кто оказывал ему сопротивление. А... Пребислава и старшего в бодрицкой земле Никлота, он увел в плен и посадил их в Шлезвиге в темницу, одев им на руки железные оковы, пока они деньгами и поручительствами не откупились и его власти над собой не признали» [435] (с. 125).

Но Кнут вскоре был убит. И на его место заступил король Дании Эрик. Так славяне бодричи и оказались под властью инородцев. И пусть пришедшие на защиту славянства их новые вожди, Прибислав и Никлот, князья полабов, вагров и бодричей, и пробовали восстановить былое могущество своей некогда единой державы, но силы противостоящих сторон были слишком не равны. А потому вследствие интриг, заговоров, католического наступления на остающихся в язычестве славян полукровок, силовых нашествий в виде в том числе и крестовых походов, а где-то и вследствие природных катаклизмов, везде поразному, в конце концов, пал в ту пору еще славянский Запад. Что повсеместно и заключает пишущий историю западной Славии, страны славян, Гельмольд.

Присланный в Вагрию епископ:

«...приступил с великим рвением к делу господню и призвал народ славянский к благодати возрождения, вырубая рощи и уничтожая нечестивые обряды. И так как замок и город, где находилась церковь и епископская кафедра были пусты, то он настоял... чтобы здесь была создана саксонская колония и, таким образом, священник мог бы иметь утешение в народе, язык и обычаи которого он знает...

Когда все это было так совершено, было признано удобным построить церковь и в Лютилинбурге и Ратеково (Ратеково — теперь Ратекау, недалеко от Любека)...

Таким образом, ширилось дело господне в земле вагрской, и в этом граф и епископ оказывали друг другу взаимную помощь. Около этого времени граф возвел снова замок Плуню и построил там город и рынок. И ушли славяне, жившие в окрестных селениях, и пришли саксы и поселились здесь. Славяне же постепенно убывали в этой земле.

Но и в земле полабской, благодаря настояниям епископа Эвермода и графа Генриха из Рацисбурга, было воздвигнуто много церквей» [435] (с. 191–193).

И там все происходило в точности к уже описанному в Вагрии. Затем следует очередное нападение на землю славян. И вот чем оно заканчивается:

«Опустошив всю страну, герцог... разделил землю бодричей и роздал во владение своим рыцарям... Зверин и Илинбург поручил Гунцелину; Микилинбург [Микулин бор — А.М.] отдал он Генриху, некоему благородному мужу из Скатен, который привел из Фландрии множество народа, и поселил их в Микилинбурге и во всех окрестностях его... И увеличились десятины в земле славянской, потому что стеклись сюда из своих земель тевтонцы, чтобы населить землю эту, просторную, богатую хлебом, удобную по обилию пастбищ, изобилующую рыбой и мясом и всеми благами...

В то время восточную часть Славии держал маркграф Адальберт... он поработил всю землю брежан, стодорян и многих других народов... Наконец, когда славяне мало-помалу стали убывать, он послал в Траектум и в края по Рейну, а потом к тем, кто живет у океана и страдает от суровости моря, а именно к голландцам, зеландцам и фландрийцам, и вывел из всех этих стран много народа и поселил их в славянских городах и селениях» [435] (с. 200–201).

Но все уже означенное являлось лишь частью трагедии славянства Западной Европы. Затем:

«Генрих, граф из Рацисбурга, что находится в земле полабов, вывел множество народа из Вестфалии, чтобы они заселили землю полабов...» [435] (с. 205).

А экспансия эта ползучая будет остановлена лишь там, где немцам как следует накачают по зубам. Что случится уже у нас — в Русской Земле. Здесь, несмотря на многовековую агрессию, рубежи Пскова и Великого Новгорода немцам так и не удастся преодолеть. Что впоследствии и позволит даже перенести военные действия на территорию неприятеля. А если точнее, на территорию, некогда принадлежавшую славянам. Правда, в стране нашей и тогда все так и продолжалось засилие инородчины. Потому Берлин так и не заговорит на своем природном — русском языке: ни после победы русских войск Елизаветы над Фридрихом Великим, ни после победы русских же солдат в Великой Отечественной войне. Ведь никто даже после этой победы так и не попытается обнародовать труд того же Гельмольда, чтобы восстановить, наконец, историческую справедливость в отношении онемеченных славян вторгшимися в Поморье инородческими ордами.

А со времен выше описанной агрессии на славян Поморья, все славянское во все щели лезущими на их земли немцами постоянно уничтожалось. Потому славянских источников, повествующих о своей древности, мы в странах Западной Европы не встречаем. Но довольствуемся лишь тем, что о славянах сообщают немцы, в полной мере воспользовавшиеся случившимся с населением балтийского Поморья несчастьем.

А уже когда власть в стране русских, то есть в единственно в ту пору остающейся славянской стране — России, наконец, переходит в руки ставленников масонской закулисы, захватившей на тот день власть практически во всем мире, немцам предоставляется уникальнейшая возможность смело стянуть со славян «одеяло истории» и одеть его на самих себя. Все это происходит при воцарении на Руси, некогда этнически славянском государстве Атиллы, возникшем в центре Волги — в ту пору центральной артерии реки Океан, масонской династии Романовых (см.: [384]; о реке Океан см.: [385]).

Потому, между прочим, становится в некоторой части понятным и язычество князя Святослава. Лев Диакон вот куда помещает страну вторгшихся в Византию славян-язычников. Они относят:

«...свое отечество, к Киммерийскому Воспору» [358] (гл. 1).

А ведь вплоть до XIII–XIV вв. все европейские авторы в один голос утверждают, что Балтика соединена с Черным морем каким-то таинственным проливом. И именно в устье этого пролива, заметим, а вовсе не в наш стольный град Киевской Руси, помещают города

своей родины вторгшиеся в окрестности Дуная язычники Святослава. Это очень похоже на то, что язычник Святослав в то время являлся князем вовсе не в нашем Киеве, но в том же Волине, бывшем аккурат в указываемое Львом Диаконем время одним из крупнейших городов Европы.

Существование же Киева, в качестве столицы Святой Руси на Русской равнине, судя по всему, следует перенести к каким-то иным временам нашей истории. И все непонятности возникли из-за того, что перекройщики истории произвели наложения на события, входящие в разные временные рамки, породив собою столь обширное количество просто ничем, кроме предлагаемых нами вариантов, не объяснимых недоразумений.

И одним из них является то же окатоличивание славян Запада. Как бы они, спрашивается, насаждали там в XI–XIII вв. латинство, если саму эту латынь изобретут лишь в XIV столетии? И как бы славяне могли терпеть у себя на шее иноязычных королей, если те на своем собственном наречии могли что-либо накалякать безграмотной рукой кухарки лишь после того, как грамоту для них придумает, лишь несколько столетий спустя нами описываемых событий, Мартин Лютер?

А вот как, в свете разобранного, трактуется история о «призвании варяг»:

«В отличие от Новгорода настоящий русский Старгород находился в районе теперешних западногерманских земель Ольденбург и Макленбург и примыкающего к ним балтийского острова Рюген. Именно там и находилась Западная Русь, или Рутения. Что же касается варягов, то это не этноним, обычно ошибочно ассоциируемый с норманнами, а название профессии воинов. Воины-наемники, объединенные под общим названием варяги, были представителями разных народов западнобалтийского региона. Западные руссы тоже имели своих варягов. Именно из их числа был призван родной внук новгородского князя Гостомысла — Рюрик, сын его средней дочери Умилы, выданной замуж в район Западной или Старгородской Руси. Он пришел в Северную Русь со столицей в Новгороде, так как мужская линия Гостомысла угасла еще при его жизни» [254] (с. 2–3).

Вот что пишет на эту же тему историк еще XVIII века Ф. Туманский:

«Кто были издревле в России Государи не известно. В пятом веке начали владеть князья Словенские, от рода которых был и Буриной, отец Гостомыслов. Тогда же почти вся Россия говорила языком словенским; но имя руссов гораздо прежде было у греков знаемо. Хотя писатели иностранные давали ей имена: Скифии, Сарматии, Роксолании, Венеции, Бармии, Гордорики, Острегардии, Холмогардии и проч., однако ж народ русский еще гораздо до Рурика был славен (Татищева история. Часть I. Стр. 5). Онный ездил по морям за торговлею в Норвегию, Данию, Швецию, Индию, Сирию и до Египта (Ежемесячные сочинения 1755. Апрель. Стр. 309)» [222] (с. 3–4).

Мавроурбин архимандрит Рагужский:

«...Вандалы и Славяне были единого тогожде народа...» [361] (с. 81).

Вот что сообщает о национальной принадлежности варягов С. Герберштейн (начало XVI века). Он, судя по всему, также еще не был тогда знаком с навязанной нам впоследствии нелепой «норманнской теорией». Он считал, как, судя по всему, и вся Европа еще во времена царствования отца Ивана Грозного, что варягами являлись жители Вагрии, проживавший некогда на южном побережье Балтийского моря. Эти славяне-вандалы, с его слов:

«были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию» [124] (с. 63).

Мавроурбин:

«Обретається в летописях Російських, що пришед в несогласіє Русси, ради обранія нового Князя, послали в вагрію город, и в провинцію, в прошлых временах зело славную Вандалов, стоявшую в нынешней близности Любеки: дабы имети какова-либо правителя от одного народа, им во всем единообразного» [361] (с. 81).

В том числе и в вопросе религиозном. То есть избираемый правитель должен был быть одного с нами вероисповедания.

И вот что выясняется по части как их религии, так, следовательно, и нашей на то время собственной. Известна:

«...легенда о том, что Рюрик был захоронен в тайном месте в золотом гробу» [61] (с. 282).

Между тем, этот:

«...гроб не вписывается в известный нам языческий погребальный ритуал Севера» (там же).

Рейтенфельс:

«В древнейшие времена, говорит Геродот, существовал обычай у русских народов, что они своих умерших... царей... хоронили в холмах. Такого рода холмы и поныне еще можно видеть в разных местах Московии, в Польше и даже в Швеции и Дании» [409] (гл. 11, с. 303–304).

Таким образом, если поверить как уже имеющимся, так и продолжающим прибавляться фактам о появлении Христианства на Руси задолго до князя Владимира, то станет понятно, что призвание Рюрика происходило вообще на территории одной и той же огромной страны, в те времена простирившейся далеко на запад.

Да, не однородным было ее славянское население. Потому и историки сообщают об этой чересполосице, считая не существование параллельно от язычествующих православных христиан, но якобы шарахающихся от одной веры в другую одних и тех же людей:

«Затем, с изменением с течением времени общественных нравов, цари у них то хоронились, то сжигались, в разных местах различно, смотря по тому, что повелевало грубое суеверие» [409] (гл. 11, с. 304).

Но все здесь различие было по коленам Израилевым: дети служанок, плохо дружные с буквой «Р», были подвержены суевериям. Именно они сжигали своих покойников. Однако же исключительно упомянутые Рейтенфельсом русские исповедовали веру нашу, Русскую, — Православие. Именно они и заботились об обязательном предании своих покойников земле. И, по возможности, исключительно на родной земле. Ведь именно наша любовь к отеческим гробам общеизвестна.

К тому же народ русский самими же немцами считается единственным из всех иных уже изначально с христианской душой. Вальтер Шубарт:

«Русские были христианами до того, как приняли христианство... Русский носит в себе христианские добродетели, как постоянные национальные черты. Не будет преувеличением говорить о врожденном христианстве Русской и славянской души. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку» [231] (с.169).

Так что русский человек, что подмечено и самими немцами, впоследствии якобы нас чем-либо просветителями, уже изначально являет собой истинного христианина, что и подтверждает даже сам способ захоронения русского князя — по-христиански — в гробу.

И что князем был никакой не немец, а именно русский человек не перечит и рассказ Герберштейна. Так как проживающие на территории нынешней Германии:

«...вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями (Herrschaften) вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком» [261] (с. 61).

Вот чем венчает свои умозаключения о происхождении Рюриковичей Герберштейн:

«На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов...» [124] (с. 63).

И это вновь — вовсе не попытка придать желаемой гипотезе некоторую тень действительности. Ведь посол Священной Римской империи был прекрасно ознакомлен с предметом, о котором писал:

«Как дипломат, Герберштейн побывал во многих западноевропейских странах, в том числе и прибалтийских (в Дании, в Швеции), был знаком с их историей, что и позволило ему установить параллель между Вагрией и Россией, а не между Швецией и Россией» [124] (с. 63).

«...посланцы новгородских и других северных племен были направлены к варяжскому племени Русь, жившему в западном углу Прибалтики, эти варяги были славянами; за князем этих славян была замужем дочь новгородского князя Гостомысла Умила; за ее сыновьями, чтобы возобновить угасшую по мужской линии династию Гостомысла, и явились посланцы. Это племя Русь иначе называлось еще ругами» [63] (с. 49–50).

Именно они и владели в ту пору островом Рюген. Что теперь забыто. Но не везде:

«...оказывается, имеется книга француза Мармье “Письма о севере”, изданная им в 1840 году в Париже, а затем в 1841 году в Брюсселе (X. Marmier, “Les Letters sur le Nord”). Этот французский исследователь, не имеющий, к нашему счастью, никакого отношения к спору антинорманистов с норманистами, во время посещения им Макленбурга, т.е. как раз той области, откуда был призван Рюрик, записал среди легенд, обычаев и обрядов местного населения также и легенду о призвании на Русь трех сыновей князя славян-ободричей Годлава. Таким образом, еще в 1840 году среди онемеченного населения Макленбурга бытовала легенда о призвании. Это призвание запомнили не только на Востоке или, вернее, в Северной Руси, куда они пришли, но помнили это и на Западе, откуда они вышли» [254] (с. 4).

Таким образом, память о «призвании» все же сохранилась. Сохранилась и точная дата падения последнего оплота русского человека на Западе, теперь далеко от нас:

«...остров Рюген был окончательно раздавлен как самостоятельная русская единица в 1168 году...» (там же, с. 3).

То есть еще эпоха объединения Руси Андреем Боголюбским застала в целостности этот самый последний бастион славянства на Западе. Однако ж, о все продолжающемся сопротивлении славян повествуют и хроники начала XV века. В повествовании, например, бургундского рыцаря Гильберта де Ланноа, говорится, как прусские немцы:

«...вторгнулись в Померанию, где грабили и жгли четыре дня и четыре ночи. Пятьдесят сел было предано пламени и множество скота захвачено в добычу. Число сел, сделавшихся добычей этого разбойничьего набега, подтверждает сказания старинных летописцев о многолюдности и богатстве поморских славян, которых в это время не могли еще истребить немецкие рыцари» [430] (с. 9–10).

Здесь описываются «подвиги» тевтонов 1412–1414 гг. То есть даже два с половиной столетия спустя падения Рюгена славяне в Померании еще жили от немцев вполне обособленно.

И вот почему почти половина нынешнего населения Германии составляют люди с русым цветом своих волос:

«...немецкий Drang nach Osten, стерший с лица земли множество славянских племен Средней Европы, сделал немцев, особенно восточных, полуславянами» [91] (с. 531).

А о том, что в Поморье раньше жили исключительно славяне, сообщает и Гельмольд:

«Славянские народы весьма многочисленны. Они живут по берегам Балтийского моря» [434] (с. 713).

Вот еще очередное свидетельство о славяноязычии природных жителей Померании. На этот раз из биографии одного из сочинителей рассказней о некоем якобы коварстве и тирании Ивана Грозного:

«Как уроженец Померании, Шлихтинг знал, кроме немецкого, и “русский” (славянский) язык, а потому в Москве попал, “в качестве слуги и переводчика”, к “итальянскому врачу”, бывшему на службе у царя» [436, с. 5].

То есть еще ко временам Ивана Грозного, то есть ко второй половине XVI века, что подтверждают сами же немцы, в этой области Германии разговаривали исключительно на русском языке. Однако ж навязанное католичество предписывало знать также и латынь. Что, в конечном итоге, и легло в основе случившейся с местным славянским населением германизации.

К нынешним же временам остались от местных славян лишь некоторые воспоминания об их былом самоназвании:

«**Винды.** — Так называются словенцы в Хорутании, Крайне и Истрии; англосаксонские варианты этого имени, *Wienedas, Weonodas*, обозначают вендов, или славян, живущих к югу от Балтийского моря... под именем *Vender* (*др.-норм. Vindr*) в Скандинавии, особенно в Дании, в течение средних веков (XI и XII столетий). Также и финские племена на берегах Балтийского моря и Ботнического залива... употребляют его еще и теперь в применении к России...» [36] (с. 922).

А ведь венеты — это потомки колена Вениаминова, некогда на землях Палестины составлявшего вместе с коленами Левии, Семиона и Иуды Царство Иудейское. Столицей же этого Царства был славяно-русский город Ие Руса лим.

И вот что, в свете нами разбираемого деления потомков Иакова Израиля на колена, следует сообщить об изначальном заселении ими Европейского континента. Все говорит о том, что обосновались в Европе сначала, покинув ставшую к тому времени слишком знойной Палестину, где к тому времени стали пересыхать реки и гигантских размеров моря-озера, русскоговорящие русоволосые Колена морских галлов — галлов Лии — галилеяне. Именно они ну никак не могли жить без наличия морских и речных накопителей воды. Они и питались морем, то есть рыбой, и использовали водяные артерии в качестве средств связи между своими городами.

Но где в России имеется обозначение данного топонима, означающего морских, Лииных, галлов?

Это старинный западнорусский город Галич — столица княжества, чьи жители некогда и именовались — галичанами или галицийцами.

Подтверждение тождественности наших галичан с французскими галлами находим в записках арабских путешественников еще тех времен, когда в Европе основным разговорным языком являлся наш — старославянский. На нем разговаривали в том числе и франки, чья главная реликвия, Евангелие на русском языке, некогда хранилась в их столичном в ту пору городе Реймсе. На этом Евангелии и впоследствии, чисто традиционно, присягали все французские короли (оно сожжено масонами революционерами во времена их прихода к власти в стране).

Ибн Хаукаль сообщает, что:

«...из Андалуса купцы вывозят в Магриб и Египет рабов, взятых в плен в войнах с франками и галицианами...» [252] (с. 51).

А вообще вот как именовалась Европа времен Александра Македонского:

«...Аруфа (Европа)...» [252] (с. 58).

Вот как арабы делили землю на обитаемые части. Ибн ал-Факих ал-Хамадани (903 г.):

«[Первая —] Аруфа, а в нее входят ал-Андалус, ас-Сакалиба, ар-Рум, Фиранджа и Танджа, до границы Египта и Лубии» [447] (с. 72).

Причем, имеется более чем четкое объяснение даже и самой этой странной приставочки — **А**, стоящей перед ласкающим слух русского человека звука — Руса. У арабских писателей о нашей древней стране частенько проскакивает:

«...в рукописи: Аль-Русия вместо Арусия...» [253] (с. 31).

Так что экзотическое на первый взгляд наименование Европы некоей Аруфией, на самом деле, никакой из себя экзотики не представляет. Сюда лишь следует присовокупить поправку на инародческую шепелявость, чтобы совершенно четко в наименовании белого континента услышать наше отечественное сладкое слово — *Русь сия*.

«...последняя миграционная волна была этнически близка населению, которое, освоив эту огромную территорию, жило здесь уже не одно столетие до прихода “последней волны”. Народы на этой территории жили достаточно мирно, поскольку территория была огромной и давала возможность всем народам найти свой угол, устроиться, а сильные в военном отношении народы, которые могли бы развернуть конкурентную борьбу за эти территории, оставались на Ближнем Востоке, а точнее в пределах Древней Европы. Соответственно, города были невелики размером и строились скорее всего из дерева» [66] (с. 152).

Самым же крупным городом тех времен, что теперь выясняется, была Ладога, куда первым делом и пожаловал Рюрик:

«Именно в Ладоге в VIII–IX веках были две первые каменные крепости на Руси. Значит, не врут легенды и придания старины. Рюрик пришел княжить в крупнейший город Северной Европы» [61] (с. 259).

И вот почему славяне раньше были расселены в основном именно в приморской местности. Вот для каких нужд у них имелись тысячи городов:

«Главным занятием новгородских и приморских Руссов была торговля с соседними странами. Азиатские товары туда доставлялись Волгой...» [336] (с. 53).

Но вот агрессивные народы, заброшенные в Европу с последней миграционной волной, повязанные каким-то единым руководством, нагрянули неожиданно на мирные города своих в прошлом соотечественников.

А ведь и действительно, захлестнувшая славянскую Европу эта католическая волна — орда-орден:

«...была очень воинственной и агрессивной, была спаяна орденой дисциплиной и действовала по согласованному плану. “Князья-мигранты” захватывают многие европейские страны, где практически одновременно — где-то к началу XVII в. — меняются правящие династии. Это только контур тех событий, которые позволяют понять ситуацию становления современной России и новой Европы» [66] (153).

Но перед вторжением на нынешнюю территорию Европы многочисленное колено Дана, судя по всему, уже никак не могло уместиться на доставшейся ему ранее небольшой территории на склонах горы Ермон.

Где следует искать поселения этого Колена после возвращения из странствий по территории Китая и Монголии, куда ушли 10 Колен после окончания пленения их ассирийцами?

Остатки культуры, сходной колону Дана, сегодня обнаружены на территории Северо-Восточной Африки. Потому проживание этого Колена тех времен следует соотнести с территорией Судана. Где топоним Дан предвещает именно на нашем древнем наречии звучащая приставка:

«Осоу — сокращенное слово **государь**...» [36] (с. 392).

Которое, ко временам протопопа Аввакума, что следует из его писем, было сокращено до искомого нами: *су*.

Иными словами, *су Дан* на нашем наречии XVII века означает: *государство Дан*. Что, между прочим, является точной копией и нынешнего названия страны этого народа — Denmark [168] (т.3, с. 94).

И пусть в жилах воинственных пришельцев и текла некоторая доля славянской крови (Авраама и соседствующего с их средневековым аграрным сектором городских русских поселений), но старославянский язык, заложенный даже в названии их как минимум тысячелетнего государства, к тому времени был ими уже забыт. Ведь отвергнув своего Бога, для вознесения молитв Которому и требовался наш древний язык, они, к тому времени, перешли к почитанию бога чужого — идолища своих рабов — угаритов-аморреев:

«...бога-громовержца, подателя дождя и воителя Силача Балу, поражающего землю молнией-копьем» [202] (с. 190).

Что же это нам такое до боли знакомое напоминает?

А Перуна. И при всем при этом:

«Есть веские основания думать, что угаритское Йаву тождественно... Яхве» [202] (с. 190).

Так что и Явь, что выясняется, вовсе не составная часть Святой Троицы, как пробуют нас в том заверить язычествующие, но божок угаритов-аморреев, на чьих землях некогда и расселились дети служанок, Зелфы и Ваалы, чья родословная восходит к Израилевым коленам: Гада и Неффалима, Асира и Дана. В этой же компании оказалась и часть потомства Рахили — полуколено Манассии (а ведь Иосиф, его предок [его и Ефрема], является сыном египетской жрицы, чьи корни к белой расе вряд ли имеют какое-либо отношение). Сами же угариты — это расселившиеся затем в Паннонии угры.

Но что значит их странное название?

У гари то. То есть поименованы они местом своего жительства у какой-то *гари*. А ею, судя по всему, и является главный храм поклонения их родовому божку, перекочевавшему затем к расселившимся здесь же ерманам. Этот же божок затем и оказывается на горе Броккен, куда со всего света на Первомай (в ночь с 30 апреля на 1 мая) ежегодно слетается нечисть со всего мира.

Так каким же все-таки образом монголоидное наречие рабов колен Израилевых, *угаритов*, становится во главу языков европейских народностей?

Здесь следует присмотреться к переведенной Гриневичем с наших древних рун на наш современный язык фразе с наскальной записи, обнаруженной в Сибири:

«Мое чудо — и я “ствола” РА, корня солнцеподобных, от “ветви” РА. И какие были рысичи! Какой был “кулак”! Теперь страдаем от распрей, от драк быстротечных, от каких-то смертельных болезней. **Тюрки** же были “ствола” РА **слуги**» [31] (с. 71).

То есть *амморей-угариты*, слуги израильтян, — это и есть *тюрки* — слуги рысичей с наскальной сибирской надписи. И именно тюркские наречия, каковыми и являются языки европейских народностей, лежат в основе собранного из них эсперанто — латыни.

О чем все это говорит?

О том, что тюрки свергли власть белых людей в каком-то царстве, располагавшемся некогда на территории современной Монголии и южной Сибири. Именно эти полчища затем и вторгаются в Европу. Понятно дело, своих бывших перемешанных с белыми людьми монголоидно говорящих рабов никто поначалу всерьез за опасных соседей не воспринял. За что затем и пришлось поплатиться. Выходцы с горы Ермона, перенесшие оттуда свое капище на гору Броккен, доказали свое вероломство с лихвой. А в особенности при изменении своего социального положения. Ведь всем вылезавшим из грязи всегда безпременно хочется угодить исключительно в князи. Вот в чем основа этого все непрекращающегося их «натиска на Восток».

Вот по какой причине именно немцам доверяют писать мировую историю после захвата ими власти практически во всем мире. Они и перекурочили ее так, что на сегодня и сами в ней запутались окончательно. Ведь лишь одни только берестяные грамоты, обнаруженные в русских городах времен средневековья, полностью перечеркивают ими изобретенную историю о некоем «городе Глупове», которым они попытались поименовать нашу страну.

Но время и постоянные нестыковки их доктрин потихоньку расставляют все по своим законным местам.

Возвращаясь же к нашему повествованию, следует отметить, что какая-то часть славян с Запада, со временем, испытав на себе все несправедливости от наглого цветного населения западной части Европы, просто ушла — благо было куда — на европейский восток. Точно так, собственно, как русский человек вынужденно покидает территории придуманных большевиками «республик» и сегодня. Его оттуда просто выживают инородцы. Как, судя по всему, выживали и всегда. Обеление же цвета кожи этих полу хананеев, полу аморреев произошло из-за длительного их проживания на торговых путях славян (подробно см.: [385]).

Но, что и понятно, бытовали и прямые завоевания монголоидами белых людей. О чем и сказано в Библии относительно их прародителя — Иафета:

«...да вселится он в шатрах Симовых...» [Быт 9, 27].

Здесь, скорее всего, имеет под собой основу версия Венелина, что некоторая часть проживавших на территории нынешней Померании славян, о чем и свидетельствует, например, языческий храм Ретро, являлась перунопоклонниками. Потому-то они, собственно, столь категорично и разделяют свое население на местных славян и иноземных купцов, проживающих среди них, — руссов. Которые, судя по всему, свое прозвище имеют от имени исповедуемого ими Бога — Русы. Это имя узнали от Иисуса Христа апостолы. А потому свою паству так и нарекли, в честь усыновления исповедников Христианства, — Русскими. Потому и Европу тех времен именовали Аль-Русой. Ведь и на территории нынешней Англии, и на территории Франции, и на территории Скандинавии — везде жили не просто славяне (исповедники дохристианского Бога Славы — Творца небу и земли), но именно православные славяне. То есть Русские. Потому и направленность агрессии католических орденов становится более понятной. Их экспансия была всегда устремлена в одну и ту же сторону — исключительно против Веры Русской — Православия.

Однако ж начата была эта война со внедрения на некоторую часть славянских территорий язычества. Именно эти славяне изгоняют проживающих среди них Русских людей, то есть Православных, за пределы своих стран. Потому Русское население и покидает Поморье: одни, галлы, уходят в Галицию, другие, ранее проживающие в княжестве Великогородском в городе Боков, на землю нынешней Буковины и т.д.

Поредевшее же население Поморья, что является более чем явной за их поведение карой Божьей, постигают природные катаклизмы: землетрясения и наводнения. Что оставляет в прошлом прекрасно защищенное стенами крепостей уже поредевшее после случившихся раздоров на религиозной почве население этих территорий практически беззащитным. Чем не преминут тут же и воспользоваться их заклятые враги, объединенными силами поочередно нападающие теперь на эти разрозненные языческие островки, сильно ослабленные от немилосердия повернувшейся к ним вдруг спиной природы.

И вот еще что сгубило этих в совсем недавнем прошлом столь грозных для соседей славян. Они, не принявшие Христа, потому оставшиеся в дохристианском миропонимании земного общежития, являлись многоженцами.

Откуда у них имела такая традиция?

Лютичи, судя по наименованию своего племени, были не в меру воинственны. А кто постоянно ведет все нескончаемые войны, тот имеет и нескончаемые среди не только своих врагов, но и среди своих воинов потери.

И здесь многоженство, когда уцелевшие в набегах воины приносят в свое логово богатую добычу, для этих пиратствующих молодчиков являлось как раз более чем прекрасным подспорьем — вдов, оставшихся без кормильцев своих семейств после удачного набега, разбирали и одаривали награбленным добром победители. Потому многоженство в такой воровской ватаге, не причиняя вреда неимущим, которых в этой волчьей шайке вообще не было, являлось весьма удобным вариантом общежития. В случае же поражения ушедшей на промысел артели, жителей городов, пусть несколько и поредевших в количестве, от вагров защищали неприступные стены их обширных и многолюдных городов.

Но когда пиратские города эти вдруг внезапно оказались разрушенными стихиями и даже затопленными водой, то их население, численность которого сильно превышало необходимое для противостояния врагу в поле войско, оказалось полностью беззащитным перед нахлынувшими в их страну полчищами врагов.

Потому немцы, поубивав немногочисленных мужчин, забирали женщин и девочек себе, а мальчиков продавали в рабство. Вот, кстати говоря, единственный вариант для

объяснения событий тех лет, который хоть как-то наиболее сносно может объяснить странность онемечивания славян Европы. Причем, даже гаплогруппа этих полуславян Западной Европы будет не наша. А сообщается она поколениям исключительно по мужской линии. Второй вариант онемечивания — право первой брачной ночи, столь долго являющееся узаконенным на Западе. Может быть, первый мужчина, имевшийся у женщины, сообщает свою национальную принадлежность и всем остальным ее детям?

Но и сам образ жизни среди варваров, судя по всему, также мог давать о себе знать, сообщая бывшим славянам гаплогруппу того народа, по порядочкам которого они жили на протяжении многих веков. Хотя, с другой стороны, может быть именно язычникам, и без того именуемым лютыми, то есть лютичами, гены этих варваров по каким-то странным законам того времени были более близки, чем людям Православным? И, может быть, сама их гаплогруппа, несмотря на их русый цвет волос и славянский язык, была от нашей все же отлична и тогда?

И вот как выглядели в данном плане их завоеватели, судя по всему в те времена большими массами прибывающие в Западную Европу:

«В языческой Дании воины считали позором закончить свои дни от болезни в постели» [18] (с. 194).

Но и их соседи по захваченному Поморью мирной кончине также предпочитали насильственную смерть. А потому, если смерть от руки врагов все так и не приходила:

«...германские варвары кончали с собой» [18] (с. 194).

Но и практически все иные неславянские их соседи по Европе поступали со своими душами ничуть не лучшим образом:

«...как только кельт вступал в возраст, следующий за полным физическим расцветом, он кончал жизнь самоубийством» [18] (с. 194).

Так что у захвативших Европу пришельцев, практически у всех, что и роднит их необыкновенно, существовали:

«Обычаи, которые предписывали престарелому или больному человеку покончить с собой...» [18] (с. 194).

Все эти обычаи, кроме всех этих перечисленных людоедов, вторгшихся в Европу, существовали именно у монголоидов. Ведь именно у них если дедушка затягивал свое отправление в геенну, то его «ласковый, милый» внучок легко помогал ему в этом не простом процессе насильственного прерывания жизни:

«О древнетюркском происхождении готов свидетельствуют и такие этнографические признаки, как, например, убийство своих стариков» [254] (с. 12).

То есть уничтожение «лишних ртов» — это у них в крови. И теперь вполне понятно, почему:

«...готы представляли одно из угро-финских племен, в значительной степени сохранивших свой агглютинативный грамматический строй...» (Там же, с. 12).

И вот как достаточно просто, в свете пока лишь языкознания, объясняется все вышеизложенное:

«Древние германцы... жили в лесных шалашах и юртах и занимались лишь войной и охотой, мало имели понятий о торговле, ремеслах и промышленности, а также об архитектуре; не знали и письменности; следовательно, не могли иметь в своем языке тех названий, которые необходимы, для выражения понятий о предметах, качествах и действиях, народам оседлым и более культурным. Все это германцы в течение веков должны были поневоле заимствовать от культурных соседей и, главным образом, от славян и римлян» [336] (с. 24).

И вот кто кого в данном регионе научил самому главному — искусству выделки железа. Вот что на эту тему нам сообщает А.С. Шишков, президент Российской Академии Наук:

«Я нашел сделанную мною выписку из немецкой книжки о дрезденских рудокопных заводах.

Сочинитель ее говорит, что рудокопство началось в те времена, когда в стране сей обитали славянские народы...» [343] (с. 237).

Потому немцы, впоследствии, приписали себе как умение добывать железную руду, так и умение строительства городов и крепостей, в так называемом готическом, а на самом деле славяно-языческом стиле. Перекройке на их монголоиднозвучащее наречие подверглись и захваченные ими населенные пункты:

«Славянские названия местностей, сел и городов германцы переделали, по созвучию, на свой лад: Брани-бор, в стране Лютичей, в Бранденбург, Микулин-бор в Мекленбург, Гам-бор в Гамбург, Поморье в Померанию. Стрелов в Стрелиц, Лужицу в Лаузац, ...Русиславу в Руслау, Прусаков в Прайсен, Вельбор в Вилленберг, Выструг в Истербург, Острог в Остерроге, Кролевец в Кенигсберг, Колобрег в Кольберг, р. Лабу в Эльбу, Рину в Рейн» [336] (с. 24).

В военном дневнике государственного секретаря А.С. Шишкова, записанного в 1812–1814 гг. во время движения русских войск по землям Германии, числятся следующие наименования населенных пунктов, прежде славянских, переименованных в немецкие:

«...из Хомутово Комметау, из Липецка Лейпциг, из Кралев-градец Кениг-гретц, из Болеслав Бунслау, из Борислав Бреслау, из Будисын Будисин или Бауцен. В историческом описании сего последнего местечка повествуется, что построитель его дал имя ему *будисын*, по той причине, что жена его в это время была беременна, и он желал появления сына» [343] (с. 190).

Но и под сотню иных уже упомянутых выше чисто славянских наименований топонимики — в очередной раз подтверждают правоту всего изложенного нашими дореволюционными историками об иафетянах германцах, вселившихся, что пророчествовала еще Библия, в шатры Симовы. То есть монголоидноговорящие безграмотные грязные варвары, арийцы, вселились в благоустроенные города славян — города господствующей расы послевавилонской цивилизации. А их общий язык стал представлять собою производное из варваризированного худым выговором наших слов мутантами, вторгшимися в пределы Поморья-Померании славянского нашего языка. Принятие же этими славянами католичества, отнявшего у них связывающее с Богом СЛОВО, и сделало их немцами:

«Известно, что во времена Карла Великого многие в Германии славяне мало-помалу до того исказили язык свой, что совсем ему разучились. Отсюда возник немецкий язык. Словари немецкие представляют на всех страницах обломки исковерканных слов словенских» [343] (с. 218).

Так что сама эта их цивилизация, то есть западная, что уже на самом деле, представляет собой лишь варваризированную вторгшимися монголоидами цивилизацию славянскую. Точнее то, что от нее только-то и осталось.

А всему виной отход этой части славян от своего Бога Русы сначала в поклонение божку их бывших рабов аморреев, Ваал-Пеору, а затем, с началом католической экспансии, еще и в латинское чужебесие. Вот Шишков, председатель Российской Академии Наук, и предупреждает всех славян, которые изменяют славянству и принимают чужеземную веру:

«Те славяне, которые отреклись исповедовать веру свою на собственном языке, суть на самом кривом пути, ведущим их к тому, что некогда перестанут они быть славянами. Имеяй уши слышати, да слышит!» [343] (с. 220).

Западнее Дании морское побережье Северного моря продолжает еще одна страна галлов. Это Го(а)л-ландия, которая еще мореходнее той самой страны, чье самоназвание расшифровывает ее древнее значение: Порт галлов — Португалия.

До сих пор второй по величине город этой страны так и называется — *Порту*. Вот оттого и получается — *Порту-ГАЛИЯ*.

Профессор А. Портнов при описании удивительнейших однокоренных с нашими русскими словами названий в некоторых испанских провинциях, где кроме галлов некогда проживали еще лужичи и вандалы, сообщает:

«Как ни странно, следы вандалов можно найти даже на современных картах. Так, нынешнее название Андалузии, провинции Испании, является слегка измененным славянским словом “Вандалужия”, что в переводе означает “Свет вандалов”. Возможно, от древнеславянского корня “луж” — белый, светлый произошло и древнее название Португалии — Лузитания, “Светлая страна”.

Кроме того, сохранилось свыше сотни слов вандальского языка, практически неотличимых от русских. Среди них “баба”, “брат”, “беда”, “дыня” (арбуз), “гора”, “груша”, “кобыла”, “курва” (проститутка), “луг”, “мед”, “вода”, “сестра”, “волк”, “видети”, “звати”, “плясати”, “почивати”, “працовати” (работать) и т.д.»

Сюда же следует добавить и древний порт предполагаемого речного сообщения с Порту — Фарсис (Тартес):

«Кто это летят, как облака, и как голуби — к голубятням своим? Так, Меня ждут острова и впереди их корабли Фарсисские, чтобы привезти сынов твоих издалека и с ними серебро их и золото их, во имя Господа Бога твоего и Святого Израилева...» [Ис 60, 8–9].

Но и самый большой город Пиренейского полуострова в древности именовался исключительно на нашем наречии. Ведь Кордова — это лишь сокращенное от избыливающего в той местности растения — *кора* (или *корень*) *дуба*.

Вот что об этом растении в данной местности сообщает Страбон:

«Флодов это дерево приносит так много, что после созревания все побережье по эту и по ту сторону Столпов покрыто желудями» [301] (гл. 1, аб. 7).

Так что это вовсе не случайное словосочетание, но наименование главенствующего над поросшей дубами местностью города. Местностью, где дуб являлся не только самым лучшим кормом для животных, но, вероятно, представлял собой основное сырье какого-то сегодня забытого, но в давнюю пору очень важного для туземных жителей промысла. При всем притом Страбон местных жителей именует галатами, да и ограничивающие Пиренеи заливы также названы им Галатскими:

«...прежние историки называют Иберией всю страну за Роданом и за перешейком, заключенным между двумя *Галатскими* заливами, тогда как современные историки считают границей Иберии Пиренеи и называют одну и ту же страну синонимически Иберией и Испанией» [301] (гл. 4, аб. 19).

Вот, между тем, что сообщает об этом народе Татищев:

«Святой Петр учил *галатов*, самых настоящих *славян*...» [184] (Гл. 3).

А ведь память об этом все еще сохранялась у нашего народа и в эпоху Ивана Грозного. Вот что сообщает по этому поводу австрийский посол Даниил Принц. В Московии:

«Св. Петра почитают первоверховным Апостолом и приписывают своим Церквам [семи Асийским — Российским — А.М.] истинное его преемствование, утверждая, что только они одни сохранили Евангельское учение чистым» [356] (с. 35).

Так что и здесь просматривается достаточно твердая наша убежденность, что древние галаты, некогда проживающие в Малой Азии (Малой России — Малороссии), это мы.

А вот что сообщает Страбон о таких же галатах, но уже проживающих в его время в ином месте — в Лузитании — стране белых людей:

«...племена, живущие у реки Дурия [Дуэро]... принимают паровые бани, нагреваемые раскаленными камнями, купаются в холодной воде и едят ежедневно только хлеб, соблюдая чистоту и скромность» [301] (гл. 3, аб. 6).

А вот какое место после своего римлянами «покорения» они, вместо чтоб стать при этом рабами, занимали в римском войске:

«...все галаты по натуре воинственный народ... и лучшая часть конницы у римлян состоит из этого племени» [302] (гл. 4, аб. 2).

И не просто лучшая, но исключительно привилегированная часть римского воинства, что нам распрекрасно известно, аккурат и представляли собой *всадники*. То есть, что сообщает нам Страбон, галаты — славяне.

Так кто же командовал, в таком случае, этой ставшей теперь загадочной Римской империей?

Но и на востоке, где Рим некогда заменяла на посту главного города римской империи Никомидия, жили, по словам все того же Страбона, восточные галаты. На территории Малой Азии они населяли:

«...Галатию, или так называемую *Галлогрецию*» [307] (гл. 5, аб. 1).

Так что и центр цивилизации тех времен Греция некогда представляла собою славянскую страну. Причем, как свидетельствует ибн Хордадбех (начало IX в.), вообще вся Европа вкуче именовалась нашим именем, начиная с Андалузии:

«Обитаемая часть земли разделена на четыре части. В их числе Аруфа (Европа) [а-Руса — А.М.], в которой расположены ал-Андалус, [земли] ас-сакалиба [славян — А.М.], ар-Рум...» [433] (с. 125).

И т.д. Так что белый континент арабами еще в IX веке именовался Русой. То есть страной с преобладающим населением славян. Потому-то так часто и встречаются славянские наименования местности: как на западе Европы, так и на ее востоке, как на юге, так и на севере. Но и как может быть иначе, если в те времена весь этот континент именовался сладким словом — Русь?

Но каким же это образом некогда имеющие преимущественно славянское население западные страны перестали быть славянскими? По какой причине проживающие в них славяне восприняли иноязычие?

Наш язык для понимания инородцами слишком сложен. Тут стоит лишь упомянуть сетования итальянцев на невозможность прочтения письма этрусков. А потому государственным языком моноэтнических стран всегда становился какой-либо из местных диалектов.

И в таких странах нашему языку позволяли оставаться в полной безыменности только ежедневно проводимые на нашем СЛОВЕ богослужения. И лишь папская экспансия на Западе и эллинская на Востоке позволили лишить славянское население проживавших в тех районах славян своего СЛОВА. Ведь если богослужение идет, скажем, на латыни, а официальным языком межгосударственного общения является греческий (или наоборот), то свой родной язык всегда становится лишним. Потому со временем вообще исчезает из обихода.

Попытаемся определить закономерность этого процесса на примере онемечивания Британских островов.

Территория нынешней Англии была захвачена германскими племенами англов и саксов совместно с племенами *ютов* и *фризов*, названными историками «норманнскими». Общегосударственным языком у этого конгломерата народностей, что вполне естественно, стал английский, поскольку наречия своих славяноязычных союзников картавым выходцам с Ермона, давно забывшим ненужный им славянский язык, было просто не осилить. Так какие племена являлись союзниками англосаксов?

Фризы. Они переселились с нынешней территории Голландии, где и по сей день одна из ее провинций именуется *Фрисландией*. Само же название этого народа очень сходно с именем морского народа генуэзцев — фряги-фрязины-фризы. А вот как выглядит, уже по тем временам, вероисповедание этого тогда еще славяноязычного народа:

«В 634–709 гг. христианская проповедь проникает к фризам» [132] (с. 636).

Проникает, заметим, еще до иконоборческой ереси. То есть Церковь эта совершенно ничем не отличается от Болгарской или Сербской. Таким образом, выясняется, что не Православной она уже и изначально быть не могла.

Юты. Они ушли с полуострова Ютландия, откуда, судя по всему, их вытеснили многочисленные полчища данов, вернувшихся из своих долгих степных, а затем и африканских странствий. Бога Славы с Сиона даны к тому времени уже не помнили, заменив его аморрейским божком своих слуг, а потому славянский язык отца потерял для них необходимость. А служба аморрейскому божеству, понятно дело, по-аморрейски, им легче было начать разговаривать уже на нем, чем на своем вроде бы как собственном. Ведь пусть по-славянски эти дети служанок и говорили, но уж очень не чисто — картаво.

Потому и предложенное им христианство, службы которого проводились на наречии, близком к наречию все тех же аморреев, судя по всему в большом количестве все так и проживающих среди них, могло быть воспринято ими без каких-либо с их стороны серьезных возражений.

И агрессивный норв данов, что указан в их характеристике, для политики римских пап оказался весьма кстати. Потому и пришлось славянам *ютам* от вторгшихся на их территорию бывших своих родственничков retirроваться аж на Британские острова.

Но сам термин, означающий бывших жителей знойной Палестины, в Финляндии, например, и по сию пору выглядит также достаточно созвучно наименованию поселению данов:

«ютолайнен» [233] (с. 152).

То есть обитатели полуострова Ютландия жителями Финляндии и по сию пору именуется евреями (иудеями [жидами]).

«У норвежцев есть весьма примечательная поговорка: “Vi er alle jyder Varherre”...» [48] (с. 31)

Эта поговорка некогда именуемого норманнами народа имеет дословный перевод:

«“Все мы ютландцы (=юты, датчане) перед Всевышним”. Однако с тем же успехом это выражение переводится как “Все мы иудеи перед Богом” — и это куда как точнее по смыслу» [48] (с. 31).

То есть совершенно открытым текстом норвежцы и по сей день так все и продолжают называть себя иудеями!

Адам Бременский именуется их:

«...даны по прозвищу юдды» [264] (с. 89).

А ведь это прослеживается и в их совсем еще недавнем вероисповедании:

«Нынешняя доминирующая концепция истории религий подает христианство как ветвь, отпочковавшуюся от иудаизма, который трактуется как изначальная, первичная доктрина. Но была древняя религия, по отношению к которой иудаизм — это секта, ее отколовшаяся часть... Само имя древней религии было почти полностью стерто, почти нет упоминаний о ней... До XV–XVII вв. население нынешней Европы было скорее ветхозаветным, чем ...христианским...» [180] (с. 16).

Именно по этой причине скандинавские народы так до сих пор и именуется себя иудеями (или ютландцами).

Но почему покинувшие Ютландию израильтяне называли себя *ютами*?

«Иудов градъ [Лк 1, 39] = город Иугта или Югта, назначенный для пребывания священных лиц [Нав 15, 55. 21, 16]. Здесь жили Захария и Елисавета, и провел юность свою Иоанн Креститель» [36] (с. 237).

Еще при разделе земли обетованной по Израилевым коленам в список отошедших к колену Левии городов определили:

«...Югту и предместья ее...» [Нав 21, 16].

Вот откуда вышел крестить свой народ Иоанн Креститель еще до крещения им Самого Иисуса Христа. Он вышел из города этих самых израильтян *ютов* Левиина колена, впоследствии перенесших название своего столь знаменитого города в Северную Европу. Но и не только название переехало, но и с этим названием крепко-накрепко увязанное вероисповедание. Его же перевезли с собой на эти острова и фризы, вытесненные все теми же данами.

И очень похоже, что Британские острова ими были избраны не случайно. Именно здесь, еще во времена расцвета Римской империи, словно в их древней «альма-матер» — Персидском Царстве (Первой Империи), беспрекословно поддерживались ветхозаветные традиции:

«Восточные народы, за исключением арабов, удерживались от употребления в пищу заячьего мяса. Цезарь упоминает, что это животное **не было употребляемо в пищу древними жителями Британии**» [111] (с. 272).

Так что еще в дохристианскую эпоху на этих дальних островах уже прослеживается присутствие исповедующих Ветхий Завет славян — семитов.

Прослеживается оно и в выборе вероисповедания местными народами в самый ранний период Христианства. А это объясняется именно присутствием в данной местности населения, славящего Слово по нашим богослужебным книгам. А потому:

«...сюда заносится христианство, которое распространяется в городах уже в конце II в., главным образом, в римских, и когда в IV в. сами императоры становятся христианами, уже существуют епископские кафедры (лондонская, иоркская, линкольнская)...» [133] (с. 1250).

Так что совершенно независимо от Рима и Константинополя, уже на самой заре нашей эры, славяне на Британских островах исповедовали веру во Иисуса Христа правой Славой. То есть ПРАВОСЛАВНО — по-нашему, по-русски.

Похожее наблюдается и на соседнем с Британией острове, чья Церковь аналогичным же образом приняла Православие в самые первые века.

«Монашество тоже рано стало распространяться в Ирландии; предполагают, что оно уже развилось в конце IV в. Ирландская же церк. официальн. существовала, по неоспоримым данным, уже в первой половине V в., равно как и ирландское епископство...» [133] (с. 1251).

Так что Православие на Британских островах несомненно древнее и Римского, и Константинопольского. Но и вообще в то время на Западе, где только распространялась власть самой первой королевской династии, Меровингов:

«...духовное окормление осуществляли монастыри, устав которых был именно восточно-православным, а не латинским. На это обращает особое внимание английский медиевист Дж.-М. Уоллес-Хэдрилл в книге “Длинноволосые короли”. Он же указывает на то, что язык двора был каким-то особым, непонятным как для римлян, так и для галлов. Каким — он не говорит (это было бы слишком опасным для карьеры оксфордского профессора!); ну а мы вспомним замечание Егора Классена. Вспомним и то, что при посещении Франции Петру I показали хранившееся в Реймсе Евангелие (уничтоженное затем во время революции 1789 г.), читавшееся при коронации древних монархов, язык которого никто не понимал. Язык оказался... славянским» [221] (с. 124).

Но кем являлись проживающие здесь же и в то же время кельты? И почему образованное франками государство не поименовано славянским?

«“славяне”, несшие “словесное служение” или служение “славы”... А кельт (а также хетт, галл, галат), собственно, есть *колдун, халдей* (klt — khld). Характерно, что ни славяне, ни кельты государственности как таковой так и не образовали — это сделали у них русы, они же франки. При этом, что особенно важно подчеркнуть, никто никого не завоевывал, поскольку речь идет не о разных народах, а о разных сословиях внутри этнически единого, хотя и разделявшегося в племенном отношении народа, населявшего тогда север Европы. Не говоря уже о том, что все, в общем-то, понимали речь друг друга — ведь язык — это и есть народ» [221] (с. 120).

Не менее удивительным выглядит мнение и Святослава об этническом населении Римской империи. Когда он совместно с болгарским царем Борисом выступил в поход против Византии:

«...цель войны — по словам самого Святослава — была прогнать византийцев с Балканского полуострова, так как они “не имеют права на Европу” [323] (с. 56). Взгляд

Святослава на политическую и историческую обстановку на Балканах, на то, какие народы являются исконными жителями этих земель, противополжен современным историческим концепциям» [321] (с. 306).

И к какой нации принадлежали жители Византии X века, так пока и осталось не расшифрованным. Скорее всего, здесь имеются в виду полчища немцев и эллинов, покидающих в те времена территории Африки и Ближнего Востока, где изменившиеся климатические условия уже не предоставляли им возможности прокормить свое необычайно возросшее в числе народонаселение.

Вот еще мнение на данную тематику, на этот раз из арабских источников. Население Европы, по их мнению:

«...составляют юнайцы (древние греки), Рум (римляне и византийцы), славяне, ифранджа (франки) и соседние с ними народности на севере. У этих народов был один общий язык и один царь (Де Саси. Сказания мусульманских писателей, с. 140)» [253, с. 30].

И в этой славянской державе, что и понятно, богослужение велось на нашем старославянском языке. И именно такой вид богослужения, в отличие от католического, и именуется — Русским Православием.

А вот откуда берет свое начало католичество и его язык — латынь:

«А как же германцы? — спросите вы. Тем более что все учебники повсюду относят франков к германцам, да и русь охотнее всего — к скандинавам, следовательно, опять-таки к германцам. Ответ на этот вопрос оказывается очень простым, и на него также просто отвечал Венелин, Егор Классен (сам, кстати, по происхождению немец) и другие: в те времена никаких германцев просто не было. Собственно о германцах, то есть о немцах-“дойче”, можно говорить лишь начиная с XI века, когда распалась империя Каролингов и начала возникать “германская нация”, язык которой в окончательном виде сложился только при Лютере. Мы ведь не называем Киевскую Русь Украиной, а Золотую Орду Татарстаном... Ну, а Тацит? — возникнет естественный аргумент. Правильно, можно ответить и на это, именно Тацит впервые вводит латинское именование Германии для всей Северной Европы, а мы, воспитанные в конечном счете на латинской культуре, естественно, считаем, что так было всегда, чуть ли не при праотцах. Позднеримским (как раз времен Тацита) культурным наследием овладели Каролинги, а потому при распаде их государства и возникает Германия, как, впрочем, и Франция. Латынь же, как писал французский автор А. Шампроке (вслед за знаменитым в XVIII веке аббатом Эспаньолем), есть “своего рода занавес, опущенный перед мировой сценой путем подлога, подмены фонетики”. Иными словами — нечто позднее, своего рода международный жаргон тогдашнего времени» [221] (с. 120–121).

Вот все вышеизложенное и стоит в основе крестовых походов латинян на Западе: все они имели исключительно единственное свое предназначение — для борьбы с Православием. А основу крестоносных полчищ латинян и составляли даны. И так как Ирландия в Западной Европе была покорена ими последней, то именно в эпосе этой страны и сохранились воспоминания о своем не таком уж и далеком прошлом.

Кстати, именно здесь и зиждутся корни столь казалось бы странной к ирландцам ненависти со стороны англичан, как выясняется, имеющих происхождение правящих привилегированных классов своего общества именно от племени данов.

«В исторических хрониках, найденных в Ирландии, есть сведения, что на ирландской территории появилось сильное поселение, которое называлось “Tuatha de Dana”, означающее “племя Дана”, которое прибыло на кораблях и изгнало со своих земель поселения местных жителей — ирландцев... Но впоследствии, как пишут британские историки... колена Даново было большей частью истреблено» [28] (с. 187–188).

И вот куда подевались остатки наголову разгромленных ирландцами полчищ данов:

«...часть колена Данова ушла в Англию, о чем имеются записи в исторических летописях» [28] (с. 192).

Есть и такие высказывания:

«...значительная часть англичан происходит от данов» [242] (с. 90).

Но и сам язык Туманного Альбиона раскрывает нам значение этого древнего переселения:

«В древнеанглийском “dan” означает “господин, мастер” (параллель с “мастером” в масонских ложах)» [28] (с. 188).

Совершенно созвучно нами обнаруженному выглядит и расшифровка наименования английской столицы: Лондон — *лоно Дана*. Так что и здесь это Колено когда-то вело кровавую борьбу с Православием.

Но и сейчас наше в далеком прошлом духовное родство с туманным Альбионом просматривается достаточно отчетливо. О своих православных корнях сообщил автору книги «Сокровенный Афон» подвизавшийся в одном из Святогорских монастырей простым монахом английский лорд:

«...все мои предки до XI века были **православными, как и прочие англичане**. И только после завоевания Британии нормандцами вынуждены были перейти в католичество. Это был крестовый поход папы против Православия в Англии» [103] (с. 166).

И лишь насильственный переход в католичество этого нам единокровного славянского племени и явился причиной преобразования *фризы-фряги-вряги* — во *враги*, которыми со временем стали окатоличенные в прошлом наши мореходы — *варяги*. Здесь же зарыт и секрет славы английского военного флота.

Между тем несколько прояснилось и с происхождением племен *готов*, союзных *данам*, некогда совместно с ними проживавших в азиатских степях. Ведь сам термин *гот* — это все тот же *год*. И их самоназвание вполне гармонирует и с санскритским *гуд*. То есть картавые племена *готов* — это и есть потомки израильского колена Гада, которые являются детьми служанки Лии — негритянки Зелфы. Потому идиш, местечковое наречие обращенных в иудаизм хазар, так схож с наречием немцев.

Мало того: *гады* и *готы*, имеющие однокоренное название, жили одно время практически в одной стране:

«...в Крыму Византия... учредила **Готскую** митрополию, в которую вошло семь епархий, находившихся на **хазарской** земле» [129] (с. 59).

Это произошло еще в те времена, когда Византия изъяснялась, как официально принято считать, на латыни (но, скорее всего, на нашем языке — старославянском [арамейском]):

«В 4 в. Г[оты] приняли христианство» [168] (Т. 2, с. 628).

То есть *гады* Хазарии, принявшие христианство, латиноязычными ромеями (византийцами) поименованы *готами*. Вот откуда *готы* и понесли в Северную Европу этот *католицизм*, на первый взгляд, совершенно непонятно, откуда туда занесенный. На самом же деле иначе и быть не могло. Ведь латынь им была все же куда ближе, нежели наше столь сложное для их генного строения организма славянское наречие. И лишь Православие в совершенно неизменном со времен Христа и апостолов виде проповедывало древнейшее на земле СЛОВО, доставшееся нам в наследство.

Однако ж, похоже, дата принятия готами христианства указана не верно. Да, существовали в IV веке в Крыму христианские церкви. Только принадлежать они могли в ту пору лишь тому народу, именем которого это море было в ту пору всеми именуемым. А именовали его тогда Русским.

Латинство же, совместно с его носителями, готами и данами, появляется в Западной Европе лишь семь столетий спустя (по иным же источникам — не ранее XIV в.).

А вот как слуги Израилевых колен, аморреи-угариты, совершенно отчетливо были некогда отделены от своих господ:

«Истахри писал, что хазары делятся на белых и черных» [129] (с. 46).

«...у всех тюрок такое деление обозначало, прежде всего, деление на две социальные категории. Черные хазары были податным, зависимым населением, белые — свободным» [129] (с. 47).

А вот как сами потомки этих хазар о себе сегодня сообщают:

«Распространенная еврейская легенда не помнит “хазарского” царства, а помнит царство “красных” евреев» [332] (с. 137).

А раз были красные, то, стало быть, обязаны были быть им в противоположность и белые Израилевы колена. То есть мы.

«Под каким же этнонимом скрываются “белые”? Может быть, русские? От “рус”, “русый”, что значит светлый, белый» [333] (с. 122).

То есть белыми хазарами, что нами выяснено, в отличие от белых евреев — единоверцев Ефрема, являлись представители полукровок — раввины колена Гадова — предводители черных хазар тюрок. Именно они нынешними адептами хамитических религий именуется «красными хазарами». То есть уже тогда будучи объединены цветом своих флагов со всеми и иными полукровками из числа Израилевых колен. В том числе и с теми же рыжими картавыми датчанами.

И вот какие имеются подтверждения принадлежности к Израилевым коленам богатых захоронений этих белых (называющих себя *красными*) хазар:

«...все черепа из ямных могильников относятся к европеоидной расе...» [129] (с. 76).

Относятся ли к ним готы, чей язык столь удивительно напоминает аморрее-угаритское наречие, наоборот, черных хазар?

«...то, что считали древнегерманским, на самом деле было “идиш”» [63] (с. 190).

То есть наречие у готов и у «черных хазар», что теперь подтверждается, было единым.

Через Испанию же в Западную Европу проникает и еще одна ветвь талмудистов. Эта волна, судя по всему, представляла собой племя хананеев, при завоевании их израильтянами назвавших себя некими *иевусеями*, чьей родиной является сам город Иерусалим (при них — Иевус [Иерус]). А они теперь себя именуют сефардами — именем ассирийского города Сефарда, на чьих плантациях в годы вавилонского пленения им несколько сотен лет кряду и пришлось трудиться в качестве рабов (Подробно см.: [74]).

Католическая экспансия

И вот как далее развивалась католическая экспансия ерманов (данов) и готов (гадов) на славянские народы в Северной Европе:

«В нач. 11 в. датские конунги (короли) Свен Вилобородый и Кнуд I Великий покорили всю Англию... В 1066 норманны во главе с герцогом Вильгельмом I Завоевателем, разгромив 14 окт. 1066 в битве при Гастингсе англосаксов, захватили Англию, незадолго перед этим освободившуюся от власти датчан, где снова установили свое господство» [168] (Т. 5, с. 635).

Но откуда же появляются в Европе эти самые даны, столь агрессивные и многочисленные? И почему совместно с ними постоянно выступают также вторгнувшиеся и также неизвестно откуда готы?

Оба этих народа, некогда проживавшие на левом берегу Иордана, судя по всему, были связаны какой-то тайной организацией, какими-то силами извечно направляющей адептов данного вида ереси против славянства. То есть дети чернокожих служанок, совместно с туземным монголоидно говорящим населением, поклоняющимся Ваал-Пеору, связали себя какой-то тайной организацией, направленной против законных чистокровных детей Иакова-Израиля, поклоняющихся уже своему Богу — Русе. Именуется же данная организация, объединившая некогда рабов и свободных той местности, по реке, на берегах которой все противостоящие Русе народы и проживали. А река эта и есть Иордан. Что, судя по всему, происходит от *Ие род дан* (Дан). Представляла же собою эта организация тот самый конгломерат народностей, который мы привыкли называть Великой Степью.

Ведь *орден* и *орда* — это практически одно и то же. Вместе с ними, судя по всему, в этой экспансии принимали участие и колена Ассира и Неффалима. Они проживали в стране, именуемой:

«...Галилея языческая...» [Мф 4, 15].

Она располагалась:

«...поблизости Тира и Сидона, заключающая в себе колена Асирова и Неффалимова...» [36] (с. 120).

И все они проживали на склонах одной горы — Ермона.

Так какого бога принесли в покоренную ими Европу внезапно вторгшиеся многочисленные воинственные племена ерманов, представляющих собою арийцев — полукровок Израилевых колен?

«Ваалу приносились человеческие жертвы... В позднейшие времена, как говорят историки, боготворение Ваала господствовало во всей древней Скандинавии и, как предполагают, было общим на Британских островах. Доселе еще сохранилось много суеверных обрядов в Ирландии и Валлисе, очень напоминающих древнее поклонение Ваалу. Поклонение Ваалу было главным и притом обычным грехом древних Евреев» [111] (с. 101–102).

В высокогорной местности Ермона и был сооружен левобережными Израилевыми коленами целый город для поклонения ему:

«...“Ваал-Гад”, по имени Ваала, **находящегося здесь**; затем греки назвали его “Панеада”, ибо греки отождествляли своего бога Пана с Ваалом» [138] (360).

Отождествляет же самих греков к данной местности, то есть к вершине Ермона, и наименование истока реки Иордан:

«Река Иордан берет начало из ключа Панеады» [316] (гл. 15, аб. 71).

Так что имя греческого Пана на аморрейском Ермоне вполне узаконено и топонимикой истоков главной реки Палестины.

Вот как выглядел Пан:

«В средние века Пана считали демоном, а фигура его дала начало известным изображениям черта — ведь греки изображали Пана бородатым, с косматыми ногами, заканчивающимися раздвоенными копытами, с острыми ушками и кривыми рогами на голове» [121] (с. 110).

А ведь подобные существа оказываются даже там, где и в самой природе о рогах нет вообще никакого представления:

«...австралийским туземцам известен великий дух зла, рогатый и хвостатый Варругура, живущий под землей. Однако среди местных животных нет с рогами» [201] (с. 8).

На изображающей Ваала статуэтке на фоне звезд, что лишь одно отвергает возможность записать этого Гаваонского повелителя мух и испражнений под именем кумира, якобы собой олицетворяющего солнце, указан безбородый мужчина с рогами. Это полная копия силуэта Астарты, при изображении которой те же самые рога обычно замаскированы под лежащий на голове месяц. Так что месяц Астарты маскирует собою рога чудовища ерманов — Ваал-Гад.

В этом городе, находящемся на склонах Ермона:

«...Иеровоам поставил одного из золотых тельцов и установил ему торжественное богослужение [3Цар 12, 29; Ам 8, 14], хотя идолослужение и господствовало здесь до него [Суд 18, 17–19, 24–31]» [111] (с. 186).

«Илу и Силач Балу часто предстают в облике быка, но и **Яхве представлялся своим почитателям тельцом, хотя Ветхий завет резко осуждает поклонение тельцу**» [202] (с. 190).

Итак, вся эта нечисть, Ваал=Яхве=Бел=Гот=Гад=Пан, — выражает собою название капища их кумира, «находящегося здесь». Вот какого монстра раввино-германы колен Дана и Гада передислоцировали с вершины ливанского Ермона на европейскую гору Броккен!

А идолопоклонникам было что переносить:

«**Ермон** (выдавшаяся вершина горы) [Втор 3,8; Нав 12, 1] — название возвышенной горы в цепи Антиливанских гор к с.-в. от Палестины... она называлась также и **Сионом** [Втор 3, 9; 4, 48]. Об означенной горе неоднократно упоминается в Ветхом Завете и дважды, как полагают некоторые, под названием *Ваал-Ермона* [Суд 3, 3; 1Пар 5, 23]... на вершине горы находятся развалины храма — вероятно, остаток от времен боготворения Ваала...» [111] (с. 242).

Таким образом, не только *ерманизм*, но и *сионизм*, вышли именно отсюда. И это остатки именно их капища все так и продолжали о себе напоминать вплоть до недавнего времени.

«В Библии прямо утверждается, что тогдашние евреи не стеснялись идолопоклонства и роднились с идолопоклонниками. Пророки их за это сурово порицали... факт порицания и показывает массовый характер прегрешения в поклонении **Перуну (Бааль Пеору)**» [28] (с. 196).

«Ваал-Фегор (Пеор или Фегор, отверстие или раскрытие, напр. рта и пр. [пример, следует отметить, для бога блуда слишком щадящий — А.М.]) — название маовитской горы и языческого божества, боготворимого в Фегоре или Пеоре» [111] (с. 102).

Так что Фегор, при малоросском «съедании» звука **Г** и замене позднейшего грецизма **Ф** на праславянское выговаривание этого звука как **П**, легко преобразуется в свое первоначальное значение: **Пеор**. Именно отсюда происходит наименование как страны Гадов — Перея, так и Перия — обиталище бесов под греческим Олимпом. И именно к поклонению этому чудищу с Ермона ведут корни традиций не только перебравшегося на гору Броккен ерманизма и рвущегося к строительству своего капища на Сионе сионизма, но и так называемого «русского язычества», услышавшего про этот «звон» из нашей же древности, но даже и в снах своих самых кошмарных не осознающего — «где он».

Но и с незавоеванной израильянами стороны Ливанских гор у местных финикийских хананеев божество было все то же:

«Жители Финикии боготворили Ваала...» [111] (с. 732).

А они, что уже отмечалось, являлись хананеями. И это их божество, Ваал-Гад, общее со всеми ермонистами, так и осталось зафиксировано в нынешнем разговорном наречии. У англичан и теперь слово «гад» значит «бог».

Вот представители языческой части Галилеи некогда и «просветили» соседствующих с ними кельтов — *валлийцев*, от которых эта зараза и распространилась далее — в Ирландию. Православие на некоторое время поклонению этим культам поставило барьер. Однако же затем, под ударами колен Дана, Гада, Ассира и Неффалима, на Британские острова были вынуждены переселиться, вытесняемые ваалопоклонниками, славяне: колена Левия — *юты* и галилеяне колена Завулонова — *фряги*.

И бороться против нашего *языка*, то есть народов, единственно знающих СЛОВО, — *правых славян* очень удобно было именно католичеством, которое, вроде бы и не отрицая Христианства, навязывало славянам иноязычие.

Но наше Православие и их католицизм — это не две ветви одной веры: это разные религии.

И если первая мировая империя персидских царей была уничтожена войсками Александра Македонского, прозванного за столь с точки зрения Запада героический подвиг «Великим», то вторая империя, собранная императором Константином, подверглась уничтожению варварскими ордами Карла, именно за произведенные им разрушения и нападки на славян прозванного все теми же силами таким же «Великим»:

«В противоположность Восточной Православной Церкви, Западная церковь нарушила постановления отцов этих соборов и внесла в учение о Святом Духе изменение. В начале V века некоторые учителя Западной Церкви при определении личного свойства Святого Духа начали утверждать, что Он исходит вечно не только от Отца, но “и от Сына” — **Filioque**, откуда и учение их названо **филиоквистическим**» [138] (с. 202–203).

«Вопрос... с особенной страстностью обсуждался на Западе в VIII столетии, и император Карл **Великий**... созвал в 809 году под своим личным председательством собор для рассуждения о присоединении к символу веры “и от Сына” — Filioque. На этом соборе было постановлено утвердить символ веры с этой прибавкой. От лица императора и собора было отправлено в Рим посольство... Но папа не дал своего согласия... и приказал начертать никеоцареградский символ веры на двух серебряных досках... в храме Святого Петра с надписью: “я, Лев, поставил это по любви к Православной вере и для охранения ее”. Однако, несмотря на отказ Льва III признать прибавку Filioque законной, она получила распространение во многих местах Испании, Италии и Германии... Когда было допущено это прибавление в самом Риме, точно неизвестно, во всяком случае не ранее 1014 года» [138] (с. 202–203).

То есть отход Запада в иноверие прослеживается еще с V века. Но окончательно отмежеваться от Православия ему удалось лишь к середине XI в.

Вот что по этому поводу сообщает священномученик Иларион Троицкий, русский богослов начала XX в.:

«С 1054 года не стало двух отдельных христианских церквей, потому что двух церквей быть не может... Отпадение Рима от Церкви есть наличный факт, которого не нужно замалчивать и сводить к нулю» [192].

Православный противокатолический катехизис (Харьков, 1916) гласит:

«На католиков должно смотреть как на отлученных Православною Церковью еретиков, которые... не называются даже христианами...» [192].

А потому и именуются все эти вероисповедания языческими. Андрей Устюжанин:

«Бывают и ситуации, когда родители еще пребывают в язычестве и никак не соглашаются на брак своего сына или своей дочери с христианином... Возьмите, например, государя Николая Александровича Романова и его будущую супругу Александру Феодоровну — ведь родители были против их брака» [187] (с. 58–59).

Так что разрешенный сегодня переход из католицизма в Православие лишь таинством миропомазания является не правильным.

Но католицизм всегда проявлял по отношению к нашему вероисповеданию повышенную и никогда нестихаемую агрессивность. Вот что собою представляют эти столь нам всем известные «крестовые походы» средневековья, якобы направленные против мусульман:

«Из истории известно, что Византия неоднократно обращалась на Запад за военной помощью, обороняясь от турок-сельджуков. Этим и воспользовалось папство, чтобы расширить влияние католицизма и добиться подчинения Риму Православной Церкви» [58] (с. 175).

Вот что происходило в ту пору, следуя не туманным рассказам советских школьных программ, усиленно вбитым в наши мозги оседлавшими нашу историческую науку марксистами, но на самом деле:

«Лавина людей с нашитыми на одеждах крестами ринулась на Восток. По пути “благочестивые воины католического Христа” разграбили и сожгли Белград. Их путь отмечали насилия, грабежи и убийства. 1 августа 1096 года 60-тысячная армия Петра Отшельника достигла стен Константинополя и расположилась лагерем. Петр Отшельник выполнил свою миссию.

Но вот что обращает на себя внимание: когда первые толпы крестоносцев пришли к столице Византии, помощь была уже не нужна — непосредственная военная опасность, грозившая со стороны мусульман, миновала» [178] (с. 218).

Но этот католический крестовый поход был задуман совсем не для того, чтобы оказывать помощь братьям по вере. Но с целью совершенно противоположной:

«Крестоносцы с ужасающей жестокостью опустошили окрестности. Их жертвами были... православные христиане. Картины убийств и пыток будут не столь впечатляющими, если не знать, что посланные Ватиканом убивали и пожирали

христианских младенцев, которых поджаривали на копьях, как дичь на вертелах. Отличались немцы и французы.

Кровавым кошмаром отмечен путь Первого Крестового похода. В трехстах километрах от Иерусалима дорога паломников проходила через город Махаль-Нумен. В середине зимы 1098 года крестоносцы захватили город. “Наши солдаты варили язычников в котлах, детей насаживали на копья и запекали”, — так повествует о происшедшем хроника I Крестового похода. Те, кого хронист называет “язычниками”, не заслуживающими жалости и вполне пригодными — вместе с детьми — в снесь для армии крестоносцев, были восточные христиане...» [178] (с. 218).

Но и последующий путь этих самых «благодетелей» был отмечен все тем же:

«Пока именовавшие себя “рыцарями и воинами Христа” шли к Иерусалиму, все изменилось. Египтяне уже изгнали турок. К тому времени “спасать” христиан было не от кого... Но 20-тысячное войско — столько добралось до стен святого города — осадило Иерусалим» [178] (с. 219).

То есть вновь прослеживается полное взаимодействие липовых «союзников» с воинством врага: защитники Иерусалима были готовы ко всему, кроме одного — удара в спину. Что и совершило пришедшее под христианскими знаменами войско западных, что выяснилось уже потом, басурман:

«Хронисты победителей с удовольствием рассказывают о лужах крови, по которым ходили воины Христовы» [178] (с. 219).

То есть басурманы, именующие себя католиками.

Следующее вторжение крестоносцев инициировал Бернард Клервосский. Вот какими деяниями он себя прославил:

«Бернарду Клервосскому принадлежит честь авторства устава Ордена тамплиеров; этот “святой” именовал тамплиеров “законными палачами Христовыми”.

Об истинной духовности этого “святого католика”, так сказать, “богобоязненного и набожного монаха”, свидетельствует тот достоверный исторический факт, что именно Бернард Клервосский разрабатывал планы крестового похода на Православную Русь. С этой целью он поручил краковскому епископу Матфею представить необходимые сведения о Руси...

На соборе 1147 года во Франкфурте именно Бернард Клервосский призывал католиков: “Уничтожить либо народ славянский, либо его веру!” Что означало фактически одно и то же. Это не было пустой угрозой: немецкие крестоносцы по благословию “святого Бернарда” полностью вырезали славянский народ вендов, живших на землях между Эльбой и Одером» [178] (с. 221–222).

«Когда в XII–XIII веках вышвырнутые мусульманами-тюрьками из Палестины европейские крестоносцы ринулись в новый крестовый поход, на сей раз против “язычников” (балтских славян) и “схизматиков” (славян православных), то делалось это тоже под флагом “приобщения”. В итоге балтских славян вырезали, а остатки сделали крепостными, заставив забыть родной язык, культуру и Веру. Затем их обратили в католичество, и теперь они называются “прускими немцами”» [84] (с. 84).

То же они сделали и со всеми иными славянами, некогда проживающими в Западной Европе — онемечили покоренных. Непокорных ждала следующая участь:

«В Палестине одним из ревностных исполнителей воли “богобоязненного и набожного” Бернарда был Рейнольд де Шатьен — столь же “благочестивый и богобоязненный”, как и настоятель Клервосской обители. Вот некоторые исторические факты, вполне характеризующие методы и цели “освобождения” крестоносцами Святой Земли. Рейнольд де Шатьен — “набожный воин, рыцарь-крестоносец”. Замыслив разграбить Кипр — остров населяли православные христиане, — он, однако, не мог осуществить задуманное — не хватало денег. Для решения этой проблемы Рейнольд де Шатьен нашел очень простой способ — он захватил в плен Антихийского патриарха; старца, обнажив, привязали на самом солнцепеке и обмазали медом. Альтернативой

медленной мучительной смерти от укусов насекомых были, естественно, деньги. На полученное в обмен на жизнь патриарха золото Рейнольд организовал военную экспедицию на Кипр. Остров был совершенно разграблен, немногим уцелевшим православным священникам “благочестивый рыцарь” приказал изуродовать лица — отрезать носы...» [178] (с. 221–222).

«Третий крестовый поход окончился столь же безславно, как и первые два. Именно этот крестовый поход связан с именем Фридриха I Барбаросса, который возглавил сотысячную армию, собранную, чтобы идти на Восток. Естественно, Фридрих Барбаросса, исполняя благословение святейшего престола, начал вести военные действия против Византии, то есть убивать и грабить православных христиан. Вскоре после перехода через Гавр Фридрих I утонул при переправе через небольшую и мелкую речку Салефу. От армии, лишившейся своего предводителя, в конце концов остался незначительный отряд. Но история III Крестового похода на этом не завершилась. Эстафету Фридриха Барбаросса принял английский король Ричард и его любовник — одноглазый король Франции Филипп II Август. Кстати, благородный рыцарь — “освободитель” Святой Земли Ричард покровительствовал евреям, но как только он отправился в крестовый поход, в Англии начались стихийные погромы.

По пути в Палестину Ричард разорил православный Кипр. Следующим “славным” деянием английского короля стала осада приморского города-крепости Акра, населенного христианами. Обманом овладев Акрой, Ричард встретил неожиданное затруднение: с одной стороны, официальной целью было “освобождение Иерусалима”, с другой — рыцари не имели достаточно сил и средств, чтобы содержать плененный гарнизон Акры. И английский король, благородство, мужество и храбрость которого потом в течение столетий англичане, а вместе с ними и вся Европа, будут воспевать в балладах, приказал жителей города приковать к стенам, а потом этих людей методично, с жестоким равнодушием перебили всех до одного — сначала воинов сдавшегося гарнизона, затем — их жен и матерей, и наконец детей. Их просто перерезали, — беззащитных православных, прикованных цепями к городским стенам, залив Акру кровью. Это стало еще одной “славной победой” крестоносцев в деле “освобождения Святой Земли”. Но самое характерное заключалось в том, что крестоносцы так и не пошли на Иерусалим. А Ричард, английский король, кстати сказать, ни слова не знавший по-английски, отплыл в Англию...» [178] (с. 222–223).

Вот обобщенно о вышеизложенном:

«Борьба с мусульманами у Рима началась с крестовых походов в XI веке. Но под видом освобождения восточных христиан от неверных Рим везде, где только мог, насаждал латинство» [58] (с. 169).

А где не мог, что и понятно, оставлял после себя лишь выжженную пустыню. Вот чем прославил себя в деле борьбы с сарацинами 4-й Крестовый поход, направивший собранную по всей Европе рать вновь что-то уж больно в не совсем сарацинские земли — в православный Константинополь:

«Город пал. Причина стара как мир — предательство. Грабеж и насилия были ужасающими. Константинополь, захваченный крестоносцами, представлял собой жуткую картину святотатственной вакханалии и кощунств. Убийство православного христианина крестоносцы почитали актом добродетели... Победу Ватикана Дандоло запечатлел финальным актом трагедии Византии — на императорский престол он повелел возвести обнаженную блудницу — апокалиптический символ торжества сил зла над Церковью Христа [Откр; Апок 17, 1–16].

В IV Крестовом походе не погиб ни один мусульманин. Константинополь пал. Ватикан торжествовал, считая, что Византия сокрушена и Православие (то есть Христианство) исчезнет с лица земли. Об Иерусалиме крестоносцы больше не вспоминали. Цель Крестовых походов наконец была достигнута...

Впрочем, цели ордена крестоносцев вполне отражает их символика: члены ордена носили на одеянии мальтийский крест из красного атласа, нашитый поверх шестиконечной звезды иудеев (...идеолог народничества П.Л. Лавров гордо называл революционеров-“народников” “крестоносцами Социализма”») [178] (с. 224–225).

На сегодняшний день эта их символика историками упрятана слишком далеко. Однако ж истинное лицо католического ордена тамплиеров упрятать просто невозможно:

«Сконцентрировав в своих руках огромные богатства, тамплиеры бросили их на дело борьбы с Христианством.

История крестовых походов позволяет понять, как “культурные” немцы середины XX столетия по Рождестве Христовом, оказавшись в России, были способны, радостно улыбаясь, фотографироваться на фоне виселиц с трупами — русских “унтерменшей”... Как эти носители “западной культуры”, наследники Фридриха I и Лютера, могли молиться Мадонне и насиловать и убивать русских баб? Очень просто. Точно так же, как и в поверженном Константинополе, сердце Второго Рима, в 1199 году... Спустя семь с половиной веков, в 1941-м, в России католицизм не успел засвидетельствовать методы устройства царства наместника Божия на земле столь откровенно, как в XIII столетии в разоренной Византии. В России этого не произошло лишь потому, что немцы не смогли завоевать всю страну, а на оккупированных территориях фашисты на первых порах действовали так, чтобы привлечь население на сторону “германских освободителей”.

В своей исторической речи 29 июля 1941 года папа Пий XII приветствовал нападение Гитлера на Россию, благословив фашистов на искоренение “схизмы” на Востоке, то есть Православия. В Югославии, православной стране, покоренной фашистами за считанные дни, этот новый Крестовый поход XX века сразу проявил неизменную сущность католицизма — с предельной откровенностью методов и целей, которые, кстати сказать, Ватикан устами папы неоднократно и недвусмысленно одобрял на протяжении II мировой войны. Но Россия сполна испытала цену папских благословений, которые в 1812 году несли в Московию “воинство двенадцати языков”, — Европа, отвергшая Христа, ополчилась на Православную Россию. Это был настоящий Крестовый поход XIX века, плацдармом для которого стала наполеоновская Франция» [178] (с. 225–226).

Разгром, которому подверглась величайшая русская святыня России, ее сердце — Москва, целенаправленностью святотатств, может, даже и превышал кощунства католиков при захвате ими Константинополя:

«В Высокопетровском монастыре французы устроили скотобойню. Монастырский погост весь был покрыт спекшейся кровью; в соборном храме, превращенном в мясную лавку, лежали части забитых туш; на церковных паникадилах и вколоченных в иконостас гвоздях висели внутренности животных. В Спасо-Андрониковом, Покровском, Знаменском монастырях французы покололи иконы на дрова, в них стреляли, используя в качестве мишеней. Престолы и жертвенники церковей французы превратили в настилы для пьяных кутежей. Храмы Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других московских обителей французы — “добрые католики” — обратили в конюшни.

Особенно пострадал Кремль — святыня государственности и веры России» [178] (с. 226).

Вот что сообщается о произведенном там латинянами разгроме:

«“Собор совершенно неприятелем разграблен. Не только оборваны [оклады] со всех святых икон, не оставляя и верхние оклады в иконостасе — со всеми их украшениями, но и местные, около больших столпов большие иконы, древностию своею прославлявшиеся, похищены или истреблены... Ковчеги святых мощей, сосуды, кресты серебряные, подсвечники выносные и малые, лампы, большое паникадило, блюда, ковши... тоже похищены. Не осталось никакой утвари” (РГИА, Ф. 796. Оп. 93. Д. 635. Л. 136).

В Успенском соборе французы устроили горн для переплавки золота и серебра... Сам собор захватчики превратили в конюшню — пол был покрыт навозом, в иконостасе —

вбитые гвозди для сбури. Многие иконы варварски изрезаны, у иных изображений святых французы выкалывали глаза... Кремль был завален мусором и грудями камней... Наполеон, отступая, приказал маршалу Мортье взорвать весь Кремль... но после первых взрывов неожиданно разразилась ливень [и это осенью! — А.М.], порох в подкопах отсырел, запальные фитили гасли. Когда уничтожали Никольскую башню, взрыв снес верхнюю ее часть, но непостижимым образом икона Святителя Николая осталась совершенно не тронута, не оказалось даже трещины на стекле, прикрывавшем образ, и на лампаде перед иконой» [178] (с. 227–228)

Все это особый знак, которого просто нельзя не заметить. Потому-то вышеописываемому басурманскому нашествию, казалось бы, рядовому, всегда приписывалось некое чисто мистическое значение:

«Слово *антихрист* некоторые относили к римскому папе, другие к Магомету, а некоторые наконец даже к Наполеону I» [111] (с. 51).

«Там, где прошла армия “просвещенной” Европы, оставались пожарища, оскверненные храмы и монастыри... Граф Сегюр в своих записях отметил характерную деталь, своего рода символ целей крестового похода Европы на Россию: отступавшие из Москвы французы тащили гигантский крест, сброшенный, как пишет Сегюр, с кремлевской колокольни Ивана Великого. Может быть, завоеватели “не ведали, что творят”? Нет. Они очень хорошо осознавали цели войны против России» [178] (с. 229).

Это подтверждает и символика, доставшаяся вторгнувшемуся воинству Запада по наследству еще от Бернара Клервоского:

«1812 год стал временем нового крестового похода. На плащах французских офицеров были нашиты масонские символы и мальтийские кресты — наследие тамплиеров...» (там же).

Но и полутора столетиями позже разыгравшаяся война имела все тот же смысл:

«...крестовый поход Гитлера на Восток был очередной попыткой уничтожить Православную Россию, которая все-таки жила под пурпурной, кровавой коростой советских знамен с пентаграммой на алых полотнищах богоборцев...» [178] (с. 356).

Эти цели особенно заметны по Югославии, где немцы возложили уничтожение православных сербов на их католических соседей.

И так было всегда. Что и еще в очередной раз указывает на сущность католицизма. Ведь сразу после случившегося ухода Рима в язычество преподобный Феодосий (ок. 1036–1091), игумен Киево-Печерский, так предписывает держаться относительно приверженцев этих лжеучений:

«...верой же латинской не прельщаться, обычая их не держаться... и берегать своих дочерей: не отдавать за них и у них не брать... ни брататься с ними, ни кланяться им, ни целоваться, ни есть или пить с ними из одной посуды, ни пищу их принимать...» [192] (с. 46).

Вот сколь серьезен этот разрыв: даже есть из одной посуды с католиками еще современникам этого события уже строго воспрещалось!

Вот что сообщает писавший о нас в смутные времена польский писатель немецкого происхождения Рейнгольд Гейденштейн:

«Они считают варварами или басурманами всех, кто отступает от них в деле веры, даже и тех, кто следует обрядам Римской церкви, и отвращаются от них, как от какой-то язвы, считая непозволительным иметь что-либо общее с ними; вследствие такого убеждения явился обычай, что всякий раз, когда князья выслушивают иностранных послов, они имеют пред собою таз с водою, чтобы ею тотчас обмыть руки, как бы оскверненные от прикосновения иностранцев» [450] (с. 28).

А вот какие кары ожидали тех, кто вступал в интимную связь с иноверцами:

«По российскому закону, “русским подданным Православного исповедания брак с нехристианами вовсе запрещается” (Булгаков С. прот. Настольная книга священно-церковнослужителя. Т. II. М., 1993. С. 1213), а такое брачное сопряжение не признавалось

“законным и действительным” (там же с. 1257). Дети, рожденные в таком союзе, признавались незаконнорожденными, не имели прав на наследство и титул, а сама связь признавалась прелюбодейной. Христианину, в нее вступившему, даже в то время полагалось четыре года отлучения от Причастия» [182] (с. 11–12).

Вот как данный пункт общежителства определяется 72 правилом VI Вселенского Собора в Труле:

«Недостойно мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися. Аще же усмотрено будет... незаконное сожитие расторгать» [182] (с. 10).

Но и в дальнейшем мало что в этом вопросе изменилось. Ведь даже Алексей Михайлович, чьи симпатии Западу прослеживаются с достаточной своей очевидностью, древним этикетом общения с инородчиной, которую чуть выше обозначил имеющуюся у нас в наличии еще при Иоанне IV поляк немецкого происхождения Гейденштейн, прилюдно пренебречь не мог. Вот как вел он себя, отдавая дань русской традиции, с западными послами:

«...подав руку для целования, потом прилюдно (при тех же послых) омывал ее, подчеркивая, что всякое прикосновение иноверца считается оскверняющим» [206] (с. 22).

И вовсе не зря. Ведь вот в какую безмерную пропасть, отделяющую это учение от нашего, вылилась та самая якобы незначительная «размолвка», которая некогда и породила раскол:

«...папским престолом вслед за деканонизацией Николая Угодника и Георгия Победоносца был канонизирован Томас Мор...

Теперь “борцов с коммунизмом” уже не смущает, что при советской власти этот “блаженный” не без основания рассматривался как один из основоположников социалистических теорий. Он сделал дело. Вымостил свой участок дороги для машиаха. И современные “христианские политики”, старательно воплощая апокалипсический идеал талмуда, вправе просить у “блаженного Томаса” молитв о скорейшем устроении мирового правительства, введении единой религии и соблюдении прав меньшинств» [19] (с. 93).

Так что латинская ересь теперь достаточно явственно показывает рожки, выбивающиеся из-под ее головного убора.

Потому участие в папской агрессии именно прежних жителей Ермона удивительным вовсе и не выглядит. Ведь из странствий 10 Колен после плена Вавилонского, судя по всему, они вернулись уже с другим богом, нежели Тот Бог, который у *языка*, то есть у расы народа Сима, — *благословен*. А потому именно они и навязали никакого подвоха не ожидающим от них своим в прошлом родственникам этого троянского коня в лице католической латиноязычной экспансии.

И как бы нам ни было обидно слышать о закабалении родственных нам славянских народов монголоидноговорящими иноязычниками, но от пророчества никуда не денешься. И если сказано, что вселится Иафет в шатры Симовы, то тут уж ничего не поделаешь. И белый человек со временем, осваивая чухонские обычаи своих картавых монголоидноговорящих завоевателей, ерманов, сам постепенно становится таким же, как и они — чухонцем...

А о том и пойдет разговор далее. Ведь средневековый феодализм — это не какая-то якобы являющаяся неким процессом развития «переходная эпоха». Это обыкновенное варварство. То есть если и эпоха, то эпоха ужасающей деградации туземного населения Европы до полупещерного уровня варваров, захвативших их города. Причем, это варварство грязное и отвратительное, безжалостное и невежественное, где похоть и разврат плавно переходят в массовые казни и кровавые пытки в казематах, обязанные закономерно завершиться плахой, костром или виселицей. И не окажись у них инквизиции, им бы вообще конец. Ведь эпидемия сатанизма — это вполне закономерный финал их латинской безжизненной веры, которая еще с 1054 г. перестала быть Христианской.

И здесь стоит лишь учесть тот факт, что центр сатанизма перекачивается в Западную Европу именно со времен Средневековья:

«Одна из ночей в году — со времен Средневековья — называется европейцами Вальпургиевой. В известный час нечисть со всего света слетается в Германию на гору Броккен. Слетается на смотр. Чтобы стройными рядами поклониться сатане... Наступает же Вальпургиева ночь перед первым днем мая... (...германцы считали, что в эту ночь валькирии уносят души погибших героев в блаженную Вальгаллу)» [19] (с. 146).

«В ночь с 30 апреля на 1 мая в древности отмечался “праздник” дьявола — день переходил в Вальпургиеву ночь... Это самая важная дата во всем календаре сатанизма» [178] (с. 495).

Который, в то же самое время, является и календарем коммунизма.

Но еще Феофан Затворник в свое время предупреждал о неизбежности водворения и у нас их дьяволопоклоннической ереси:

«Западом и наказывал и накажет нас Господь... а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою!» [112] (с. 55).

Не понимаем мы этой смертельной опасности. Не разумеем даже тех столь ужасающих обстоятельств, что не только вообще вся Западная Европа, но и конкретно — напавшая на нас в самой последней войне вражеская держава состояла на половину из славян, не так-то уж и давно потерявших чувство опасности перед инородчиной, а потому со временем подвергшихся онемечиванию:

«С западными народами надлежало бороться со всем напряжением борьбы, так как здесь подчинение угрожало духовной целостности и грозило русскому народу участием тех славянских племен, которые жили в теперешней Пруссии, но, потеряв свою веру, так онемечились, что забыли свой язык, свое племенное происхождение и погибли как для Православной Церкви, так и для всего славянства» [265] (с. 136).

Однако ж, что нами уже разобрано, участи онемечивания через католичество подверглись не только славяне Пруссии. Но славяне большинства иных нынешних стран Европы, в том числе Франции и даже Испании. Что прекрасно просматривается, например, еще лишь из письма Антония Поссевина герцогу Тосканскому. Он сообщает о возможностях, которые предоставляют в деле пропаганды католичества типографии:

«Судя по теперешним событиям в Московии [Смутные времена — А.М.], незатруднительно будет воспользоваться ими, чтобы заняться рутенским языком, и сим способом ввести в это государство просвещение... В течение 40-летнего моего пребывания вблизи Пиренейских гор и Бискаии, я удостоверился, что кальвинисты, для введения своего еретического учения в Беарнской провинции и в Испании, основали типографию этого столь трудного языка, и довольно известно всем, какое зло они причинили во всей Европе печатанием книг... потому надо употребить то же самое средство...» [359] (с. 42–43).

То есть, воспользовавшись прекрасным опытом протестантов, приступить к соращению в католичество православных славян Европы. А ведь это еще начало XVII века! Вот когда, судя по донесению папского агента, половина Европы все еще продолжала разговаривать на русском языке, столь трудном для понимания его инородцами.

Но взялась за дело вражья желтая пресса и результат обасурманивания славян теперь просто шокирует. Через какие-нибудь 400 лет славяноязычных европейцев на западе уже более не числится вообще.

Европа же, уничтожив наш язык, и после этого не имея в своем регионе никаких препятствий со стороны наследников СЛОВА, приступила теперь и к дальнейшему выстраиванию апокалипсических взаимоотношений между людьми. И Римский папа возглавляет уже завершающее мировую историю вероисповедническое движение — ересь

ересей — экуменизм. А потому вполне закономерно их сытая цивилизация приближается к концу.

Однако конец, что наиболее обидно, придет не только самим зачинщикам, но вообще *всем!* Всемирный Потоп — тому грозное предупреждение.

Но как бы ни был кто в чем повинен, лечение всегда необходимо начинать с себя самого. А чтобы его начинать требуется знать диагноз.

Вот и продолжим его изучение на основе сравнения нашей исконной великой русской культуры, основанной на постулатах дарованной нам Богом веры, имеющей свое прямое отношение именно к тому Слову, которое и есть Бог, с их варварским средневековым *феодализмом*.

Евразия: область расселения Израилевых колен

В свете всего вышеизложенного, а также еще предстоящего изложению, на сегодняшний день становится вполне очевидным, что:

«Практически все народы, населяющие современную Европу, на самом деле — это выходцы с Ближнего Востока и из Северо-Восточной Африки» [66] (с. 392).

Но сначала, чтобы уточнить принадлежность колен к определенной местности, разберем структуру их нынешнего расселения по материке Евразия. И помогут нам в этом цвета государственных флагов, которые были установлены для колен еще во времена скитаний по пустыне. Ведь на биваках они располагались в следующем порядке:

«Племя левитов несло священнические обязанности и ему была вверена скиния, для чего оно располагалось в 40-летнем странствовании по пустыне в центре К[олен]. На севере от него шли колена Дана, Асира и Неффалима, на юге Рувима, Симеона и Гада, на западе Ефрема, Манассии и Вениамина и на востоке Рувима, Симеона и Гада. **Каждому из четырех частей полагалось особого цвета знамени**, а каждому колену к тому же особое изображение в виде быка, дерева, орла, волка и т.п.» [133] (с. 1415).

А ведь как шли, так впоследствии и расселились в земле, им обетованной. Здесь стоит лишь переориентировать колено Симеона с юго-востока на юго-запад, пополнив восточную сторону полуколеном Манассии, а на западе, к вышеназванным, прибавить колена Иссахара, Завулону и Иуды.

Каковы цвета знамен расселенных теперь по миру колен?

Начнем с племени антихриста. Цвет его знамени известен — он красный. Ведь все вихри антихристианских революций развивались именно под ним.

Так каковы же цвета знамени у колена Данова — Дании?

Цвет знамени этой страны — *красный!* Так что и здесь — все сходится.

Но, может, много раньше он был иным?

При описании родословной Николая Рериха, некогда привезшего Ленину сатанинское приветствие от гималайских махатм, сообщается как раз об исконных цветах страны, в жилах народа которой течет кровь как основателя масонства, Адонирама, так и будущего рвущегося в мир антихриста:

«Семейные предания уводят... в Зеландию первоначальную, датскую...

...во времена викингов и скальдов, во времена, когда легкие скандинавские ладьи **под красными парусами** шли великим путем из варяг в греки» [134] (с. 3).

Однако ж сегодня на этом красном знамени стоит белый крест. Каково этого цвета на датском знамени происхождение?

Первоначально колено Даново поселилось на западе Палестины. А ведь именно с этой стороны во время шествия по пустыни располагались колена Рахили, чьи цвета знамен должны иметь *белый цвет*, отображающий *невинность*. Ведь их обожествляемая теперь

мать на легендарной своей свадьбе, когда ошибочно вместо нее женой Иакова-Израиля стала ее подслеповатая сестра, так и осталась в невестах.

Кстати, этот же цвет подтверждает былую принадлежность к славянству, до отхода 10 Колен в веру *Ефрема*, то есть в *евреи*, и будущих приверженцев поклонения культу своей матери Рахили, переименованную в некую такую Славу, все то же соответствие данному цвету при выборе жертвенных животных.

О ней говорится как:

«о великой царице и госпоже, матери всякого целомудрия» (Агаф., с. 602–603)...» [36] (с. 612).

То есть сходство славянской Славы, полной копии Ра хили, проведенной свою первую брачную ночь без жениха, просто филигранное.

Мало того, оставшейся в невестах прародительнице Ефремова колена, уведшего в поклонение своему родовому божеству 10 Израильских колен:

«...посвещали белых быков, белых козлов, белых коней, белых мулов и пр. (с. 29–30)» (там же).

Так что даже в эту атрибутику вкладывался смысл, полностью тождественный истории, произошедшей с Рахилью. Цвета невинности выбирались даже жертвенные животные, посвящаемые этому в те времена новому божеству. Славян, что нами выяснено в предыдущей книге, евреев колен: Ефрема, Гада, Дана, Рувима, Неффалима, Иссахара, Завулону, Ассира, Манассии и часть колена Симеона.

И вот как чтили культ своего божества, единоименного, чтобы ввести в заблуждение даже и избранных, славянскому Богу Славы, жрецы новообразованного Израильского царства на горах Ефремовых:

«...веровали в единое божество Славу. Они представляли его себе богиней девою...» (там же).

И вот где коренится основная их ошибка:

«Ей же придавали они и название матери... В отличие от матери земной, ее звали божеской матерью» (там же).

То есть вместо колена Иуды эти славяне-евреи (впоследствии европейцы) на роль Богоматери, в силу каких-то до нас не дошедших лжепророчеств, избрали свою прародительницу Рахиль — любимую жену Иакова, тогда как пророки настоящие предсказывали, и предсказания эти сбылись, что Христос будет произведен на свет от семени Давидова колена Иуды — сына Лии — родной сестры Рахили.

Вот еще подтверждение вовсе нешуточности ими обожествления своей прародительницы. Ведь у европейцев, некогда проживающих на территории Израиля, где в древности, по В.В. Макаренко, и находилась Эллада:

«...ранее еллинского закона существовал культ Славы... Тут же находим и любопытное в своем роде указание, о древнейших династиях, исповедовавших культ божества Славы, и, вместе с тем, производивших род свой от этого божества...» [36] (с. 613).

То есть здесь достаточно четко сообщается о коленах Израилевых (Манассии и Ефрема), чьим родоначальником являлся Иосиф. Именно они и являются основоположниками веры евреев в саму Ра — Славу — ефремовскую-еврейскую лжебогоматерь.

От того и путаница в определении истинного славянства, то есть людей Бога Славы, истинного Творца небу и земли, и лжеславянства — идолопоклонников «еврейской богоматери», богини Славы, которое столь затем плавненько и перейдет в поклонение матери иной — колен Дана и Неффалима — Ваалы. И синтез этих двух совмещенных богинь превратится в единое божество, но уже мужского рода. И будет именоваться, в соединении, для нас достаточно необычно — Ваал-Перун. То есть, иными словами, «Слава Ваалу» — божку, что уже на самом деле, нечистот и нечистой силы.

Так что исключительно ошибочно увлекшиеся нами рассматриваемой на горах Ефремовых «Славой» евреи и именуется впоследствии европейцами. Что подтверждается их богослужебной практикой:

«Культе этой богине Славе в глубокой древности был распространен у всех арийцев...» (там же).

То есть европейцев как славяно-хананейского (колен, произошедших от служанок), так и не славянского происхождения. А ведь именно эти эрзац европейцы, какие-нибудь угариты или аморреи, заменив поклонение Славы-Ваала-Перуна католичеством, и навязали проживающим в Европе варягам, жителям в прошлом Галилеи язык, это весьма странное эрзац христианство. И тому способствовало сразу два фактора: обрушившиеся на приморские города варягов стихийные бедствия и, что уже отмечено ранее, еще ветхозаветная склонность этих исповедников эрзац Славы к многоженству. Нынешняя же отнюдь не славянская гаплогруппа этих европейских полуславян лишь подтверждает пророчество, изреченное о них Библией:

«...да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых» [Быт 9, 27].

Потому не чрезмерно-то и белые на самом деле европейцы, именующие свою часть света не иначе как исключительно белым континентом, своим языком имеют язык арийцев иафетян — наречие, что уже на самом деле, вовсе не белого человечества, полностью избежавшего Вавилонскую мутацию. Но наречие племени желтого. И прищуренного, судя по всему, не иначе как от нестерпимого света Вавилонского огня, вызвавшего языковую и расовую мутации всех им подвергшихся людей планеты.

Но как предсказано, так и свершилось: желтые слуги славян, арийцы-аморреи-угариты, воспользовавшись природными катаклизмами, обрушившимися на славянское в те времена Поморье, вырезали всех способных носить оружие, а женщин разобрали себе в жены. А точнее — вселились в их шатры. То есть в европейские славянские города, наличие которых и считают по сию пору основным отличием своей культуры. Так что и сами эти с узенькими оконцами их дома, именуемые сегодня готическим стилем архитектуры, что так пришлись «к костюмчику» безграмотным пришельцам, что выясняется, придуманы не ими самими. Но лишь заимствованы у погрязших в язычестве, за что и подвергшихся генной метисации иафетянами, славян полукровок варягов.

И вот как выглядят сегодня эти остатки славянского язычества, которое нынешние неопганисты пытаются навесить вообще на всех славян:

«На о. Рюгене, по-славянски — Руяне, в г. Стопень-камень (ныне Штубенкаммер) также было три чтимых храма: Сварогу, Волосу и Перуну» [336] (с. 52).

Так закончила существование Европа славянская языческая, сменив свое древнее заблуждение более модернизированным обманом — католичеством.

Итак, что нами выяснено, белый цвет своих знамен имеют Колена, расположенные на западе. Те же, что находятся на севере, — красные. Именно эти Колена и замешаны в вечно раздуваемых не без их деятельной поддержки революций: в Дании и Англии, во Франции и России.

Но и все иные цвета народов Палестинского региона вполне согласуются с имеющимися об их обитателях сведениями.

Цвет колена Гада, которое и представляет собой высшую касту — раввинов — элиту проклятого народа, взявшего на себя честную кровь Христа, выглядит достаточно соответствующе своему внутреннему значению: голубые тона на белом фоне. Фон означает ту часть их территории, где некогда проживали иевусеи. Это место находится на правом берегу реки Иордан. Потому фон знамени с цветом Самарии совпадает. Все же остальные изображения исполнены в голубых тонах, что соответствует тонам способа грехопадения городов Содомы и Гоморры, чью религию колена Гада и обязано было взять на вооружение. Тут уж ничего не поделаешь — таков официальный цвет флага

нынешнего государственного образования хананеев под украденным у Божьего народа названием — Израиль.

Шведы, хоть и приняли за основу разговорную монголоидную речь готов, но с произношением буквы **Р** проблем не испытывают. Цвета же их флага — желто-голубые. Это заставляет предположить, что они имеют отношение именно к колену Рувима. И второе: цвета знамен располагающихся на Юге колен — желтые.

Земли же эти, после разгрома Александром Македонским Персидского Царства, были переселены именно хананейской народностью, возвращающейся на места своего прежнего обитания из рабства в Сефарде и Сузах. Вот почему в прошлом русский город Вифлеем ко времени Рождества Иисуса Христа был заполнен возвратившимися из плена бесчисленными толпами хананеев. И именно они заставили переселиться проживавших здесь ранее израильян колена Иуды много севернее. Переместились на юг, потесненные расселившимися в Десятиградии скифами, впитав в себя все ту же окраску, и израильяне колена будущих князей изгнания — Гада. То есть официальным их цветом является синий (голубой), но настоящий их цвет, что подтверждается множеством на эту тему доказательств, — желтый.

Каковы же цвета знамени у самого мореходного в мире народа — *варягов*?

Флаг страны морских — Лиинных галлов, из колена Завулонова, чьи ладьи более тысячелетия курсировали по маршруту «из варяг в греки», имеет цвета красно-белосиний. А это тона флагов Франции, Нидерландов и Югославии, где и проживали колена Иссахара и Завулونا. Но если знакомство «с тростью писца» более присуще именно колену Иссахара, то следует предположить, что именно сербо-хорватские поселения Иллирии стали прибежищем славянского народа этого колена. Побережье же Франции и Фризландию, то есть метрополию варягов, заселили представители колена Завулونا.

У Асира же, судя по всему, цвета флага должны иметь исключительно красно-белые тона. Таков цвет именно швейцарского флага, что сообщает о господстве в этой стране в свое время именно немецкой части ее жителей, именуемой *ерманами*. Абсолютно аналогичные цвета имеет и соседствующая со Швейцарией страна — Австрия. Это относит приальпийских пришельцев с Ермона к колену Асира.

Цветом колена Левия является черный, так как именно такие тона преобладают в одежде священников. Основным же местом их богослужебной деятельности всегда являлся город Иерусалим. Там же рядом находился и столь известнейший город левитов — Ютта.

А ведь именно под такого цвета знаменем и выступал против татар Дмитрий Донской. Перед самой битвой Великий князь:

«Укрепив полки, снова вернулся под свое *знамя черное*...» [351] (с. 260).

Какие еще цвета должны присутствовать при обозначении данной местности?

Это место в Палестине относилось к юго-западу. Значит, знамя у жителей данного региона из колен Левия, Иуды и Вениамина должно иметь черно-желто-белую окраску.

И вот находим подтверждение:

«...русскими цветами знамени являются черный, желтый и белый...» [2] (с. 19).

А как же быть с нашим нынешним петровским «триколором»?

Находясь между красным (севером) и белым (западом) центральным своим цветом, это знамя имеет синий цвет, что и соответствует отображению на нем главенства колена Гада! То есть на наших сегодняшних знаменах запечатлена власть над нами *раввинов* — «князей изгнания» — некогда жителей малоросских местечек!

Но так оно, к сожалению, и есть. Так что и здесь: все в самую точку...

Но это вполне закономерно: ведь масоном был и навязавший нам этот самый «триколор» Петр I, и временное правительство, как первый его вариант, с масоном Львовым, так и вариант второй — с масоном Керенским во главе. И правительство нынешнее исключением в вопросе выбора флага ничуть не является: основатель

нынешней «демократии» Ельцин — тоже масон. А потому над нами снова реет все тот же «триколор».

Теперь про обитателей Самарии, чьи тона знамен должны быть белыми, что символизирует цвет платья обожаемой ими невесты, которую и была некогда их мать, получившая от них статут небожительницы с именем Сама Ра.

Такие тона несут знамена Финляндии, где белый флаг имеет синий крест. А ведь этот тон креста указывает на полуколено Манассии, некогда проживавшее на Васане. То есть в восточной части Палестины, где и знамена имеют синий цвет. Но и сама их языковая группа, угро(хуррито)-финская, несет название исключительно того наречия, на котором некогда и разговаривало туземное население завоеванной этим коленом земли, что полностью и подтверждает произведенную догадку.

Однако ж частицу белого цвета в знаменах Польши здесь затрагивать не стоит. Ведь:

«...польские писатели... сами зовутся сарматами...» [184] (Гл. 17).

Странно как-то такое высказывание выглядит. Ведь поляки нами всегда считались славянами. И говорят похоже. И даже вероисповедание пусть и не такое же, но похожее. Так в чем же столь существенная между нами разница?

Мы их когда-то завоевали и принудили принять с нами единое вероисповедание. А происходило это еще в той Древней Руси, которая располагалась на территории Палестины:

«Иоанн Гиркан покорил их окончательно, принудив обречься и исполнять все обряды закона Моисеева; с тех пор они составляли с иудеями один народ» [36] (с. 210).

Один, да не один: сарматы как не стали славянами в те древние времена, когда народ наш именовал себя потомками колена Иеуды (Божьей уды), иудеями, так не стали и теперь, когда, в честь правильной славы Слова, мы именуемся православными.

Вот что может означать нынешнее название их страны — Польши, в бытность их проживания на юге именуемой Идумеей, некогда покоренной нами. У нас, например, имеется такой город — Юрьев-Польский. Где:

«**Польский** — обитающий или растущий в полях...» [36] (с. 452).

От того и сам термин, поляки, просто обязан означать собою людей, напрямую своим наименованием увязанных с основным родом их хозяйственной деятельности.

А так и получается:

«Происхождение племенного термина поляне от “поле”, т.е. “жители полей”, ни в ком из исследователей не вызывает сомнений» [247] (с. 203).

Но и наименование поляков ляхами имеет практически тот же смысл:

«Наиболее популярным является сейчас объяснение термина *лях* или *лех* от слов “ляда”, “лядина” (пустошь, заросль и т.п.), имеющегося во всех славянских языках. Таким образом, *лях* — это человек, живущий на пустошах, в зарослях и, стало быть, занимающийся охотой и скотоводством...» (там же).

Потому становится более чем очевидным, что:

«Поляки скорее всего потомки едомитян» [66] (с. 56).

Но ведь и Идумея Исава располагалась именно в полях. Потому Польша означает собой место обиталища степняков — сарматов (или сарацинов). Родословная поляков, как совершенно не безпочвенно считает исследователь географии русской истории В.В. Макаренко:

«...идет от Исава, поэтому они не очень-то любят не только евреев, но и русских... у нас с поляками есть какая-то необъяснимая напряженность в отношениях: вражда славян между собою» [66] (с. 57).

Эту напряженность, связанную с их необычайной заносчивостью, за что Польша уже претерпела несколько разделов, следует отнести к древней истории, когда предок поляков Исава продал свое первородство Иакову за еду.

Но они, судя по всему, так все и продолжают считать достойными Ие ковы (Божьего жалования) исключительно себя. Но также, по привычке, именуя себя сарматами (Сарамати), они вскрывают заведомую тщетность своих претензий на богоизбранность.

Это подмечено достаточно давно. Еще Павел Алеппский говорил о поляках, что:

«...нет ни одного народа на свете равного им в славолубии, гордости и тщеславии» [277] (с. 192).

Но и сам их образ жизни для нас, славян, просто не свойственен ни под каким соусом. Ведь если мы сами ни на кого никогда не нападали, но только защищались от вражьих нападений, то поляки, что выясняется, вели совершенно иного рода образ жизни:

«Одной из важнейших целей войны была добыча большого количества пленников и поселение их как рабов во владениях князя, богатого рыцарства или костела. Торговля рабами в Польше практиковалась уже с древнейших времен. Значительный класс рабов увеличивался также за счет осужденных преступников... этот слой населения, в первые века количественно очень значительный, по свидетельству польских историков, играл в сельском хозяйстве, особенно имениях имущественной знати, крупную роль» [247] (с. 245).

Что может быть общего у законов этой уже изначально примитивной пещерной рабовладельческой страны, где своих же соотечественников они, при малейших правонарушениях, превращали в безсловесный скот, с нашей Русской Правдой?

Да ничего и в самом своем еще зачатии. А потому и следует здесь все же поверить на слово самим полякам, уверяющим, что они вовсе не славяне, то есть Божьи люди, некогда проживавшие в обетованной им Богом Славы земле, но сарматы, потомки брата Иакова, *продавшего свое первородство за похлебку*. А потому и порядочки имеющие пещерные, вполне свойственные своему прародителю — Исаву.

Вторым кардинальным их отличием, полностью увязанным с вышеобозначенным, является странная традиция женитьбы мужчины лишь после того, как он заработает средства для обеспечения своей будущей семьи. А этот возраст обычно равен 40 годам. То есть два десятка лет кряду он вкалывает на дядю (а возможно и на собственного папочку, теперь лишь пожинаящего дивиденды) практически на положении раба!

Так у них принято. Что здесь можно еще добавить об истинной пещерности их дикой польской «цивилизации»?

Они как привыкли жить при рабовладении, так и продолжают жить в этой весьма пикантной «системе общежителства» и по сей день.

Все тоже можно сказать и о представителях Дальнего Востока, куда, судя по всему, некогда и отправились из вавилонского плена десять колен Израилевых.

Русский исследователь этого региона этнограф и путешественник Григорий Ефимович Грум-Гржимайло:

«Исследовав Памир, Забайкалье, Монголию, Приморье, Китай, пришел к выводу о том, что исходным биологическим типом, создавшим культуру в этом регионе, был длинноголовый светловолосый человек. На основе анализа старинных китайских летописей показал, что и у истоков китайской культуры стояли европейцы» [211] (с. 95).

Однако ж и много ранее это было понятно в Европе по некоторым признакам, сообщающим о том, что нынешнее население Китая пришлое и культуры своих здесь предшественников не понимает. Еще Лейбниц в свое время определил, что:

«...у них существовала некогда более глубокая философия, следы которой сохранились в символах, сделавшихся теперь непонятными для самих китайцев» [419] (с. 364).

То есть Китай унаследовал европейскую символику, в которой совершенно не разбирается сам. Что также подтверждает принадлежность этой древней культуры к европейцам. Причем и:

«Мумии из северных провинций Китая наглядно свидетельствуют об этом» [229] (с. 41).

«Строительные и инженерные навыки также были получены китайцами у инорасовых соседей, среди которых китайские летописцы особенно выделяли многочисленное рыжеволосое племя “ди”. Ди принадлежали к числу автохтонов Китая, дав ему династию Джоу (1122–225 гг. до н.э.).

Археологические раскопки в районе реки Селенги подтвердили наличие двух расовых антиподов — короткоголового типа (цефалический показатель 93,6) и длинноголового (цефалический показатель 68,4)» [211] (с. 96).

А вот что писал на эту тему И.А. Сикорский:

«Япония представляет типический пример смешанной расы, составленной из трех основных рас человеческого рода — черной, желтой и белой. Эти расы поочередно переселялись на острова, окруженные водой, жили смежно, постепенно смешиваясь. Процесс смешивания еще далеко не закончился у них: рядом с безбородыми представителями желтого и черного происхождения в Японии живут чистокровные потомки белой расы (айносы) с роскошной волосистостью лица и огромной бородой (типический расовый признак белых). Катрфаж называет их “русскими из-под Москвы”... а Бельц (Baelz) признает их за племя, близкое к славянскому или тождественное» [229] (с. 308–309, 299).

Айны жили на Хоккайдо и Сахалине. Вот что сообщает Избрант Идес, судя по всему, о них же, этих русских из Подмосковья, но уже проживавших в XVII веке на Шантарских островах.

На берега Тугур и Уда, впадающих в Охотское море:

«...ежегодно приходят народности с лежащих в море поблизости островов, которые с берегов рек можно различить простым глазом. Пришельцы хорошо одеты в дорогие разноцветные платья, под которыми у них шелка, примерно так же, как и у богатых персов. Они довольно большого роста, длиннобороды и выглядят благообразно... Они утверждают, что Якутия ранее принадлежала им» [382] (с. 286–287).

То есть параллельно с пребывающим еще в каменном веке населением Даурии, Сибири и Чукотки существовали народы, имеющие по тем временам очень высокий уровень развития. Что это за когда-то исчезнувшая никем так пока и не изведенная цивилизация?

Вот мнение на эту тему современного исследователя расселения народов мира В.В. Макаренко:

«...часть народов, сейчас проживающих в юго-восточной Азии или на Дальнем Востоке, когда-то ушли с ближневосточной прародины» [66] (с. 200).

Вот конкретно об одном из них:

«...японцы отлично знают, что они не автохтоны, а откуда-то пришли на Японские острова. Так что у них, как и у нас, тоже стоит вопрос: откуда пошла Япония» [66] (с. 69).

Причем, память о том времени, *когда Япония пошла*, совпадает с разыскиваемым нами исходом «евреев» из Палестины — точка в точку. А их империя, вместе с императорской властью правящей династии, как они объясняют:

«...непрерывно существует 2 500 лет» [220] (с. 35).

То есть один в один с нами отысканным исходом. Потому пробуем помочь разобраться им в столь интересующем их вопросе: откуда есть и пошла Японская земля.

Страна неких загадочных **самураев** имеет белый цвет своего знамени, сообщая о своем кровном родстве Финляндии. А ведь их странно звучащее на востоке название уже на западе, то есть в Палестине, выглядеть странным не будет. Оно полностью соответствует палестинской **Самарии**. Но и само наименование образованной этими израильтянами **Японии** явно заимствовано все оттуда же. Ведь именно в окрестностях Иордана одним из городов скифского Десятиградия значится **Иппона**. И это вовсе не игра звуков. Ведь впоследствии данное название города перекочевало еще и на запад — в Африку — в одноименный город, в котором впоследствии прославился своей деятельностью в IV в. блаженный Августин.

Но и не только в наименовании двух городов и одной страны остался запечатленным этот топоним. Татищев сообщает о некогда известном в Европе племени:

«...**Яподы**, потому что с галлами иллирианами один народ был, безспорно славяне, но сие имя давно угасло...» [184] (Гл. 13).

Угасло в Европе, но сохранилось в Японии. Ведь даже японская столица, что подтверждает отношение **яподов** именно к славянам, своим названием вновь отправляет нас все к тому же древнеарамейскому наречию: **то кива (Токио)**. Что значит *камень*. И именно тот самый, с которого некогда сошли те самые люди, которые **си суть Русь**.

Второй вариант. По преданию, после разрушения Иерусалима войсками Тита:

«Вместе с остальными святынями были увезены золотой семисвечник, золотая трапеза предложения хлебов, **киот** Завета...» [61] (с. 73).

И не исключено, что именно эта святыня, не представляющая собой для ворвавшихся в храм язычников никакой финансовой ценности, была увезена оставшимися в живых израильянами на Дальний Восток, где **киот** был помещен в главном городе, получившем от этой святыни и свое наименование — *то кию*.

Причем, и еще более древней столицей Японии считается *Киото*. И уж ее наименование с древней святыней израильян совпадает вообще — звук в звук: *киот то*.

А ведь место своего изначального пребывания нами разбираемые славянские **яподы** (или **самураи**) разнесли не только по всей Японии, но и по всему пути своего следования в страну восходящего солнца. Ведь совершенно аналогичное древней Самарии наименование имеет один из крупнейших нынешних городов России, который расположен на речке с одноименным названием **Самара**.

Но это вовсе не игра звуков или случайность, что подтверждает топонимика и иных мест с очень древней историей:

«Есть еще и вторая Самара — “Самара град”, крепость на месте нынешнего Новомосковска, в 29 километрах к северу от Днепропетровска...» [8] (с. 114).

А стоит этот город на речке, и по сию пору называемой точно также — **Самара**.

Но и во Франции это наименование оставило свой след во времена пребывания здесь славян: нынешняя река Сомм, что в Соммском департаменте, некогда именовалась **Самарой** [242] (с. 136).

А вообще это слово изначально наше. Что подтверждает Классен:

«...Самара — славянское имя...» [242] (с. 122).

Так что имя самураев к монголоидам отношения не имеет никакого.

Много схожих со славянскими слов имеет и японский язык. Но и древняя японская письменность очень близка слоговой праславянской:

«...японская слоговая азбука... связана прежде всего с европейским письмом, причем с самыми древними его образцами, чей возраст насчитывает несколько тысяч лет... Естественно, что последующее заимствование китайской иероглифики и китайской культуры скрыло этот факт» [66] (с. 207).

Но прослеживается и обратная связь. То есть возвращение некоторой части этого народа на родину:

«...есть основание считать, что какая-то родовая линия от основы, которая сегодня в основном, а может быть, исключительно представлена японской культурой, ушла в свое время на запад, где в конечном итоге и растворилась, но оказала свое влияние на культуру восточного Средиземноморья и не только» [66] (с. 278–279).

Теперь определимся с японским флагом. Его основной фон *белый*. Солнце же на нем изображено красным. Это совершенно не соответствует нынешнему наименованию Японии страной восходящего солнца. Ведь восходящее солнце следовало бы изображать золотым, каким оно и выглядит на самой крайней части востока, где чисто территориально сегодня и располагается эта страна. Но почему же солнце на японском знамени изображается *красным*?

Для соотнесения древней символики самураев вновь обратимся к истории Ветхого Завета.

Что собой представляет боготворимое коленами Ефрема и Манассии имя своей прародительницы, Рахили?

Хилое Ра. Иными словами, *слабое солнце*. А ведь слабым оно бывает исключительно на закате!

То есть солнечные лучи, слабея, как раз и напоминают собою их легендарную мать. Потому на знаменах самураев солнце имеет исключительно *красный цвет*. И теперь становится до конца понятно, почему на белом знамени страны солнца вроде бы как и восходящего оно изображено именно в момент своего заката.

Вторжение Израилевых колен в Китай отмечено, прежде всего, удивительнейшим сходством наименования их древнейшей из известных философий к корням все того же наречия — нашего:

«**Китай** — религия китайцев — конфуцианство... Древнейшие религиозные верования конфуцианства изложены в священных книгах, собрание которых приписывается Конфуцию. Так называли его католич. миссионеры, настоящее его имя Цзы из рода Кунь, отсюда Кун-фу-цзы. Он род. около 550 г. до Р. Хр.» [133] (с. 1316).

А ведь «из рода Кун», так как *куна* является денежной единицей Древней Руси, по нашему бы означало: «из купеческого рода». Да и выглядел он вовсе не азиатом:

«На всех канонических изображениях Конфуция рисуют с весьма пышной бородой, что свидетельствует как минимум о высоком проценте европеоидной крови» [211] (с. 188).

«...Г.Е. Грумм-Гржимайло проанализировал старинные китайские летописи и пришел к выводу, что исходным расовым субстратом, создавшим культуру северного Китая, бесспорно, был европеоидный. Этот тезис прекрасно доказан в его монографии с характерным названием “Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о белокурых народах Средней Азии)” (СПб., 1899)» [229] (с. 41).

И вот что происходит в этой стране именно в момент исхода 10 колен Израиля из плена Ассирийского на Дальний Восток:

«Учение Конфуция дало мощный импульс культуре Древнего Китая... Эта эпоха стала временем быстрого культурного и материального развития Китая. Была унифицирована письменность, увеличилось число городов, появилась целая сеть каналов, соединивших все царства Китая. Почти все орудия труда изготавливались из железа» [180] (с. 422–423).

И не просто изготавливались, но именно начали изготавливаться из железа лишь с момента проникновения сюда Израилевых колен:

«...факты — упрямая вещь, а они свидетельствуют, что китайцы стали пользоваться железом только в VI–V вв. до Р.Х.» [69] (с. 198).

Так что и здесь все сходится один в один.

А вот еще отголосок все на ту же тему:

«...те, кого в древности называли богами, выглядели высокими, белокожими, русоволосыми и голубоглазыми! Кстати, именно так выглядят найденные еще в прошлом веке мумии в Китае... “С конца 1970-х годов археологи стали извлекать останки засохших тел из захоронений среди солончаковых песков на границе бассейна реки Тарим в китайской части Синьцзяна”. Археологов, которые познакомились с этими сенсационными находками, поразило то, что мумии по строению черепа не относились ни к китайцам, ни к тюркам, они явно напоминали европейцев. У них были большие глазницы, высокие переносицы, широкие скулы, русые или рыжие волосы и бороды, а рост у некоторых достигал 198 см. Примечательно, что власти Китая “говорили об этих находках достаточно скупно”, так как “возможно, что для них свидетельства пребывания в доисторическом Китае европейцев выглядели неудобными...”» [260] (с. 73–74).

Свидетельства о пребывании в этой стране белых людей уже в куда как более ближние к нам эпохи умалчивались ничуть не менее. Но вот одно из них находим в достаточно

пухлых дневниках Берхгольца. На вопрос герцога Голштинского к вернувшемуся из Китая капитану Измайлову, следует довольно странно звучащий для сегодняшней версии о истории Китая ответ.

Дневник Берхгольца от 24 февраля 1722 г.:

«Его высочество спросил у капитана, действительно ли китайцы так безобразны, как они изображают себя на своем фарфоре? Но он отвечал, что, напротив, они очень недурны и считают даже унижительным рисовать себя на фарфоре; что фигуры на нем представляют у них фигуры калмыков и татар, с которыми они в большой вражде» [374] (с. 350).

То есть нынешний облик китайцев, что следует из данного ответа, представляет собой помесь белых людей с калмыками и татарами (по уже сегодняшней версии — монголами).

Вот еще их отличие от представителей сегодня монолитно буддистского Китая:

«...у них нет никакой религии, но много есть из них, которые носят кресты... В Богдойцах есть склонность к христианской вере...» [375] (с. 78).

Кресты же на шее, насколько известно, еще с древнехристианских времен носим только мы.

Однако ж и само СЛОВО этих хозяев Китая времен Петра I относит этот этнос исключительно к нам же:

«Язык Богдойский имеет много сходства с обыкновенным языком Персидским, а также и азбука Богдойская весьма похожа на Персидскую, но только пишут и читают они сверху на низ, как Китайцы, а букв в азбуке их более шестидесяти» [375] (с. 79).

Так ведь аккурат такое их количество в нашей древней рунической звуковой азбуке. То есть даже и здесь все один в один с нами.

Но куда же на сегодняшний день исчезли эти таинственные богдийцы, носящие на шее кресты и использующие для общения древнюю русскую руническую грамоту?

«Замечают, что Богдийцы, или иначе Восточные Татары, по обладании Китаем, начали перерождаться и теряют свою прежнюю храбрость» (там же).

То есть, овладев Китаем, они просто растворились в многочисленном завоеванном народе. А потому эта прослойка населения Китая, как народ, со временем, исчезают из поля зрения историков.

Но не до конца. Под заголовком «Еще сто лет назад праславяне жили на территории современного Китая» значит:

«Результаты сенсационного наблюдения описал член-корреспондент АФН Н.М. Соловьев.

В ходе изучения деятельности так называемой Желтухинской республики, существовавшей в конце XIX века на правом, относящемся к Китаю, берегу Амура (республика Шартуга), исследователь выяснил, что русские переселенцы столкнулись в совершенно необследованных районах бассейна Амура с некими европеоидными племенами, изъяснявшимися на каком-то праславянском диалекте русского языка» [86] (с. 37).

Так что и сами носители той древнеизраильской культуры оказались обнаружены именно в той местности, куда некогда и отправились в свое дальнейшее путешествие, уходя из ассирийского плена.

Кстати, и само наименование этой величайшей из дальневосточных рек, вовсе не китайского происхождения. Путешественник XVII в. Витзен, в письме Лейбницу, сообщает, что:

«...название реки Амура не китайское, а русское...» [418] (с. 35).

Но как оказались некогда эти первые русские переселенцы на территории нынешнего Китая?

А территория эта, что выясняется, как сообщает Адам Бранд в составе посольства России посетивший в 90-х гг. XVII века Китай, была в ту пору нашей:

«...от реки Аргуни до деревни Цицикарской вся земля принадлежит Китаю, во владение к которому она перешла несколько лет назад» [382] (с. 172).

Вот когда конкретно это произошло:

«Еще несколько лет назад большая территория по знаменитой реке Амур находилась под властью московского царя. Однако же, в 1689 г. сюда приезжал великий посол Федор Алексеевич Головин, чтобы предотвратить возникающие здесь военные столкновения, по приказу его царского величества он уступил китайцам по договору эту территорию, на которой стоит укрепленный город Албазин» [382] (с. 169).

То есть по одному из первых указов Петра I мы отдавали огромнейшую территорию, находящуюся в излучине Амура и Аргуни вплоть аж до нынешнего города Цицикар.

Вот еще следы той цивилизации. Избрант Идес, проследовавший мимо Нерчинска в конце XVII века, отмечает следующее:

«В этой области были недавно найдены колеса повозок, обитые железом, и большие жернова, из чего я заключаю, что нучжу... занимались в русской Даурии еще в древности торговлей и мастерством. Поэтому тунгусы и пользуются здесь повозками с обитыми железом колесами, чего не найти ни у монголов, ни у других народов» [382] (с. 161).

То есть вещественные доказательства присутствия представителей цивилизованного народа на территории Даурии имеются. Так что Желтухинская республика очень не зря имела с этой территорией соседство.

Вот еще следы той высокой цивилизации:

«Примерно в 8 милях от Аргуньского, откуда я выехал 5 августа, в реку Аргунь впадает река Серебрянка... Примерно в двух немецких милях выше по течению находятся серебряные рудники. В былые времена нючжу... [“нучжу, или дауры” [382] (с. 285)] добывали много серебра, и еще теперь можно видеть много шлака там, где ранее плавился металл; но разработки эти из-за чего-то заброшены в течение стольких лет, засыпаны обломками гор» [382] (с. 162).

Покорившие же Китай таинственные *маньчж-уры* (*Mensch-Ury* [люди, ушедшие из *Ура* Халдейского]) имеют желтый флаг с черным иероглифом посередине. Что, между прочим, достаточно четко указывает нам на смысл наименования этой странной праславянской республики на Амуре. А так как именно колено Иуды, из которого вышла Богородица, Сама Серафиму Саровскому сообщившая о прямом отношении нашего величайшего из русских святых к Своему роду, имеет черно-желто-белый цвет своего знамени, то его южные соседи должны быть уже лишены белого цвета, что полностью и соответствует флагу завоеванного конфуцианством и маньчжурами Китая. Он напоминает цвета израильского колена Симеона и наименование амурской страны с проживающим там славянским населением — Желтухинская.

Но и иные источники все вышеприведенное также подтверждают:

«На востоке от будущих китайцев в древности и была империя Руссов-Чжурдженей, территориально занимавшая сегодняшние: юг всей Сибири, Хабаровский и Приморский края, Амурскую область, а также Манчжурию. Китай же был провинцией чжурдженей в I–XIII веках, даже согласно официальной истории Дальнего Востока» [32] (с. 11).

Все вышеизложенное вполне увязывается и с утверждениями В.В. Макаренко:

«...японцы с китайцами на каком-то этапе принадлежали к единой с европейцами древней культуре» [66] (с. 211).

А вот как были утеряны знания о тех временах и деяниях:

«Одно из наиболее известных событий царствования Цинь Ши-хуана — это сожжение книг, предпринятое с целью подавить независимую от государственной идеологии мысль и истребить исторические источники, трактующие события прошлого отлично оттого, что возвещали официальные инстанции...»

Жертвами тотальных преследований оказались не только книги: по приказу императора 460 конфуцианских ученых были живыми закопаны в землю...» [180] (с. 426–427).

Но колена Израилевы не только учили туземные народности Дальнего Востока истокам своей культуры, но и сами учились. И учились тем диким повадкам у местных народностей, находящихся на пещерном уровне развития, которые затем и принесли с собой в Европу в виде именно там и воспринятой системы общежития. И именно отсюда, вместе и со многими иными дикостями, они вывезли в Европу столь «милую» привычку туземного населения убивать своих состарившихся родителей.

Но и не только это:

«Начиная с VIII в. в Китае большое развитие получил водный транспорт...

Нагруженные товарами речные и морские флотилии представляли большой соблазн для купцов-пиратов, которые грабили друг друга. Яркой иллюстрацией ко всему этому служат следующие слова из песни “Гукэ” (“Купец”), относящейся к описываемому периоду: “Лучше добиться выгоды, чем славы”. Погоня за славой не всегда приносит успех, в погоне за выгодой никогда не прогадаешь. Компаньоны должны стоять друг за друга. **При продаже товаров сумей обмануть. Сумей обмануть таможенника на заставе, так вырастает капитал, и не потерпишь убытка...** Изучи тайные знаки торговцев. И не считайся даже с земляком (“Очерки истории Китая”, М., 1959, с. 231)» [83] (с. 199–200).

Избрант Идес:

«Они не имеют понятия о грехе. Если они совершили какое-либо мошенничество и их при этом поймали за руку, то, по их понятиям, приговор судьи — небольшой стыд перед знакомыми, а безобразия и безчестность совершенного ими поступка нисколько их не беспокоит» [382] (с. 293).

Но вероломные повадки представителей племен Китая чем-либо из ряда вон выходящим не являются — ведь никакой четырехтысячелетней культуры у аборигенов местных земель, как теперь выясняется, вовсе не было. А все придуманные об их выдающейся культуре басни, что становится очевидным, полностью фальсифицированы:

«Был исследован гороскоп, составленный во времена первого китайского императора Хуан-Ди, якобы жившего около 2637 г. до нашей эры.

Оказалось, что такое положение звезд и планет — равно как и отправная точка введенного на его основе летосчисления — могли иметь место не ранее... 1323 г. н а ш е й эры! Получается, что ошибка в астрономических датировках отбросила реальную историю Китая на три с половиной тысячи лет назад, в прошлое» [8] (с. 188).

Далее:

«Всем известен “древнейший” 60-летний китайский цикл: пять групп по 12 лет — год Петуха, Собаки, Крысы и т.д. Оказалось, что он основан на периодических сближениях Юпитера и Сатурна, однако существуют определенные расхождения в положении двух планет. Снова проведены скрупулезные расчеты, показавшие, что... цикл этот мог быть принят т о л ь к о в промежутке меж 1204 г. и 1623 г. н а ш е й эры» [8] (с. 188).

Так что наше сегодняшнее попугайничание этим их якобы столь древним гороскопам — полная глупость: более тысячелетия спустя Рождества Христова они сидели еще на дереве и спешить слезать с него явно не стремились.

Но ведь и их иероглифы отнюдь не являют собой остаточное явление некой особой древней цивилизации. «Дряхлость» обнаруженных на сегодняшний день текстов этой весьма примитивной техники изложения сказанного в письменном виде не слишком-то и удалена от сегодняшнего дня:

«У китайцев, оказалось, нет документов, написанных ранее XVI века н а ш е й эры» [8] (с. 187).

Кстати, кроме этих, вероятно, с иностранных языков переведенных книг, в Китае вообще не имеется ничего, подтверждающего его древность:

«Хотя традиционно считается, что китайская цивилизация одна из древнейших, тому нет никаких реальных подтверждений, кроме литературных сочинений. И потому мы

вправе назвать эту цивилизацию “литературной” (то есть в большей степени вымышленной)» [386] (с. 371).

Однако ж и она, что выясняется, появляется не ранее XVI века. Тут, что самое смешное, лишь наскальные надписи, переведенные Гриневичем, могут отнести эти примитивные картинки, читаемые всеми по-разному, к временам, предшествующим появлению Чингисхана в Орхонской долине Монголии.

Но ведь и сам их язык особой древностью не блистает:

«“Китайский язык по своей структуре — м о л о д о й язык... ему никак не может быть четыре тысячи лет” (Успенский Л. Слово о словах. Почему не иначе? — Л.: Дет. лит., с. 318–330)» [8] (с. 194).

Так что его сложность лишь усложняет общение на нем, но отнюдь еще не украшает. А носителей этого примитивного наречия не украшают и истории, подобные следующей:

«Известный кораблестроитель академик Крылов еще в 30-е годы вспомнил скандальную историю с мнимым “изобретением” китайцами таблицы логарифмов, о чем поторопились оповестить миру иные горячие головы. Когда эти “древнекитайские” таблицы вновь перевели с китайского, оказалось, что они целиком списаны с первого издания таблиц Дж. Непера, шотландского математика, как раз и выпустившего сей труд в 1614 г. — естественно, в Европе. Доказательства плагиата железные, поскольку в китайском тексте обнаружили все те же опечатки, что были в книге Непера...» [8] (с. 194).

А вот что сообщается о вероисповеданиях этих любителей плагиата:

«если божество долгое время оставалось глухим к мольбам японских крестьян о дожде, то, в конце концов, “те низвергали его изображение и с громкими проклятиями швыряли головой вперед в смердящее рисовое поле. «Повалайся немного здесь, — говорили они, — и посмотрим, как ты будешь чувствовать себя через несколько дней на палящем солнце, которое сжигает все живое на наших потрескавшихся полях». При подобных же обстоятельствах фелупы из Сенегамбии сбрасывают своих фетишей и тащат их по полям, проклиная до тех пор, пока не пойдет дождь.

Большими специалистами по части взятия приступом царства небесного являются китайцы. Когда они нуждаются в дожде испытывают, они изготавливают из бумаги или из дерева огромного дракона, изображающего бога дождя, и целой процессией таскают его повсюду. Если дождь и после этого не идет, мнимого дракона проклинаяют и разрывают на куски. В других случаях китайцы угрожают богу и бьют его, если тот не дает дождя” (Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 88–90)» [193] (с. 193–194).

Так что кроме варварства в этих дальних странах израильтянам заимствовать было нечего. Они его и заимствовали, приняв теперь и в свой обиход все дикие порядки туземного населения, влачащего на тот период полупещерное примитивное существование. Эти-то порядки взаимоотношений и были завезены израильтянами в Европу.

А они и по сию пору там прекрасно уживаются с их мнимым христианством — католичеством:

«В конце 1893 года над Сицилией из-за отсутствия дождей нависла страшная угроза гибели урожая... Освященные свечи днем и ночью горели в церквях. На деревьях висели пальмовые ветки... В селении Солапарута, в соответствии с древним обычаем, сор, выметенный из церквей, в Вербное воскресенье, был рассеян по полям. Все оказалось тщетным. Жители Никозии, с обнаженными головами, босые, носили по всему городу распятия и стегали друг друга железными прутами. Ничего не помогало.

...В конце концов, крестьяне начали терять терпение. Большинство святых подверглось изгнанию. В Палермо жители выбросили святого Иосифа из церкви в сад, чтобы он самолично убедился, как обстоят дела, и поклялись оставить его на солнцепеке, пока не пойдет дождь. Других святых, как непослушных детей, повернули лицом к стене, с третьих сорвали их великолепные одеяния и изгнали далеко за пределы их приходов. Им

угрожали, их грубо оскорбляли, окунали в лужи. В городе Кальтанисетта у архангела Михаила оторвали золотые крылья и заменили их картонными; с него сняли также пурпурную мантию и вырядили в тряпье. Его вообще раздели догола, всячески оскорбляли, затем заковали в цепи и угрожали повесить или утопить. “Дождь или веревка?” — орала разъяренная толпа, потрясая кулаками перед ликом святого” (Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 88–90).

В поступках жителей Сицилии наглядно проявился рецидив языческих верований» [193] (с. 194–195).

И эта их культура полностью аналогична как китайской, так и схожей ей языческой религией, например, калмыков:

«Если зима сурова, то (калмык) не обмазывает (своего) идола, но ставит его на дерево, приговаривая: “мерзни, себе, мерзни без еды и питья: ведь сам ты не даешь нам ни того, ни другого”; ибо в случае суровой и продолжительной зимы (калмыки) во всем испытывают недостаток» [364] (с. 60).

Вот какие основы несет в себе язычество, полностью, что выясняется, идентичное религии папства. А каково вероисповедание, таковы и нравы.

Русское народоправие и западный феодализм

«Первые века Христианства во всем блеске и величии доказывают целым рядом разительных фактов бытие Божие и бессмертие души человеческой, средние — делают шаг назад, Христианство перемешивают с язычеством, вместо истинной веры вселяется в людей суеверие, и широко практикуется колдовство, процветают разные демонические науки» [119] (с. 101).

Именно по этой причине, а не какой-то иной, придуманной впоследствии лжеисториками, Русь тех времен нами самими именуется Древней. Мы всегда считали унижительным период нашей несомненной святости именовать словом *средневековье*, изображающим, что на самом деле, серость и мракобесие.

Так в чем же заключаются основы их языческой культуры?

Своеобразен лик культур западных цивилизаций.

Говорят, в Голландии местные жители тротуары перед своим домом вылизывают со стиральным порошком. Да так чисто, что прямо посреди улицы можно запросто сесть чуть ли ни в белых штанах на голый асфальт, абсолютно не опасаясь при этом хоть как-нибудь замараться.

«Вот Европа, вот культура!» — с восхищением и нескрываемой завистью воскликнет вечно преклоняющийся перед Западом обыватель. И, как всегда, ошибется.

Обратимся к истории возникновения столь необычайной привычки у западных народов. Вот что представляла собою, например, Германия еще тех времен, когда предки немцев жили за пределами Римской империи:

«Тацит в 60 году по Р.Х. говорит, что германцы не знают еще городов...» [242] (с. 53).

Так что города появляются в наличии у германцев лишь после их этими варварами захвата. Что происходило уже спустя половину тысячелетия после описания быта германцев Тацитом. Однако же, если приплюсовать сюда еще тот факт, обнаруженный Венелиным, что сама эта их «готическая» архитектура принадлежит вовсе не им, но прежде проживающим в Померании славянам язычникам, то станет понятно, что варварство этого народа имеет куда как более глубокие корни.

«*Поморие, приморие*, страна и земля, по морскому берегу простирающаяся; иностранцы из *поморие* сделали *померания*» [343] (с. 232).

А вторгшиеся на пострадавшие после вселенских размеров катастрофы славянские земли эти пришельцы с юга на отошедшие в их владения территории распространили и

свои порядки, а точнее — беспорядки. Ведь в городах они никогда до этого не жили. А потому туалетами пользоваться, что и понятно, не умели. Назначение водопровода и канализации в доставшихся им городах им были тоже не слишком ясны. А потому, захватив доставшееся им даром жилье, немцы-арийцы, не имея и самых малых позывов к стремлению к чистоте, поначалу заросли по самые уши грязью. Ведь с помоями в доставшихся им жилищах они расправлялись достаточно легко — через окно выкидывали их на улицу. Причем, никакими самыми драконовскими мерами уличить их в этом никто, при самом на то великом желании, никогда бы и не смог. Ведь если кто и выбросил содержимое мусорного ведра или «ночной вазы» прямо из окна на улицу, то разобрать кто это сделал в густонаселенном средневековом городе являлось делом практически невозможным: улицы узенькие, дома многоэтажные...

Но грязь всегда чревата возникновением эпидемий, которые периодически и случались. Договориться же по-хорошему с соседями мешал чисто западнический эгоизм: мой дом — моя крепость. Вот и приходилось учителям нашего столь уважающего Запад монарха (Петра I) по утрам убирать горы мусора и кала, скинутого на улицу кем-то из невежественных соседей, и под надзором городских властей чистить мостовые. А чтоб никому не было обидно, соседские помои убирала по очереди. Таким вот образом Западная Европа осваивала азы столь удивляющей нас сегодня культуры. И теперь выдраенный со стиральным порошком тротуар, где-нибудь, например, в Голландии, нам удивителен и непонятен.

Ничуть не менее удивительным является и сидящий у них в крови, например у жителей Прибалтики, их «германский порядок»: на практически пустынной улице пешеходы терпеливо будут дожидаться, когда для них зажжется зеленый свет.

Но удивляет это только на первый взгляд: под пятою немцев этот народ находился добрую (точнее — очень недобрую) половину тысячелетия. А какими средствами эта «учеба» осуществлялась, можно себе легко представить лишь по тому простому факту, что славянское племя пруссов было вырезано этими «учителями» вообще под корень:

«Пруссия образовалась на базе нем. феодал. земель — Бранденбурга и гос-ва Тевтонского ордена, возникших в результате захвата нем. феодалами в союзе с католич. церковью славянских и литовских земель, **истребления балтийского племени пруссов**» [168] (т. 6, с. 613).

Так что раз эти самые «учителя» сообщают, что на красный свет пешеходу ну никак нельзя, то стой до конца — не то постигнет судьба некогда проживавшего здесь народа, давно уже, в назидание потомкам, поголовно вырезанного.

Да и в самой Германии: их в крови сидящая привычка к порядку нам весьма удивительна — безбилетников в городском транспорте практически нет.

Но удивляться этой привычке немцев тоже особо не стоит. Просто некогда Адольф Гитлер порешил «упорядочить» оплату проезда на городском транспорте, объявив, что безбилетные пассажиры будут расстреливаться. Свое обещание фюрер с пунктуальностью, присущей германскому народу, выполнил...

С тех пор немцы являются для нас столь удивительнейшим авторитетом для подражания — безбилетники отсутствуют: видать «учеба» пошла впрок.

Так что чистенькие, с иголочки, тротуарчики, которые у них теперь и действительно блестят, — это лишь цветочки тех звериных нравов, за которыми скрывается настоящая личина ужаса, породившего в Западной Европе этот их порядок, основанный на крови и костях.

А как же было у нас?

Земля Русская по тем временам этими самыми северными варварами именовалась страной городов вовсе не случайно.

«Характерной чертой быта Древней Руси было множество городов, их насчитывались сотни, что, в первую очередь, говорит об оседлости, развитии ремесел и торговли, но эта

черта была совершенно чужда Скандинавии, насчитывавшей в те времена всего 7 городов. Это обстоятельство и давало повод скандинавам называть Русь “Гардарики”, т.е. “страной городов”» [63] (с. 60).

«...Gaard — значит город, Gaarda — города, rikr — царство» [242] (с. 54).

Так что расшифровка термина, означающего Русь периода средневековья, правильнее будет звучать, что в переводе со скандинавского, даже не страна, но именно Царство городов.

Но и немцы подтверждают отнюдь не голословность этого нашего в древности поименования:

По данным географического баварского отрывка IX–X в. “*Descriptio civitatum et regionum*”, у племени ободритов, или бодричей, в это время было 53... города-крепости; у племени велетов, то же вильчан или вильцев — 95; у глинян или линиян — 7; у сорабов, которых цитируемый источник называет *surbi*, было 50 городов; лужиичи и мильчане имели по 30 городов; додешане — 20, какое-то племя, фигурирующее в этом источнике под именем *osterabtrezi*, имело свыше 100 городов [249] (с. 34).

Вот сколько прекрасных благоустроенных городов досталось немцам на территориях нынешних германских земель: Померании, Ольденбурге, Мекленбурге и т.д.

Но и на востоке славянские страны состояли почти сплошь из одних городов:

«Археологические изыскания проф. Самоквасова на территории северянской земли вскрыли наличие здесь не менее 300 городищ... По летописным же данным, в Северянской земле было 72 города, известных по имени, но так как летопись, говоря о том или ином городе, не всегда называет его имя, то можно предполагать, что число городов на территории Северской земли в действительности было еще больше» [249] (с. 292).

Профессор Самоквасов, стоявший на точке зрения, что:

«общественная жизнь русских славян началась городом, а не хутором» [250] (с. 47), и что:

«из городов уже, по истечении многих лет их существования, русское народонаселение стало занимать открытые местности и образовало села и хутора» (там же),

установил на основании археологического материала и показаний письменных источников, что:

«в России дотатарского времени существовали многие тысячи городов по бесспорному фактическому материалу» [250] (с. 48).

Потому уж вовсе и не является чем-то из ряда вон выходящим то обстоятельство, что:

«Баварский географ в 866 году насчитывает у славян до 4 000 городов...» [242] (с. 52).

А вот у шведов, в то же время, — 7. Так кто из нас кого, и, самое главное, чем, мог просвещать?

И вот как управлялась наша состоящая из городов страна:

«каждый городок с прилегающим к нему участком земли составляет территорию автократической общины, управляемой общинным собранием и городским начальником, над которым нет высшей власти, кроме веча общины» [250] (с. 58).

Да, у нас и действительно на тот момент имелось именно Царство. Которое и состояло, что и вполне естественно для самой в том мире культурной страны, из городов. А города, что лишь нам и было свойственно, управлялись исконно лишь нашим русским органом народного управления — вечем.

Так как же с мусором поступали у нас?

Очень просто. Его на улицу никто перед своим домом не вываливал, потому что дом у каждого был свой, и убирать в таком случае приходилось бы самому.

Вот как описывает устройство, например, Москвы в 1535 году итальянец Павел Иовий:

«При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и вместе с тем доставляющий им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным» [43] (с. 143).

Может быть наши древние архитекторы, в силу своей отсталости, как нас теперь уверяют, не умели строить высокие дома из камня?

Отнюдь: сила фортификационных сооружений древности нам и сейчас предстает во всем своем великолепии и совершенстве в сохранившихся фрагментах древних городов и крепостных сооружений тех дальних эпох. Чего стоят одни Змеевы валы, не только когда-то сооруженные, но и постоянно поддерживаемые в порядке для предотвращения внезапных нападений кочующих по степям Причерноморья диких сменяющих друг друга разбойных орд, а также предотвращения контрабанды (см.: [385])? По протяженности своих оборонительных порядков они не менее значительны, нежели знаменитая Великая китайская стена.

Да и впоследствии наши крепости всеобще признаны лучшими в мире. Чего стоит только Смоленская цитадель, в свое время в течение двух лет выдерживающая долгосрочную осаду поляками. А ведь плод трудов того же русского архитектора — Московская крепость Белый город, безжалостно скрытая вакханалией дамочек на Российском троне, своими размерами была и еще в несколько раз больше Смоленской крепости — лучшей во всей Европе. Ведь по своим показателям, в том числе и подземным сооружениям, она не имела аналогов подобного рода фортификационного строительства.

Так что законодателями в данной области, что охватывает даже период последних запечатленных многими источниками веков, что обнаруживается, являлись мы.

Причем даже наши враги признавали за нами эту нигде более не встречаемую способность строить и оборонять свои крепости от посягательств неприятеля. Вот что об этом сообщает в своей книге о Московии посланник шведского короля Петрей:

«Валы, несмотря что они довольно насыпаны землей, имеют у них еще стену из толстых бревен, крепко вбитых в землю, а на них и кругом лежит очень много больших деревьев, которые русские с небольшим усилием могут сталкивать вниз. Когда же подойдет неприятель и полезет на стены, они скатывают деревья и бревна, которые по их тяжести часто причиняют много вреда и убивают много народа. У них не легко взять крепость ни пушками, ни огненными ядрами, ни другим употребляемым для того оружием, если только у них есть войско, пища и питье для необходимого содержания, что и дознано в прошлые годы шведами под Кексгольмом, Нотебургом и Ивангородом, а поляками под Смоленском. Я так думаю, что если бы у русских не было недостатка ни в воде, ни в пище, неприятели и теперь еще не взяли бы этих городов» [262] (с. 413).

Сюда же следует прибавить и подземную часть наших крепостей, не пустившую взорвать врагам стены наших выше перечисленных крепостей.

Так что по части защиты от врага, что швед Петрей сам и признает, наши русские города-крепости являлись всегда образцом для подражания иноземцами. Однако ж не они ставятся нам в пример нынешней лжеисторией, а города тех народов, которые и сами осознают, что именно нас по части способности защищаться следовало бы всегда ставить в пример. И именно у нас копировать манеру построения защитных сооружений.

Но почему же так сильно не походили наши привольно раскинувшиеся города на иноземные сгрудившиеся многоэтажки с узенькими, грязными улочками глубоко внизу?

Дыма без огня не бывает. И домишки в западных средневековых городках сгрудились из-за желания многих горожан, в целях своей личной безопасности от случайного вражеского нападения, жить постоянно под защитой крепостных стен.

Кроме раскиданных тут и там подобных городов-крепостей вся Западная Европа уставлена колоссальных размеров неприступными каменными гнездовьями средневековых феодалов.

От кого же защищались эти феодалы, с изощренным упорством возводя неприступные упирающиеся в небо строения?

Да от своего же народа, который они обирали ничуть не хуже разбойников с большой дороги!

Поэтому-то горожане, несмотря на высокую стоимость своего жилища, из-под защиты крепостных стен выбираться не стремились.

Крестьяне же, не имея никакой правовой защиты от собственного феодала, с завидным постоянством обирались до нитки. И французская Жакерия — лишь незначительный нам известный эпизод того возмущения, которое постоянно клочкотало в сердцах сельского населения Западной Европы.

И замки начинают появляться не на пограничных с другими народами территориях, а в глубине страны в самой что ни на есть глуши, упрятанные в неприступных складках местности, куда испокон веков не ступала нога неприятеля.

Так от кого же, скажите, в таком случае они предназначены были защищать своих обитателей?

Да еще каждый второй с привидениями, а это значит, что от судьбы не уйдешь: от своего негодующего народа можно спрятаться в каменные казематы, но от алчности своих родственников уйти, к сожалению, удавалось не всем. Вот и убивали друг дружку, вечно деля почему-то постоянно плохо делящееся наследство, а трупы замуровывали в каменных мешках. Вот и бродят теперь их души неприкаянно по ночам.

На территории же России, к вящему огорчению любителей старины, никаких замков нет. Да и узких городских улочек с вытянутыми вверх средневековыми домишками в готическом стиле у нас также нет (русскоговорящие язычники, от которых перепал немцам готический стиль архитектуры, Русскими себя не считали). А может, на территории нашей нынешней державы и средневековья никогда не было?

Да нет, было. И внешних врагов всегда было в избытке.

Исключая сербов, которые на вопрос: «Сколько вас?» — отвечают: «Вместе с русскими 200 миллионов», — у России друзей нет. Зато все остальные — потенциальные враги.

И так было всегда.

Но почему в такой извечно напряженной ситуации, с постоянно грозящими нам войной соседями, наши далекие предки не настроили себе орлиных замков и тесных каменных городов?

А все очень просто.

Мироустройство Русской Земли основывалось на добровольном подчинении верховной княжеской власти. Полное же отсутствие замкового типа крепостей, способных отгородить эту власть от народа, — полное тому подтверждение! Но лишь на границах с басурманами, постоянно грозящими Русской Земле войной, воздвигались грандиознейшие защитные сооружения, не имеющие аналогов в мировой истории.

Меж собой же в наших землях никаких усобиц никогда не велось, чему подтверждением — полное отсутствие циклопических громад каменных крепостей.

Вместо них русские люди жили раздольно в раскинувшихся на многие километры привольных посадах своих городов. Лишь наш менталитет способен был дать возможность людям жить в мире, где царствовал один закон — Русская Правда.

И своей человечностью наш закон в корне отличался от беззакония, и тогда творившегося на Западе:

«...в “Русской Правде” имеются основные черты законодательства, совершенно чуждые скандинавскому. Смертная казнь, как правило, заменялась высоким денежным штрафом, пытки вообще не применялись.

Береговое право, господствовавшее во всей Западной Европе, согласно которому потерпевшие крушение становились со всем своим имуществом собственностью владельца берега (старавшегося, к слову сказать, подчас ложными сигналами вызвать кораблекрушение), заменялось противоположным: потерпевшим должна была оказываться всякая помощь...» [63] (с. 59).

Подтверждением удивительнейшей законопослушности наших граждан, основанной не на розгах, плахе и виселице, а на взаимной порядочности, является полное отсутствие у имеющей столь глубокие корни нации каких-либо намеков на каменные города-крепости.

Способность ладить друг с другом, не собираясь в страхе за пожароопасность громоздить себе каменное холодное жилище, является еще одним подтверждением колоссальной человечности древней культуры наших предков, целиком и полностью основанной на Православии — уже изначальной основе менталитета русского человека. И вот почему нам не требовалось возводить каменных домов с железными дверьми и узенькими окошками — это чтобы жулик в них не пролез:

«В традиционном русском обществе воровства не существовало.

“Честность же и товарищество среди них таковы, что они, совершенно не зная ни кражи, ни обмана, не запирают своих сундуков и ящиков. Мы там не видели ни замка, ни ключа, а сами жители были очень удивлены, заметив, что вьючные ящики и сундуки епископа запирались на замок. Платья свои, деньги и разные драгоценности они содержат в открытых чанах и бочках, не боясь никакого обмана, потому что его не испытывали. И что удивительно, их стол никогда не стоит пустым, никогда не остается без яств. Каждый отец семейства имеет отдельную избу, чистую и нарядную, предназначенную только для еды” (путевые заметки католического епископа Оттона Бамбергского после посещения славян в 1124–1127 гг.)» [211] (с. 65).

Исповедникам же примитивистских людоедских языческих культов, что навешано сегодня историями историков на наш народ, ни при каких обстоятельствах не удалось бы создать столь обширные деревянные города, как, например, Господин Великий Новгород, который некогда достигал 30 км в диаметре!

Но у нас были еще Руса, Псков, Киев, Ярославль, Суздаль, Смоленск...

Кроме самого Новгорода, великими именовались: Ростов и ставший от этого термина каким-то уж очень таинственным для такого прозвища северный русский город — Устюг.

А от кого, спрашивается, призваны были защищать своих обитателей башни на Северном Кавказе?

Все дело в том, что по своей страстной любви к феодализму, то есть мой дом — моя крепость, народы восточные от народов западных далеко не ушли. Вот и понаставили высоко в горах по всему Кавказу домов-крепостей представители данных народностей, что еще более отделило их друг от друга.

Кавказ — это квинтэссенция людской разобщенности, где не просто каждый зажиточный человек забрался под защиту холодного камня, отнюдь не без основания опасаясь алчности своих единокровных соседей, но подобное сделал и последний бедняк, понимая, что башня является его единственным спасением в их столь злобном и жестоком мире. Вот уж где поистине: человек человеку — лютый волк!

А потому и кровная месть у них оказалась столь, как нигде более, неизбежна, поскольку иного спасения от постоянно грозящих смертью соседей просто нет!

Вот и продолжают веками и тысячелетиями эти кровавые разборки со своими же соседями.

Потому ответом на обзывание нас классиками марксизма-ленинизма тюрьмой народов служит то обстоятельство, что русский человек никого не трогает лишь в том случае, если никто не трогает его. Однако же спустившиеся с гор из феодального общества люди этого понять не могут. Для них, если ты никого не трогаешь, значит, чувствуешь свою слабость, а потому должен быть тронут ими. В нашей называемой ими «тюрьме» мы разрешали жить каждому народу так, как он привык: нужно горцам резать другу дружку — режьте на здоровье, только нас не трогайте. А коль уж затронули, то должны получить такое суровое наказание, после которого повторять подобное уже никто не захочет.

Не желаете выдавать убийц — вырежем аул!

Да, жестоко. А по-другому с ними просто нельзя.

Именно сейчас решили (за нас) по-другому, но чем это кончится — не знает никто.

Однако ж рецепты как осознания случившегося, так и выхода из данной нам навязанной ситуации, все же имеются и сегодня. Вот пример:

«Русские слишком добрые но именно для того они и строили свое государство. Чтоб иметь возможность быть добрыми.

Два пути — вернуться в первобытную дикость и побеждать в уличных пьяных драках — вернуть себе государство и жить не трясясь за своих детей т.к. обезьяны будут в огороженном загоне. Если брать пример с США, Японии или Европы, то второй путь предпочтительней. Там есть те же обезьяны что и здесь но действует экономическая сегрегация... 70 лет нас заставляли брататься с животными. Это потихоньку проходит. Не так быстро как хотелось бы, но пройдет совсем. Само. А вот государство вернуть само собой не получится» (<http://oldfisher-mk.livejournal.com/140040.html>).

«В СМИ давно втирают мысль что вся кавказская дедовщина от армии и до бытовухи в городах — результат того, что русские сами виноваты что потеряли первобытно-общинную родо-племенную солидарную креативность, а вот Кавказ “не растерял”, оставшись в полуобезьяньем социальном устройстве, строя взаимоотношения с прочим миром по законам стаи. Дескать не хотите жить как мартышки с вожаком, иерархией, дикой стаей налетая на “чужого”, так сами ж виноваты. А наводить в стране порядок согласно современному цивилизованному западной модели законодательству власти не желают. И в силу тупости, отрицательного отбора на верхние этажи россиянского гос. управления, при котором именно представители “стаи” прорываются наверх и “диктуют моду на мораль”, т.с. “аристократия помойки”, ну и воры — соответственно» (там же).

Так что и сейчас весь примитивизм этой их культуры навязываемой нам волчьей стаей более чем очевиден. Но в те еще времена он был и еще более отчетливо от нашей культуры отличим.

Вот что писал о них Адам Олеарий:

«Кормятся они скотоводством, чем больше всего приходится заниматься женщинам. Мужчины же ездят верхом, совершают набеги, крадут и грабят кругом и нисколько не совестятся красть даже у собственных друзей, сестер и братьев детей и продавать их персам или туркам. Поэтому никто из них и не доверяет другому» [278] (с. 418).

Потому и строят башни. И не только от соседей, что выясняется, но даже и от членов своей собственной семьи: братьев и сестер!

Но брат, что выясняется, может распродавать в рабство не только детей своих братьев и сестер. Но и самих сестер. Олеарий сообщает, что на пути из Персии в Москву, находясь проездом в Астрахани:

«...персидский посол купил себе в жены нагайскую татарскую девицу у ее собственного брата — мурзы, сидевшего под арестом; он дал за нее 120 талеров наличными [60 руб.] и лошадь за 10 талеров [5 руб.]. Этот посол был человек лет 70, но еще довольно сильный» [278] (с. 442).

То есть поиздержался братик, сидючи в тюрьме, а потому и запродавал свою прелюбимую им нежно сестричку проезжающему мимо богатенькому стариканчику в качестве наложницы. Ну как от таких вот братиков этим самым сестричкам, оставшимся пока на свободе, башен не строить?

Но торговать у них принято было не только братьям нежно любимыми своими сестричками. Но даже отцам торговать сыновьями. Ногайские татары, например, во времена царствования Бориса Годунова, вот как «нежны» были к своему потомству:

«...многие улусы запустели... оскудели так, что отцы детей своих продавали в Астрахани» [350] (гл. 70, с. 288).

Но и тремя десятилетиями ранее их нравы, отмечает посетивший эти края иной иностранец, англичанин Энтони Дженкинс, были все такими же:

«Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов...» [426] (с. 173).

Вот свидетельство иного путешественника:

«У них один продает другого: отец своих детей или жен... Точно также они поступают и с дочерьми своими, обменивая их на скот...» [368] (с. 27–28).

Вот пример такого обмена, например, самоедами:

«Когда самоеды вознамерятся жениться, то выискивают себе невесту по-своему и затем торгуют ее и уславливаются в цене за нее с ее ближайшими родственниками, точно так, как это бывает у нас при покупке коня или вола...» [376] (с. 36).

Вот каковы обычаи имеют народы, живущие на севере. Вот как описывает один из эпизодов своего путешествия по Лапландии француз Ламартиньер:

«Увидя нас и думая, что и муж вернулся с нами, она хотела было удалиться, но наш проводник сказал ей, что хозяин... не скоро вернется: она осталась, согласившись дать нам, одному за другим, доказательство своего расположения» [468] (с. 35).

А что это были за *доказательства*, сообщается в приложении:

«...очень многие авторы свидетельствуют о сохранявшемся долгое время в Лапландии обычае так называемого “гостеприимного гетеризма” — угощения чужестранца своей женой и пр. На этом вопросе подробно останавливается и Н. Харузин (см. стр. 241 и др.). Подобным обычаем, даже после его исчезновения, можно объяснять некоторую легкость нравов лапландок. Другой путешественник конца XVII ст. — *Реньяр* — пишет: “Лопари стремятся с такой поспешностью найти себе в жены девушек, которые лишились невинности, что даже предпочитают их, как бы они ни были бедны, богатым, если последние не лишены невинности... Однако следует делать различие; чтобы они пользовались успехом, необходимо, чтобы девушка была лишена невинности отправляющимися зимой в Лапландию иностранными купцами, а не лопарем... Они столь усердно изыскивают таких девушек, что когда приезжают зимой в Торнео и находят девушку беременной, они не только забывают свои выгоды и берут ее без приданого, но даже покупают ее у родителей” (см. *Regnard, Voyage*. Pag. 41 и 42). Этим обстоятельством можно, разумеется, объяснить смешанность типа лопарей: слишком много у них инородной крови. Известно, что подобная легкость нравов до сих пор сохраняется в некоторых местностях у черемис и вотяков» [468] (прилож. 13 к с. 35–36).

А ведь это примечание пишет издание 1911 года. То есть уже и к началу XX в. нравы бытовали в этих регионах в обращении с приезжими достаточно специфические.

«Лапландки... хорошо сложены, приятны в обращении, но немного курносы; если бы не ревность мужей, гнева которых боятся, они охотно предавались бы разврату: вот причина, почему мужья запирают их, лишь только появятся иностранцы» [468] (с. 35).

Вообще-то даже странно как-то — коль с таким упорством выискивают себе в жены обезчещенную иностранцем девушку.

Но бывали у народностей степей и куда как еще более кошмарные нравы по части лишения девственности своих дочерей:

«...у этих народов... существует обычай жениться только на девушке, своим отцом лишенной девства. Они утверждают, что надобно быть сумасшедшим, чтобы не воспользоваться подобным случаем, что каждый сажает дерево с намерением сорвать с него плод» [369] (с. 69).

Так что папы не брезговали в этом вопросе, то есть по части продления удовольствия от ими выращенной дитяти, вообще ничем. Вплоть до кровосмесительного насилия над собственным чадом. Что ж они, зря кормили его столько лет, чтобы не попользоваться случаем, коли никто такого скотства здесь не запрещает еще и в самом его зачатии?

Вот что сообщается о туземном населении Казани:

«Что касается посада, то торговля в нем довольно развита. Ей способствуют более всего Татары, Черемисы, доставляющие сюда все, что есть у них, даже собственных детей обою пола, которых уступают за какие-нибудь 20 ефимков всякому желающему купить их» [369] (с. 73).

Но и с женами эти басурманские народности в бытность свою в идолопоклонстве поступали подобным же образом:

«...самоеды, живущие на морском берегу и в Сибири... продают своих жен, когда они надоедят им» [376] (с. 36).

Однако ж и на восток от Уральских гор порядочки бытовали все такие же:

«Москвитяне привозят с собой [к Соленому озеру] товары всякого рода. Калмыки же в обмен предлагают рогатый вьючный скот... продают также... своих свойственников и своих собственных детей. Если проданные в рабство начинают горевать, то калмыки говорят им: “Ступай, бедняга, и не грусти, тебе будет там лучше” (Юрий Крижанич, История Сибири [цит. по кн.: А. Титов, Сибирь в XVII веке. М., 1890]). Торговля рабами была прекращена Сперанским (см.: Г.Н. Потанин, О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии [“Чтения в Обществе истории и древностей российских”, М., 1868], с. 61)» [382] (гл. 3, прим. 29 к с. 85).

Так относились они к своим близким родственникам: отцы, словно рабами, в розницу приторговывали своими собственными сыновьями, дочерей же, вообще и за людей не считая, обменивали на скот и даже насиловали перед этим для них весьма выгодным обменом. Братья же приторговывали своими «нежно любимыми» сестричками. Мужья не брезговали и торговлею своими женами — лишними, по их мнению, ртами на тот день, когда поиздержатся невзначай чрезмерно.

Но что же такого они могли вытворять с людьми вовсе им не родными, а волею случая повстречавшимися им в пустынной степи? А в особенности, если их больше и вооружены они лучше?

«...у них существует обычай хватать иностранцев и продавать их в рабство» [369] (с. 105).

То есть пещерный образ жизни туземного народонаселения степей являл собой в то время еще первобытно-рабовладельческие формы отношений между людьми, отстав от Европы и России в развитии на просто невообразимое количество времени.

Но и южнее на Северном Кавказе практиковались такие же нравы. Вот что сообщает об обычаях, например, кабардинцев француз Ферран:

«...они обязаны ежегодно платить хану дань, состоящую из трехсот невольников, 200 молодых девиц и 100 юношей, не старше 20 лет. Часто беи, для примерного поощрения отцов и матерей, отдают хану своих собственных детей» [372] (с. 49).

«Вообще же в Черкесии торгуют мужчинами и женщинами, как будто это обыкновенный товар» [373] (с. 112).

Но бывает там и вот какого рода товар:

«Если соседи враждуют и ссорятся, спор улаживается вождем деревни или князем, которых там несколько, если это важное дело, виновного продают...» [408] (с. 90).

Ничем не отличались в этом отношении и ногайцы. Когда они захватили в плен 800 человек на казацких наших землях и когда даже турецкий хан потребовал у них, во избежание серьезных неприятностей с севера, все же вернуть пленников, то вот что ответили на это ногайцы:

«...Черные Ногайцы весьма уважают хана, но не зная другого ремесла... они не могут возвратить требуемых пленников; в вознаграждение же Московского Царя они позволяют Москвитянам везде захватывать столько Ногайцев, сколько им угодно» [372] (с. 48–49).

То есть плевать им на всех своих соотечественников, которые хотя бы на сантиметр ниже их самих ростом. Гори все кругом огнем, лишь бы им самим в том разору не было — что ухватили, то их. Но и восточные соседи ногайцев мало чем от них отличались. Вот например, что сообщается о жителях восточного побережья Каспийского моря:

«...здешний народ не употребляет денег; все они — воины и скотоводы, предающиеся воровству и убийствам» [426] (с. 174).

Все то же следует сказать и о прививших им ислам турках:

«Те крайне ошибаются, кои мнят, что они такие же люди, как и прочие; ибо они только что видом на людей похожи, а в существе весьма от них различны» [465] (с. 60).

Ибо нет в их поступках и обычаях ничего человеческого.

Но и соседствующие с ними народности Средней Азии не слишком-то от турок чем и отличаются. Вот, например, какие обычаи бытовали во времена Ивана Грозного в Хорезме:

«Каждый хан или султан имеет по крайней мере 4 или 5 жен, не считая молодых девушек и мальчиков, так как жизнь они ведут порочную» [426] (с. 179).

То есть даже гаремов себе не заводят, не утруждая себя в излишних расходах на вовсе, по большому счету, не нужных им бесчисленных детей, но занимаются содомией. Причем, с обеими полами.

Рожденные же этими ханами дети представляют собою атаманов многочисленных здесь разбойничьих шаек:

«Когда между этими братьями идет война (а редко бывает, чтобы ее не было), то побежденный, если только он избежит смерти, бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть, продолжая таким образом свою злодейскую жизнь, пока не сможет собрать силы и получить помощь, чтобы снова вторгнуться во владения которого-нибудь из своих братьев» (там же).

То есть и здесь варварство просто какого-то пещерного уровня. Ведь если кто-либо из многочисленных потомков какой-либо династии не правительствующий грабитель, то самый обыкновенный разбойник с большой дороги. И такой образ жизни без изменений на протяжении тысячелетий.

А вот что говорит все тот же Энтони Дженкинсон о правителях Бухары:

«Деньги у них серебряные и медные... Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят» [426] (с. 184).

То есть и здесь варварство просто фантастическое: сменяющие друг друга на протяжении веков многочисленные правители даже чувствуют себя лишь временщиками, а потому грабят подвластное им народонаселение ну ничуть не менее жестко, чем грабители с большой дороги. Ведь все труды многочисленных верноподданных постоянно сжирает рукотворная инфляция, с завидным постоянством проводимая руководством страны.

Но и восточнее в те времена проживало подобного же рода народонаселение:

«Киргизские же татары держатся в степях вокруг Красноярска и причиняют живущим поблизости в деревнях русским много вреда, ибо народ этот очень разбойничий и угоняет у русских скот, а иногда и кое-кого из людей, за что русские часто оплачивают им вдвойне» [382] (с. 89).

«Казаки в свою очередь заставляют дорого расплачиваться за это, так как уводят или уничтожают сотни людей и лошадей из их орд» [382] (с. 282).

То есть украли лошадь — угонят или убьют десять, украли человека — убьют за него пятьдесят. В следующий раз неповадно будет.

Так что общежительствовать с такого вот образа мировосприятия соседями, кроме грабежей иных средств обогащения испокон века не знающих, всегда можно было лишь единственным способом — крепко держа руку на их горле.

Вот, например, как поступали в данной местности с обнаглевшими басурманами, рискнувшими нападать на русских людей, во времена Екатерины II.

И.И. Неплюев, губернатор этого края, пишет:

«...башкирский народ с начала подданства царю Ивану Васильевичу, по их природному зверству, прежде бытности моей в разные времена бунтовал 6 раз; а киргизцы начали производить набеги за границу как для погубления россиян, так и для вспоможения башкирцев» [406] (с. 431).

Что и требовалось пресечь в самом еще зачатии. А потому одним из пунктов программы по урегулированию этого очередного 7-го по счету со времен Ивана Грозного бунта является:

«К находящимся команды моей армейским трем драгунским полкам — Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтоб немедленно внутрь Башкирии вступили и тамо делали поиски, не щадя не токмо жилищ, но самых башкирцев, жен их и детей для укоренения страха к недопущению сему злу распространиться» (там же).

А также:

«...разослал я во всю Башкирию грамоты, коими прощались все бунтовщики, кроме зачинщиков... буде же и за сим милосердным объявлением оный башкирский народ останется в возмущении, то с оным и с женами их поступлено будет как с злодеями, без пощады и малолетних их детей» [406] (с. 432).

Потому, когда нагрянули царские войска, бунтовщики кинулись уносить ноги за Яик. Но не многим и это удалось:

«...башкирцев с женами и детьми перебралось более 50 000 душ. При перелазах за Яик многие побиты» [406] (с. 433).

А чтобы башкиры не объединились с киргизами, кочующими за яйцкой линией укреплений, Неплюевым было отослано к ним разрешение забирать у пересекающих Яик башкир их имущество, а также жен и детей. Потому как прекрасно знал нравы и этого басурманского племени:

«киргизский народ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внимал никаким увещаниям, а пользовался сим случаем, чтоб наживаться» [406] (с. 432).

Лишенные имущества своими вероломными соседями башкиры, что и понятно, кинулись мстить киргизам. Так эта зверская резня между братьями мусульманами, ранее активно объединяющимися против господства русских в Оренбургском крае, положила конец этой тлеющей веками басурманской опасности в Приволжских и Приуральских степях. О чем Неплюев сообщает:

«Сие происшествие положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна» [406] (с. 435).

То есть многого не требовалось при обуздании этих дикарей. Им лишь было позволено грабить и убивать не нас, за что следовало тут же более чем суровое наказание, но лишь друг друга. И так уж им это занятие нравилось, что после взаимных погромов ненависть друг к другу у них сохранялась на века.

Так что сами, что сообщалось туземному населению, они могут резать и грабить другу дружку сколько им будет угодно. Но нас не тронь. Так, собственно, и обязано всегда заканчиваться соперничество двух хищников. Оно тогда и закончилось после разрешения им другу дружку резать губернатором Оренбургского края.

Но бытовали в ту пору и такие народности, которым вовсе не требовалось заводить себе врагов, чтобы заниматься их убийствами и погромами. Вот, например, каким способом снискания себе «хлеба насущного» характеризуются северокавказские черкесы:

«Самые знатные среди них не обрабатывают землю, но стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят, угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов, ибо воровство — врожденное свойство этого народа... Воровство у них не наказывается или очень мало и редко, а если воруют ловко, то это даже хвалят» [408] (с. 90).

Вот характеристика и всех иных проживающих здесь народностей. В данном случае в рассказе об одной из народностей Дагестана:

«...кумыки живут у подножья гор... потому, что так им легко скрыться в горах, когда их преследуют за грабеж, которым они занимаются; при малейшей опасности они угоняют свой скот в горы, потому что их соседи татары, черкесы, грузины и менгрелы грабят друг друга, когда только могут» [408] (с. 95).

Вот еще одна из статей их и их соседей по берегу Каспийского моря «народных промыслов». Вот почему в здешних водах наши купцы всегда предпочитали пересекать это море на гигантских бусах, предпочитая их утлым лодчонкам местного персидского купечества:

«Путь на малых судах опасен тем, что если струг прибьет непогодю к берегу в Дербенте и в Тарках, то с находящихся на нем купцов взимают большие пошлины, а если струг прибьет к пустому месту, то люди усминского и кай датского князей нападают на купцов, убивают их и товары отнимают. На берегу постоянно идут грабежи» [463] (с. 72–73).

То есть таким видом подроботки занимались практически все обитающие на берегах Каспия народности Кавказа.

А вот что следует сказать о грузинах.

Да, был у них когда-то царь Теймураз, потомок Царя Давида. То есть имеющий принадлежность к народу Русы, а потому поддерживающий в этой варварской стране хоть какой-то относительный порядок:

«Что же касается остальных четырех князей, находящихся в Грузии, то они не древнего рода, и, кроме того, эти последние продают своих детей и подданных иностранцам...» [414] (гл. 6, с. 86).

Подданные, о чем чуть выше уже сказано, сами воры и сами воруют и продают людей. И такие у них проживали христиане. Что говорить о проживающих здесь язычниках и мусульманах, которые воровство и убийство вообще всегда считали исключительно за великую доблесть?

«И если один человек сильнее другого, так что тот не может от него защититься, он его убивает и пользуется всем его добром, и этот сильный, который убил другого, провозглашается храбрым и благородным. И нет в стране ни суда, ни права, ни верховного судьи» [437] (с. 59).

Вот, между прочим, по какой причине у всех этих многочисленных восточных народностей процветает многоженство. Мужчин, своих соседей соплеменников, они, если оказываются хоть на вершок сильнее их или богаче, с легкостью вероломно убивают. Потому и женщины у всех них всегда имеются в переизбытке. То есть живут все они словно скорпионы в банке.

А потому прославленный генерал Ермолов вот какую тактику, раскусив местные нравы, применял при покорении Кавказа:

«...с ними я, прямо из человеколюбия, бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены» (В.Л. Величко. Кавказ. Фэри-В. М., 2003)» [211] (с. 131).

Так обстояло дело среди окружающих нас со всех сторон варварских народностей.

Но и в далеком Китае, что отмечают проделавшие туда нелегкий путь путешественники, царили нравы ничуть не лучше уже перечисленных. На пограничных в XVII в. землях Даурии, близ Цицикара, китайские:

«Писцы и сановники, состоящие на службе у хана и присылаемые сюда или в другие места Татарии, имеют право, данное им указом хана, когда хотят повеселиться в саду Венеры, забирать у жителей по своему вкусу для своего удовольствия жен и молодых девушек. И я часто сам видел, как они увозили прекраснейших женщин на повозках, как на бойню» [382] (с. 177).

Что, в свою очередь, наводит на полную аналогию этих восточных варваров с варварами западными. Ведь право первой брачной ночи средневековых феодалов идет с данным видом интимных услуг со стороны подневольного народа рука об руку.

У нас же, о чем сообщает даже стиль нашей архитектуры, нравы всегда были много иными.

Для защиты же от внешних врагов, как давно стало понятно нашим изрядно поднаторевшим в строительстве укреплений пращурам, одних крепостных бастионов

было недостаточно: нужны были воины, их защищающие, способные справиться с постоянно наседающим неприятелем. И возможность этого противоборства с нашей стороны особенно заметна при сравнении нашего образа жизни с образом жизни заграницы.

Каким, скажите, здоровьем могут обладать люди, у которых длинная череда сменяющих друг друга поколений провела всю свою жизнь в каменных мешках городов, стиснутых высокими стенами домов, не видя ни солнца, ни травинки на зеленом лужку, живя в сырости мертвого камня и холодного железа, в зловонье грязных узких улочек? Какое здоровье они могли иметь, играя в детстве в окружении дурно смердящих луж и сточных канав? Потому-то их женщины и выглядели бледными, безформенными, невзрачными в сравнении с цветущими, с естественным румянцем на горячих щеках, как бы настоянных на крови с молоком, русскими красавицами. Да и мальчишки-то у нас не больно-то худородны. Русский богатырь испокон веку силушкой своей великой славен.

Так откуда же здоровье взялось у русского богатыря?

Вопрос не прост. Но только на первый взгляд.

В последнее время, в свете новейших исследований науки, сравнивая образ жизни и бытовые условия народов, населяющих нашу Землю, невозможно не прийти к выводу:

самым здоровым, самым передовым, самым глубоко продуманным и лучше любых иных устроенным является *РУССКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ*.

И это не слова. Это результаты исследования, проведенного на основе рекомендаций самых на сегодняшний день популярных русских диетологов: М.И. Волосянко, А.Е. Козиной, В.А. Кузьминской, И.И. Литвиной, П.И. Неумывакина, Г. Шаталовой и др., основанных на многих сходных и со всемирно признанными: Азавой, Шелтоном, Брэггом и др. Практически все их замечания и советы, как ни странно, только лишь подтверждают полезность для здоровья человека православного поста, который лежит в основе исконно принадлежащей русскому человеку культуры (см.: [75]).

И вот какое поразительнейшее здоровье в те времена русский человек имел.

Свидетельствует посланец шведского короля в Московию (1595–1610 гг.) Петр Петрей:

«Москвитяне сильный, крепкий и здоровый народ, не знают множества болезней, которые в ходу в других странах. Морвая язва совсем не известна живущим в Москве...» [262] (с. 430).

Жорж Маржерет, практически в те же годы служивший в армии Московии:

«Многие русские доживают до 90, 100, 120 лет и только в старости знакомы с болезнями. За исключением царя и главнейших вельмож, никто не принимает лекарств» (капитан Маржерет, находившийся на службе у Бориса Годунова — «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского», 1606 год)» [211] (с. 76).

Но и полувеком позднее, несмотря на ненависть к нам, иностранцы все так и продолжали удивляться нашему удивительному здоровью. Поляк Яков Рейтенфельс (1670 г.) сообщает, что русские:

«...долговечны и обладают телом плотным, белым, сильным и здоровым» [411] (гл. 1, с. 380).

О чахоточных жителях каменных мешков европейских городов мы уже говорили. Не лучше в этом вопросе обстояло дело и на Востоке, где такие же алчные, вечно грозящие войной соседи точно также заставляли огромные массы людей набиваться в города-муравейники, стиснутые камнем крепостных стен, где неудобства, вызванные теснотой, компенсировались относительной безопасностью проживания. И здесь камень или кирпич отнюдь не способствовали улучшению здоровья сгрудившейся в муравейник людской массы.

На сегодняшний день достаточно убедительно доказано, что лучшим жилищем для человека является входящая в повседневный атрибут обитания и свойственная именно русскому образу жизни исключительно наша конструкция жилья — деревянная изба.

И вот почему наши пращуры, лучшие строители любых сооружений из любого материала, не строили себе каменных домов. Павел Алеппский:

«...жители этой страны не любят жить в каменных домах, потому что, когда печи в них истоплены, то ударяет в голову и причиняется головная боль. По этой причине непременно строят для зимы, подле каменных, деревянные дома...» [416] (гл. 14, с. 106).

В ней-то и проживает русский человек: и в деревенских поселениях, и в городских посадах. Эти рубленые, прекрасно дышащие деревянные избы, сработанные из стволов двухсотлетних деревьев в два обхвата, великолепно обогреваются в лютые зимние морозы русскими печами, экономно расходующими дрова. Что, между прочим, подтверждают и побывавшие в России иностранцы:

«...приноровлены они таким образом, что одна охалка дров, которую накладывают в нее даже в самое холодное время, раз, или два в день, производит теплоту, что в комнате можно легко потеть. Печи эти нагреваются до какого угодно градуса» [377] (с. 71).

Однако ж среди вообще всех где-либо имеющих приспособлений для обогрева помещения не только самыми экономными являлись русские печи. Они являлись сверх того и единственными способными готовить пищу способом *упревания*. Тем самым способом, который на сегодняшний день признан единственно полезным для здоровья человека.

Это не угрюмые каменные здания, оборудованные несуразными каминами, тепло из которых больше вылетает в трубу, нежели греет здание, и на которых невозможно приготовить здоровую пищу для так нуждающегося в ней горожанина.

А почему же, спросите, на Западе пользовались столь неэкономно расходующим тепло камином?

Так ведь наличием серого вещества в своей голове Запад, что выясняется, никогда и не страдал. А вообще практически все имеющиеся на сегодняшний день основные изобретения, позволившие создать нынешнюю цивилизацию, что выясняется, созданы опять же — исключительно нами (см.: [73]).

И второе, почему и наша печь Западу не помогла бы, дома у них строились вовсе не из прекрасно дышащего дерева. Но из камня и кирпича.

Но по какой же нужде жили они в холодном камне?

Да боялись зависти своих же соседей — ведь спалят, если что, и глазом не моргнув, а потому дом выполнял, в первую очередь, функции крепости, а уже потом, ко всему прочему, еще и жилища. Именно защитные цели имеют и узкие оконца в так называемом готическом стиле, что мы уже отмечали, заимствованном у язычников вагров, для поголовно безграмотного населения западноевропейских городов являлись просто прекрасной находкой в деле сбережения средств. Ведь слюда для окон, закупаемая в Московии, здесь стоила баснословно дорого. Потому узенькое окошко требовалось лишь для одной единственной цели — чтобы не расквасить себе в темноте нос.

И лишь имеющий исключительно русский менталитет народ способен себе позволить жить в дереве! А потому только нам свойственно жилье в русской избе, которая не деревянной просто не бывает. Часть избы со свойственными лишь нам широкими оконными проемами специально отводилась для рукоделья или чтения, а специально для этого предназначенная общественная деревенская изба так и именовалась — *светлица*.

И если Запад для поддержания жилища в тепле мог пользоваться лишь затягивающим оконный проем бычьим пузырем, то в нашем распоряжении испокон веку имелись практически на поверхности залегаемые месторождения слюды. Вот куда направлялись ладьи промысловых людей из Новгородской республики. Именно эти богатства притягивали русского человека, заставляя постоянно совершать длительные путешествия в неведомую Западу землю, являющуюся давно исследованной вотчиной нашей северной страны.

Именно эта наша практика закрывать оконный проем слюдой признана в архитектуре *довладимирской*, то есть до того момента, когда появилась мода на примитивизм — узкие оконные проемы западного образца.

Но не только бытовые изобретения русского гения применялись нами в те далекие времена. Основным довершающим фактором цветущего здоровья русского человека является система православных постов, играющая решающую роль в укреплении организма. Отнюдь неспроста в житии Александра Невского, разгромившего Запад в тяжкую годину татарского нашествия на Русь, сказано:

«...постом и воздержанием укреплял и развивал свои телесные силы» [152] (с. 20).

Не меньшим постником, как оказывается, был и самый легендарный русский богатырь Илья Муромец, чьи нетленные мощи, по сию пору находящиеся в Антониевой пещере Киево-Печерской Лавры, свидетельствуют о том образе жизни, который без *поста* и *воздержания* не мог бы привести к такому результату — нетленности останков.

Самым сильным из русских богатырей на поле Куликовом вновь оказывается великий постник — монах Троице-Сергиевой Лавры Пересвет, чьи нетленные мощи являются очередным доказательством всего вышеизложенного!

Пост — это в первую очередь воздержание. И воздержание абсолютно от всех излишеств. Вот почему его помощь в оздоровлении, причем как в физическом плане, так и в моральном, является несомненной.

Православный же пост полезен в особенности. И доказательством тому служат необыкновенные физические кондиции народа, его неукоснительно придерживающегося.

А к посту, как известно, прилагаются еще и молитвы, произнесение точных текстов которых безграмотным человеком просто невозможно. А потому: святым может стать только лишь исключительно *грамотный человек!*

А вот что сообщается о способах излечения русским человеком от всевозможных болезней. Побывавший проездом в Можайске в 1593 г. австрийский посол Варкоч, как иноверец, не был допущен русскими людьми в свой город. И все потому, что в цитадели этого укрепления находилась у нас святыня, к которой ну никак нельзя было допускать иноверца, который лишь своим присутствием, по взглядам местного населения, был способен как-то ее оскорбить. Это была икона святителя Николая. И вот что свидетельствует о ее целительных свойствах сам Варкоч:

«У кого заболит рука, нога или другой какой член тела, тот человек, как бы ни жил далеко, приходит в Можайск, прикасается к святителю Николаю и от того выздоравливает» [476] (с. 149).

Вот по какой причине искони в России столь принято было привечать идущих по стране паломников. Ведь не только сами эти калики перехожие соприкасались со святыней, чем и улучшали свое, в том числе, и видимое — физическое здоровье, но и привечающие их у себя люди участвовали во всеобщем нашем святорусском молитвенном подвиге во имя нашего Русского Бога — Святой Троицы. Потому и не могло быть на земле народа, здоровее нашего.

Так что физическая сила и культура идут практически рука об руку, что и будет рассмотрено в дальнейшем более подробно.

Так почему же русский человек, несмотря на столь частые набеги вражьих сил, жил все же в просторных рубленых деревянных хороминах, привольно раскинувшихся на десятки километров городов, где каждый имел свое личное приусадебное хозяйство (кур, коров, поросят)? Почему практически постоянная угроза нападений лютых вражьих сил не загнала его в каменные многоэтажные клетушки?

А чего ему бояться? Далеко в чистом поле конные разъезды стерегут границы, которые надежно укреплены от внезапного нападения валами и засеками. А расчистить себе в них дорогу, раскопав и отделив переплетенные друг с другом сучья деревьев, очень и очень не простое и трудоемкое занятие. Сжечь же их невозможно — они засыпаны землей.

Так что о приближении неприятеля упредят заранее. Останется только попрощаться с женой, детьми малыми, сесть на коня и умчаться с дружиной в Дикое поле защищать Землю Русскую от очередных посягательств на нее врагов лихих. И тут, в смертельном поединке, в котором русскому человеку равных нет, все решала сила, которой всегда и славились наши витязи. Поэтому-то и побеждало как ранее, так будет побеждать и впредь русское оружие.

Конечно, случались и внезапные нападения, и проигранные по каким-либо причинам сражения — от этого не застрахован никто.

В таких случаях народ спешил под защиту крепостей. Да, посады почти со всем имуществом оставались на разграбление неприятелю, и дома деревянные им обычно поджигались. Но люди, всегда составляющие главное сокровище, в период обрушивающейся на русский народ беды оставались целы и невредимы. К потере же имущества относились просто: была бы кость цела, а мясо нарастет.

Дома тут же отстраивались вновь — ведь нет народа работоспособнее русского, а древесины в стране городов — сколько хочешь. Знай себе — вали бревна. И порядочки здесь отнюдь не западные: всем миром как от врага лютого отбивались, так и всем миром отстраивались впоследствии.

Так что нечего было бояться русскому человеку неприятеля. И города имели обширнейшие слободы, где и кур, и коров, и поросят держать можно было. Небольшой огород позволял постоянно питаться свежей зеленью.

В иноземных же многоэтажных каменных клетушках о такой роскоши и подумать было неммыслимо.

Подчинение же вассала господину на Руси Святой всегда основывалось на порядках, искони бытующих в нашей семье, где младший всегда подчинялся распоряжениям старшего не за страх, а за совесть. Главой же в доме всегда был отец семейства. Потому-то и государство наше, особенно в лихую годину, именовали не иначе как Отечеством.

Кто-то скажет, что и у нас в городах, особенно в крупных, в самом центре находился кремль, который и был-де предназначен якобы для того, чтобы там отсиживалась правящая верхушка от праведного гнева угнетаемых народных масс.

Во-первых, любой город чисто исторически всегда начинался с возведения крепостных стен. Впоследствии же, когда город разрастался, появлялся еще один ряд укреплений, а за ним еще и еще. Однако же центр любого русского города, имеющий название «кремль» (то есть кремень), имел еще одно наименование — «детинец». Русские люди в момент великой беды, нежданно на них обрушившейся, уносили из подожженных неприятелем посадов не утварь ценную, не скарб, не деньги, а самое дорогое, что у них имелось — детей и прятали их за мощными бастионами кремля.

Нестроения же у нас хоть и случались периодически, но ни одного, хоть сколько-нибудь схожего по причинам своего возникновения с французской Жакерией, история не знает.

И пугачевский, и разинский, и болотниковский бунты на самом деле представляли собой попытку восстановления попранной, с точки зрения бунтующих, законной власти. Они требовали не перекройки законов, но лишь их восстановления в прежних своих древних формах.

Но и эпоха так называемого «Возрождения» дух Запада ничуть не исправила. Но лишь показала: что он способен натворить, если дать ему в руки оружие, способное поставить его на роль хозяев в чужой стране. И его претензии на присвоение ему никогда не принадлежащего, впоследствии, позволили истребить туземное население огромной страны. Обосновывалось это узаконенное массовое убийство примерно так:

«...есть земля “свободная”, пригодная для использования, а также нечто, мешающее ее заселять — избыточная растительность, дикие звери, индейцы и прочие “неприятные” явления... Поэтому, как только возникла техническая возможность устранить какое-либо из “препятствий”, это делалось немедленно и безо всяких угрызений совести. Лес

вырубали, зверей убивали на шкуры, а индейцев... За скальп индейца (все равно — мужчины, женщины или ребенка) была установлена денежная премия. Так устанавливают премию за волчьи уши, когда хотят стимулировать охоту... И приняли это решение тихие, регулярно посещающие церковь баптисты — основатели штата Массачусетс. Причем позорная охота, узаконенная государством, продолжалась в Америке весь “цивилизованный” XVIII век!» [84] (с. 47).

Так что варварство Запада и здесь показало весь свой пещерный примитивизм и узколобость.

Покорение инородцев Россией шло кардинально иными методами:

«...ни один народ не был физически истреблен! Племена платили подать (ясак). Причем наказать или казнить “ясачного” человека было куда сложнее, чем своего» [84] (с. 47).

И в дела иноверцев власть никогда не вмешивалась: внутри своей диаспоры они всегда могли творить суд, общепринятый у них. Понятно дело, если уж сами туземцы начинали задираться, власть поступала сурово. Но ничуть не более чем положено у них. Ведь если власть накажет их по-своему, то есть того, кого на наш взгляд из туземцев следует наказывать, то во исполнение уже их закона может вступить кровная месть и судебный пристав не только сам будет зарезан, но и вся его семья до определенного их законами колена. Именно по этой причине, а не по какой еще иной, в случае нежелания горцами самим отдавать нам в руки убийцу, будет вырезан весь аул...

Но тут уж извините: с волками жить — по-волчьи выть. Это не наши порядки.

Наши же порядки основывались на следующем:

«...“ясачный” платил государству (царю) и являлся его, как бы сказали теперь, “налогооблагаемой базой”, которую велено было всячески оберегать и расширять. Так что в случае с Россией речь идет о новых землях, населенных новыми подданными, а отнюдь не о “расчистке” завоеванных земель от населявших их народов! Согласитесь, подход принципиально иной!

“Русский народ, создав величайшее в мире государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана, не унижил ни один из встретившихся на его пути народов, пусть самых малых, но всех принял, как братьев, покоряя прежде сердца. А не крепости”.

Митрополит Иоанн (Снычев)» [84] (с. 47).

Причем, даже на Диком как в то, так и во все последующие времена Западе, когда там хозяйничали славяне, быт тамошних обитателей кардинально отличался от примитивистского быта соседствующих с ними немцев. О чем они и сами свидетельствуют. Дитмар Мерзебургский (XI век) вот что сообщает о славянах лютичах. У них:

«...нет никакого особенного властителя: общим советом, рассуждая на сходке о своих нуждах, они решают дела единогласием» [248] (с. 33).

Подобную же картину:

«...представлял собой союз городских волостей западного поморья — Пырица, Камень, Волин, Узноим и Щетин. Во главе союза здесь стоит князь, имеющий своей резиденцией город Камень [кива=Киев — А.М.]. В каждой волости функционирует вече; функционирует также и общесоюзное вече, но наряду с князем и вечем здесь действует уже и совет... старейшин города... Что касается князя, то он здесь... выборный...» [247] (с. 267).

И все вышеприведенное у нас появилось не вдруг. Но всегда было. Мы искони жили исключительно по настоящим человеческим, а не по волчьим законам Дикого Запада.

И подтверждением нашего былого истинного народоправия являются судопроизводственные заявления простых граждан, оставленные нашими далекими пращурами на берестяных грамотах в Великом Новгороде, Смоленске, Старой Русе и других городах. Причем улицы древнерусских городов были этими грамотами практически усыпаны! Большинство из них сохранили лишь обрывки фраз, а потому не

все в них понятно. Однако оставшиеся в неприкосновенности, не истлевшие от долгого хранения в не лучших для этого условиях письма наших далеких пращуров, подтверждают ту удивительнейшую, практически поголовную грамотность русского народа, которая полностью перечеркивает навешанный на нас лжеисториками ярлык серости, тугоумия и никчемности.

Берестяные грамоты

В шестидесятых годах XX столетия при раскопках в районе Новгорода была обнаружена площадь, откуда отправлялись письма практически во все уголки нашей древней страны. То есть уже в самом якобы зачатке нашей государственности, когда, как теперь уверяют историки историков, нас эти вездесущие западные доброхоты еще только собирались чему-то учить, мы уже имели не только давно сложившуюся письменность, но и прекрасно отлаженную систему доставки этой письменности по адресатам:

«...обнаруживается, что система почтовой связи и дорог, по которым гонцы могли нестись с приличной для своего времени скоростью, заложена как раз первыми русскими князьями...» [8] (с. 226).

То есть еще только самые первые управители обнаруженного лжеисториками края медведей оказываются стоящими на такой великолепной дороге, о которой Западу в то время можно было лишь мечтать. Но если все же уточнить, то даже и мечтать ему было о ней пока слишком преждевременно. Ведь чтобы о чем-то мечтать, это надо сначала где-то увидеть. Запад же в это самое время представлял собою такое захолустье, где великолепно оборудованного тракта, как любая из имевшихся у нас в то время дорог, и в проекте еще не существовало.

«Сильвестровская летопись сообщает о том, как княгиня Ольга предприняла в 947 г. путешествие в Новгород, во время которого повсюду благоустроивала дороги, строила мосты-“перевесища” через Днепр и Десну...» [8] (с. 226).

Что это за «перевесища»?

Так ведь это же — разводные мосты!

Вот как один из их вариантов описывает побывавший в Москве голландец Корнелий де Бруин в 1702 г.:

«...я миновал Коломенское... Здесь для переезда через реку с одного берега на другой перекинут мост, или, лучше, плот, составленный из связанных вместе бревен таким образом, что можно развязать часть его и развести плот, когда нужно бывает провести суда, и затем опять свести его» [376] (с. 137).

Перевесища же, что и понятно, представляли собой уже некоторую разновидность данной конструкции. Ведь если здесь часть плота отцеплялась, а затем возвращалась на прежнее место, то перевесище, судя по всему, представляло собой какую-то стационарную конструкцию. Здесь, судя по всему, использовался какой-то островок посреди реки, на котором устанавливалась периодически поднимаемая часть моста. Остальная конструкция же его была та же, что описано выше.

Вот когда русский человек уже был знаком с таким видом гидротехнических сооружений, который позволял нашим огромным океанским кораблям проходить сквозь самые оживленные сухопутные трассы.

И все это было сооружаемо, вновь напомним, якобы погрязшим в язычестве дикарем. Далее:

«...а кроме того, устраивала “повозы”.

“Повоз” — это как раз и есть налаженная система доставки грузов и сообщений, при которой любой гонец, обладавший особыми полномочиями, мог получить в любом городе

или селе княжества лошадей, еду, фураж, имел право без очереди переправляться через реки, пользуясь услугами гребцов.

...уже в X в. система “повозов” стала повсеместно распространенной и отлаженной...» [8] (с. 226).

То есть в том самом веке, когда нами решили заняться «просветители», мы имели нигде в том мире не встречаемую систему внутренних сообщений, надежно функционирующую и давно прекрасно отлаженную. И вот как эта система описана в действии:

«В 1021 г. Ярослав Мудрый с дружиной погнался за вторгшимся в его земли полоцким князем Брячиславом. От Киева до реки Судомирь, где полочане были настигнуты и разбиты, — около восьмисот километров. Конница Ярослава преодолела это расстояние за неделю, что возможно только при отличном состоянии дорог и переправ.

Летом 1015 г. в Киеве умер Владимир Святославович, и к его сыну Ярославу в Новгород тут же помчались гонцы. Летописи сообщают, что скакали они и днем, и ночью — опять-таки это подразумевает отличное состояние дорог, ни один нормальный человек, какая бы нужда ни гнала, не поскачет посреди ночной темени по буеракам и колдобинам, где конь быстренько сломает шею, и поручение останется невыполненным...

В 1097 г. слуги великого князя Святослава Изяславича везут во Владимир-Волынский из Киева взятого в плен и ослепленного князя Василька Ростиславича. Летопись особо подчеркивает, что в ноябре дороги были неважные: “...по неровному пути...” Но даже “по неровному пути” т е л е г и преодолели около 500 километров за шесть дней!

Кстати, гонцы, вообще те, кто торопился, ездили с запасными, “заводными” лошадьми — хотя нас хотят уверить, что этот обычай опять-таки позаимствован от татар. В своем “Поучении детям” Владимир Мономах пишет: “Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговскими верхом с поводными конями помчался”. То есть ехал с двумя-тремя лошадьми, временами пересаживаясь с одной на другую, благодаря чему и преодолевались без остановок большие расстояния» [8] (с. 226–227).

Имелись и постоянные дворы, на которых содержались кони, которыми пользовались гонцы для доставки почты. Все это сочеталось с постоянным ремонтом дорог, мостов и гатей, с непрерывной работой паромов.

Таким образом, что в очередной раз выясняется, мы всегда являлись центром того древнего мира, и работа транспорта нигде не была столь прекрасно отлажена, как у нас — в стране городов.

Но все выше прекрасно изложенное является еще лишь цветочками к той информации, о которой на самом деле сообщают изложенные Бушковым факты. Ведь тысячу лет назад эти описываемые в наших летописях земли представляли собой лишь совсем недавно освободившиеся от залегания льдов болота, более или менее подсохшие лишь к сегодняшнему дню. В те же времена, о которых сообщается, ни при каком самом сильнейшем на то не только желании, но и умении, столь быстрые здесь передвижения были просто немыслимы.

Что еще в очередной раз подтверждает версию В.В. Макаренко о том, что наши летописи сообщают о той еще Древней Руси, которая находилась на Ближнем Востоке.

Однако ж наши, что выясняется, очень древние навыки по устройению дорог, подмечены уже и в более поздние эпохи. Уже и много позже переезда Руси из Палестины и Малой Азии на Русскую равнину:

«До нас дошло написанное в половине шестнадцатого столетия сочинение одного весьма образованного Литвина-католика по имени Михалона: “О нравах Татар, Литовцев и Московитян”» [109] (с. 263).

Среди прочего о дорогах Московии там сообщается:

«...благодаря быстроте езды и часто меняя усталых лошадей (ибо везде стоят для этого свежие и здоровые лошади), они чрезвычайно скоро доставляют известия...» [109] (с. 265).

На что Нечволодов замечает:

«Приведенная выше выдержка из сочинения Михалона о чрезвычайно быстрой езде в Московском Государстве совершенно совпадает и с записками барона Герберштейна, который говорит, что шестисотверстный переезд от Новгорода до Москвы был сделан в 72 часа, благодаря отличному устройству почтовой части в Московии» [109] (с. 265).

Вот еще выдержка писавшего о России иностранца. На этот раз свидетельствует о наличии почтового сообщения в России времен Ивана Грозного англичанин Томас Рандольф. Он в своем «Путешествии» (1568–1569 гг.) сообщает, что по выезде из Вологды:

«...мы поехали по земле в Москву на почтовых... и ночевали в почтовых городках» [365] (с. 94).

Николай Варкоч в 1593 г. в своих дневниковых записях от 16 сентября сообщает:

«...нас опять снабдили свежими почтовыми лошадьми» [422] (с. 14); [476] (с. 148).

А вот что сообщает все на ту же тему в 1561 г. посетивший Московию англичанин Энтони Дженкинсон:

«...я 28 июня выехал на почтовых лошадях из Москвы» [424] (с. 73).

Он же, но четырьмя годами ранее, в 1557 г.:

«1 декабря я выехал из Вологды на почтовых санях...» [425] (с. 77).

Но не только ко временам Дженкинсона и Рандольфа, Варкоча и Герберштейна у нас так великолепно было отработано передвижение по нашим необъятным просторам для доставки почты населению, а еще и «во времена былинные», то есть за тысячу-другую лет до вышеперечисленных путешественников, наши дороги находились просто в идеальнейшем состоянии.

И лишь уже спустя триста лет после Герберштейна появится это столь теперь избитое: все бы у нас в России было хорошо, если б не *дураки и дороги...*

Да, как посадили себе на шею этих самых *дураков*, так некому стало следить и за исправностью *дорог*.

Однако ж, так или иначе, но по части доставки писем мы за границу, как теперь обнаруживается, обогнали просто на необозримое количество времени.

Но к 1678 г., хоть доставка почты все еще не прекращается, чувствуется какая-то странная тенденция перехода от всенародных для обычных горожан устроенных почтовых перевозок в почтовых экипажах к почте, работающей исключительно на доставку всеразличных реляций и указов, перевозимых не во вместительных экипажах, но лишь верховыми:

«Почта в России была в то время верховая, как то можно видеть из главы IX Таннера сочинения, где он говорит: “с 14 Мая мы прибыли в село Мамоново близ Москвы, где Князь Чарторийский получил письма от Польского Короля, привезенные Русским всадником, из которых один ездил непрерывно из Москвы в Смоленск, а другой из Смоленска в Москву, так что мы каждые семь дней отправляли и получали письма”» [453] (с. 478–479).

То есть явный развал нашей почты в эпоху «Тишайшего» виден уже невооруженным глазом. Но пока она, но исключительно для срочной доставки реляций царю и его ближайшего окружения, включая иностранные посольства, кое-как еще существует. И вот по какой причине почта перевозится лишь нарочными — верховыми:

«Путешествие Таннера по России наполнено непрерывными жалобами на худое состояние дорог» [453] (с. 480).

То есть дороги России к 1678 г., как свидетельствует чех Таннер в составе польско-литовского посольства попавший в Московию, выглядят уже достаточно плачевно. Может быть именно поэтому появляется речная система почтовых сообщений. Энгельбрехт Кемпфлер, например, путешествующего по России в 1683 году, в своем дневнике упоминает:

«...почтовый челн, направлявшийся в Москву, со стрельцами...» [461] (с. 221).

Так что какие-то жалкие остатки письменных сообщений пока оставались и при отсутствии дорог.

Но проходит и еще с десятков-другой лет и от почтовых сообщений не остается и помина.

В царствование что-то во что-то «преобразившего», а на самом деле все, что только можно, переломавшего, Петра I, ни о каких и намеках о наличии у нас почты уже более нет и разговору. Вот как плачется об отсутствии почты в петровских временах России датский посол Юст Юль в своем дневнике от 10 ноября 1710 г.:

«Отсутствие почты через (Россию) представляет в Санкт-Петербурге большое неудобство» [364] (с. 216).

Дневник же этот, судя по малой его известности, пролежал без перевода на наш язык достаточно немало времени. А потому мог и не подвергнуться компании по перекройке истории на нынешний лад. Потому-то в нем частенько и проскакивают достаточно теперь удивляющие факты.

А вот фраза, оброненная французом Моро-де-Бразе во времена Прутской компании, бездарно проигранной Петром I:

«...по недостатку почты никто от своих не получает известия» [405] (с. 385).

Здесь процитировано описание похода на берега Прута в кампании 1711 г., когда Петр I в очередной раз струсил и попросил неприятеля, турецкого пашу, его чуть ли ни сотысячную армию отпустить подобру-поздорову в обмен на 200 000 золотых червонцев.

Так что на выкуп собственной трясущейся от страха и врожденной паранойи шкуру у нашего этого «преобразователя» денег было вдосталь, а вот для поддержания уже как минимум до этого тысячелетие функционирующей почты — денег, видите ли, не доставало.

Но и после Петра, когда страной управляли им запущенные нам на шею немцы, по части доставки писем, причем, даже не рядовым гражданам страны, а дворянам, все продолжало находиться в таком же разоре. Вот что сообщает на эту тему в 1750 году Андрей Болотов:

«Тогдашние времена были не таковы, как нынешние, и почты были весьма неисправны; не можно было через них ничего писать...» [422] (письмо 16-е).

И про дороги здесь следует сказать все то же. Ведь именно для поддержания в надлежащем виде почтового сообщения за ними всегда и велся столь старательный уход.

И вот какими поистине гигантскими были их размеры. Голштинiec Аксель Гюльденстиерне в 1602 г., будучи проездом по Новгородчине, в своем дневнике путешествия сообщает:

«22-го августа (4 добрых мили [20 км — А.М.]... мы почти все время (ехали) по одному сплошному бревенчатому мосту» [440] (с. 10).

Вот каких гигантских размеров достигали наши деревянные сооружения, предназначенные для перемещения почтовых подвод по нашей необъятной стране! И не одного намека на дурное состояние этого безконечного моста-гати длиною чуть ли ни в 20 км. Только лишь удивление необычными размерами этого титанического сооружения.

Но почему мы сегодня не имеем возможности лицезреть этих своих прекрасных дорог или, в лучшем случае, каких-либо остатков от их былого великолепия? Куда они испарились?

Все дело в том, что всем иным строительным материалам мы всегда предпочитали дерево. И причина для такого выбора материала, в том числе и для строительства дорог, имеется. Вот, например, что на самом деле собой представляет мостовая из столь облюбованного за границей материала:

«Бульжные мостовые, как известно, представляют собой большие неудобства как для пешеходов, так для экипажей и подвод; кроме того они дают много пыли и грязи» [135] (с. 126).

То есть все наши огромные тракты поддерживались в прекрасном состоянии за счет периодического подновления деревянных досок, представляющих собой разрезанное пополам бревно, являющихся основой их покрытия. Когда же попугайничание Европе стало всеобъемлющим и в этой области, и когда, вместо досок, через наши болота стали пытаться сооружать гати из камней, чуть ли ни на глазах утопающих в трясинах навсегда, тогда и появляется знаменитое: *дураки и дороги*. Приходу в упадок почтовой связи способствовал и еще очень немаловажный фактор — появление безграмотного дворянства в России (императрица Екатерина I и главный вельможа страны Меншиков, например, оба были безграмотны). То есть среди управляющих страной лиц появились *дураки*, а от того и пришли в упадок именно для почтовых связей постоянно подновляемые *дороги*.

Однако ж до прихода в нашей стране к власти масонов, чьи придворные ученостью вовсе не блистали, все выглядело много как иначе. Ведь всеобщей грамотностью населения, что, собственно, и лежит в основе возникновения надобности в почтовых сообщениях между населенными пунктами, мы за границу всегда опережали. И опережали на много. Как минимум, на тысячелетие:

«Берестяные грамоты показывают, что грамотность в Древней Руси была широко распространена, ее знали мужчины и женщины, она была обычным явлением тогдашней жизни. А не следует забывать, что в Европе даже несколько веков спустя нередко и короли были неграмотны» [63] (с. 74–75).

Но письменность, о чем сообщают наши летописи, свидетельствующие о временах куда как более древних, нежели принято считать, у нас имела еще в те времена, когда почтовые тракты наши прашуры оборудовали в землях Ближнего Востока. То есть за несколько тысячелетий до времени, к которому относятся берестяные грамоты, обнаруженные уже здесь — на Русской равнине. Татищев, например, сообщает, что славяне:

«весьма давно буквы имели ибо до Рюрика был закон письменный» [32] (с. 35).

«Как свидетельствует Е.И. Классен (Классен Е.И. Новые Материалы по древнейшей истории славян вообще и славяноруссов рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Р.Х. Выпуск 13. М., 1854), еще в XVIII в. было доказано, что греки и римляне заимствовали все свое образование и учились грамотности у славян. Что все древние племена славян имели свои рунические письмена есть уже теперь дело несомненное, осознанное даже и германцами, оспаривающими каждый шаг просвещения славянского. Только наши доморожденные скептики, кончавшие изучение истории еще в школе, уверяют, что все руны должны быть скандинавскими. Но прочли ли эти великомудрые толковники хотя бы одну руническую надпись?..»

И сам Шлецер — этот отвергатель всего возвышающего славян над другими народами, не смел не согласиться, вследствие свидетельства Геродота и др. греческих писателей, что лишь скифские племена знали грамоту и что сами греки приняли алфавит от пеласгов — народа тоже скифского, или, что все равно, славянорусского происхождения.

Из всего здесь выведенного явствует, что Славяне имели грамоту не только прежде всех западных народов Европы, но и прежде Римлян и даже самих Греков и что исход просвещения был от руссов на запад...» [96] (с. 39).

О чем имеются свидетельства, в том числе и самой глубокой древности. Геродот в 46 главе 4 книги сообщает, что:

«кроме Анахарсиса, он не знал ни одного великого мужа, который бы родом не был Скиф. “Я не знаю, — пишет Геродот, — людей более мудрых, чем Скифы”» [235] (с. 33).

«Страбон также признает скифов высоко нравственным народом и говорит, что если они приняли что-либо дурное в свой обычай, то заимствовали это у греков и римлян.

Скифы изобрели сталь, огниво..., нелиночиие краски, выделку сыромятных кож и юфти, им было известно бальзамирование трупов, музыка, живопись, ваяние и проч.; им же принадлежат и первые горные работы и разные открытия и изобретения, Адам

Бременский утверждает, что скифам был издревле (раньше греков) известен греческий огонь, который они называли вулканным горшком» [336] (с. 119).

Лев Диакон уточняет имя изобретателей этого в то время на море самого грозного оружия, именуя известный нам по историям историй некий «греческий огонь», якобы фирменное изобретение эллинов:

«Мидийским огнем» [357] (гл. 2).

В Мидии же, а затем и в месте нового их обитания, Никомидии, как несколько ранее определили, проживали галаты. А галаты, что сообщал еще Татищев, являлись *самыми настоящими славянами*.

То есть славяне, именуемые иными авторами скифами, и являются изобретателями самого мощного морского оружия древности — «греческого огня».

Так что странное верование наших доморожденных самобичевателей в Карамзино-Шлецеровские бредни не только во времена от Классена до Савельева выглядело полным бредом разгоряченной фантазии ненавидящих нас чумазых басурман, пишущих о нас свои ни с чем не сообразные версии по русской истории, но и еще во времена от Геродота до Страбона. С обнаружением же в 60-х годах XX столетия берестяных грамот в наших древних городах рассказы инородцев о нас стали и еще более несуразны. Но, с другой стороны, слова о нас историков древности, после раскопок в Новгороде, подтвердились полностью: ни один иной народ, кроме русского, в XI веке поголовно грамотным еще не был.

Но как к нам могли прийти послания наших далеких пращуров из столь, казалось бы, давних веков? Что позволило им так прекрасно сохраниться, чтобы мы могли их теперь легко прочесть?

Письма на бересте процарапывались шилом. В таком виде они не могли быть испорчены случайным попаданием влаги, в отличие от применяемых позднее чернил. Что и обеспечило их длительную сохранность в не лучших для этого условиях. Однако уцелели лишь фрагменты. И стоит только взглянуть на содержание берестяных грамот, чтобы тут же стали ясны масштабы их распространения.

Стратиграфическая дата: рубеж XIII–XIV веков:

Новгород. Берестяная грамота № 439.

«...ко Спирку. Если Матейка (еще) не взял пи, вложи ее (вместе) с Прусом ко мне. Я распродал олово, свинец и клепание все. Мне уже не (нужно) ехать в Суздаль. Воску куплены 3 пи. А тебе (нужно) пойти сюда. Вложи олова красного примерно четыре безмена, (то есть) примерно 2 полотенца. А деньги собери поскорее» [205] (с. 44).

Новгород. № 481.

Поклон от рыболова к Остафии.

Пришли письменное распоряжение и тем более деньги на сеть и на оплату наемного работника.

А что касается ржи, то ее возвращение зависит оттого, какой Бог даст Зеиду улов (Пойманную рыбу Зеид должен был обменять на рожь) [205] (с. 74–76).

Новгород № 536.

«...а краски послал. А пошли с теми же людьми. А пуговиц на деньгу сапожных. А я тебе кланяюсь» [205] (с. 137–138).

Более же ранние грамоты, относящиеся к XI, началу XII веков, написаны такими же простолюдинами и о таких же обыденных повседневных делах:

Старая Руса № 6.

«От Дедилы к Демьяну. Не отсылай отрока. Иду сам и две гривны везу» [205] (с. 148).

Новгород № 424.

Поклон от Гюргья к отцу и к матери. Продавайте двор (в Новгороде) и переезжайте в Смоленск или Киев. Дешев (там) хлеб.

Если не переедете, пришлите мне письмо, здоровы ли [205] (с. 32).

Новгород № 428.

Положись на детей или приезжай [205] (с. 35).

Вот вам и самый простой ответ на ранее столь казавшийся неразрешимым вопрос об истоках привычки нашей нации постоянно читать и в метро, и в автобусе, и в электричке. Для русского человека, вопреки навязанному нам мнению, еще как минимум за двести лет до татаро-монгольского нашествия черкнуть пару строк живущим в другом городе родителям не составляло особого труда. Русский человек уже тогда, о чем свидетельствуют рассматриваемые нами берестяные грамоты, владел искусством письма в совершенстве. И отнюдь не случайно мы по праву считаемся (даже на Западе) «самой читающей нацией в мире». Такое признание даже нашими недоброжелателями, не ставящими нас ни в грош, даром не случается: оно имеет под собой уж слишком веские аргументы, которые укрыть совершенно невозможно. А в стране наших якобы учителей простолюдины искусством письма вообще не владели. Даже Адольф Гитлер, некогда люмпенствующий в поисках легкого заработка, промышлял написанием писем для безграмотных соотечественников. И безбедственность его при этом положения как раз и подтверждает всю вопиющую чуждость Западной Европы в тот самый момент, когда Царская Россия уже вновь подходила ко всеобщей грамотности своего населения, сетью начальных школ обеспечив бесплатное обучение русского населения Россия, проживающего даже в самых дальних ее уголках.

На Западе же, напротив, ни о каком всеобщем образовании разговоров еще не было.

А несколькими веками ранее вообще все необходимые документы составлялись исключительно штатными писарями — ведь сами феодалы, диктующие текст, и расписаться-то под ним зачастую не могли. Что тут говорить о простолюдинах?

Но и не только феодалы, но и короли на модном сегодня Западе были сплошь безграмотны. А в особенности в тот самый период, на который указывает слой культурного грунта, в котором были обнаружены наши первые берестяные грамоты. Вот как были удивлены французы, когда Анна Ярославна, вместо обычного в среде французских королев крестика, вдруг самолично расписалась на одной из грамот. Они сберегли эту реликвию для потомства и до сих пор всем показывают как некую старинную диковинку:

«Французы до настоящего времени берегут ее собственноручную подпись: “Королева Анна”, на одной государственной грамоте. “На ней королева Анна, — говорит французский ученый, писавший грамоту, — не удовольствовалась по обычаю тех времен, **за общей безграмотностью**, поставить крест рядом со своим именем, написанным рукой писца, но собственноручно подписала ее своим именем на русском языке”» [108] (с. 229).

И такое слышать лишь теперь в удивление. На самом же деле Анна Ярославна в те далекие годы уезжала из центра тогдашней мировой цивилизации в безпрогляднейшую глушь. Ведь если столицей Византийской империи являлся:

«...миллионный Константинополь» [344] (с. 21),

то Киев, являвшийся на тот момент самым крупным городом Европы, был населен и еще в полтора раза более. Но вот в какую глушь следовало держать свой не веселый путь из мегаполиса той поры Анне Ярославне:

«Население Парижа и Лондона тогда не превышало 25 тысяч человек» (там же).

«Академик Б.Д. Греков, анализируя период времени, ставший для Запада ранним Средневековьем, пишет: “Киевская держава... (1019–1054), объединившая все восточно-славянские племена, была самым обширным и сильным государством Европы”.

Так оно и было, и правители маленьких отсталых западных государств почитали за честь породниться с русским двором. Ярослав Мудрый выдал свою дочь Елизавету за короля Швеции Гарольда, а свою дочь Анну за короля Франции Генриха. Это был удачный дипломатический ход, но в выигрыше в данном случае эти короли, а со стороны обеих княжон требовалось большое мужество, чтобы, покинув блестящий двор, цивилизованную и развитую страну, поехать к дикарям» [206] (с. 183–184).

Добавим, безграмотным дикарям.

У нас же — совсем другое дело:

«...на Руси не только князья, но и простой люд владел грамотой. Об этом свидетельствуют берестяные послания, найденные археологами в Новгороде, Смоленске, Старой Руссе и в других древнерусских городах» [170] (с. 87).

Но и впоследствии наш народ продолжал оставаться самым грамотным в мире:

«В различного рода “Изборниках” того времени, то есть XI–XVIII вв., мы находим сведения по риторике, диалектике, философии, психологии, географии, истории различных народов, богословию. Обязательным по строю русской жизни было и знание арифметики. Все данные говорят за то, что грамотность была почти всеобщей, и даже в послепетровской России грамотных крестьян было намного больше, чем неграмотных. Обучение чтению и счету было доступно решительно всем... Письма крестьян конца XVIII столетия друг другу, жене, детям, из деревни в деревню, приводимые А. Миненко (Живая старина. Новосибирск; Наука, 1989), свидетельствуют, что грамотность была делом обыденным и в самый расцвет “крепостничества и абсолютизма”.

Сошное письмо и разнообразные книги, определяющие права и обязанности крестьян — писцовые книги, окладные, рядные записи, всевозможные выписки из нормативных актов, требуемые старостами, крестьянами для повседневной практики общественных дел, торгов, податей, при спорах, — ведение протоколов мирских сходов и поголовное участие крестьян в делах общины и управления делами грамотность необходимой» [116] (с. 214).

Вот невольное свидетельство поголовной русской грамотности англичанина Ричарда Ченслера во времена Ивана Грозного:

«Русское судопроизводство в одном отношении заслуживает одобрения: у них нет юристов, которые вели бы дела в суде, но каждый сам ведет свое дело и подает челобитные и ответы *письменно*, противно Английскому судопроизводству. Жалобы пишет на манер просьбы к милости Князя и передаются ему в собственные руки с просьбою назначить суд, как просит жалоба» [362] (с. 9).

Так что грамотным на Руси, еще до прихода к власти западолюбивых Романовых, было практически все население поголовно.

Но почему, при этом, нет поражающих воображение цифр об учебных заведениях для простолюдинов?

Русского человека, судя по всему, на протяжении нескольких столетий управления нашей страной масонами, усиленно пытались втоптать в грязь. Потому не было в тот период нашей истории школ и учебников для простолюдинов. Но мужицкую Русь, существующую с помещичьей в каком-то параллельном мире, это особо и не смущало. Она в те времена проживала от своего правительства автономно: грамотные отцы и деды обучали письму и арифметике своих детей и внуков сами — благо грамотными были все. Потому связь поколений так и не прервалась. Тому неоспоримым свидетельством, что:

«В 1913 году в России издавалось 1757 различных журналов (в самой читающей стране мира, в Советском Союзе, в 1988 году издавалось лишь 1578 различных журналов). Одиннадцать изданий выходили 2 раза в день. Перед революцией количество издававшихся журналов возросло до 8-ми с лишним тысяч...» [112] (с. 550–551).

Так что дореволюционный уровень знаний в наследующей России Стране Советов лишь понизился, но уж никак не возрос. Но и по книгам показатель был в нашу пользу более чем убедительным:

«...в России на душу населения издавалось книг больше, чем в среднем по западной Европе, или, тем паче, среднем в мире» [112] (с. 558).

Здесь следует упомянуть, что именно в эпоху революции в нашей стране школ было отнюдь не меньше, нежели церквей. При Николае II:

«Для воспитания детей в духе Православия и любви к Родине Русская Церковь открывала церковноприходские школы. К 1899 году число этих школ достигло 43 тыс. (то есть были практически при всех русских церквях), а число учащихся в них — около 2 млн.» [126] (с. 64).

Помимо этих учреждений существовало еще и огромное количество светских учебных заведений, откуда и вышла вся эта разноликая масса революционно настроенных нигилистов.

Но это было лишь началом просветительской деятельности нашего боголюбивого монарха:

«С 1902 по 1912 год рост бюджетных издержек на образование был в четыре раза большим, нежели рост издержек на национальную оборону» [112] (с. 543).

А потому:

«...с 1908 г. ежегодно открывалось около 10 000 новых школ, и к 1913 году количество школ превысило 130 тысяч...» [112] (с. 558).

Но не только школы стали доступны русскому человеку в царствование императора Николая II:

«В 1914 году дети рабочих и крестьян составляли до 40 процентов учащихся многих московских институтов» [112] (с. 558).

Так что и в системе высшего образования революция отнюдь не увеличила процент попадания в вузы студентов из среды русского народа, но лишь понизила его.

В 1914 г.:

«В России 75,9 тысяч библиотек... В это число не входят еще 4 тысячи бесплатных библиотек и читален общества попечительств и народной трезвости... Сюда же не включены и 32,5 тысячи церковных библиотек...» [112] (с. 559).

Кто-то тут же поморщится: «Фи, да ведь большинство библиотек были платные!»

Но это говорит лишь о том, что раз имелось их многие десятки тысяч, значит, их посетителям было чем платить! И деньги для этого имелись и у простолюдинов.

Имелись еще и тысячи бесплатных, и десятки тысяч церковных библиотек!

Так что и здесь революция ничего нам не добавила, но лишь сильно понизила этот показатель: в 1926 г. в СССР зарегистрировано всего 16 900 библиотек [144] (с. 234).

То есть, чуть ли ни на 100 тыс. библиотек в нашей стране стало меньше! И именно тогда, когда грамотность царской России заменили *пролеткультом с ликбезом*.

Самое большое количество библиотек в СССР приходится на 1960 г. Тогда их было почти вдвое меньше, чем до революции — 69 100. Но это на пике информационного оболванивания, после чего число библиотек вновь неуклонно падает: в 1998 г. их насчитывается 52 200. То есть «прогресс», что называется, налицо [144] (с. 234).

Так какая же страна за всю историю нашей планеты являлась самой читающей?

Вот то-то и оно...

Так для кого ж, в таком случае, если у нас люди до революции грамотными были практически все, впоследствии пришлось создавать ликбезы?

А вот церкви позакрывали, устроили голод, войны и нестроения — тогда и безграмотные появились даже в нашей самой просвещенной стране мира. Россия действительно была разрушена революционерами практически до основания, и система образования здесь не явилась исключением.

Но не только грамотность всегда отличала русского человека от западных дикарей, но и порядок. Русская Правда всегда препятствовала боярскому самоуправству, не позволяя хоть сколько-нибудь унижить достоинство рядовых граждан Древней Руси.

Узаконенное самоуправство западных феодалов, судя по текстам русских и куда как более древних свидетельств письменности, является для русского человека проявлениями невиданной дикости нравов, которых у нас никогда не было, да никогда быть и не могло:

Новгород № 531.

«От Анны поклон к Климяте. Господин брат, позаботься о моем деле перед Коснятином. А теперъ объяви ему при свидетелях: «Почему ты разгневался на мою сестру и на ее дочь? Ты назвал сестру мою коровою, а дочь блядью. А теперъ Федор приехав, услышал тот попрек, и выгнал сестру мою и хотел убить».

А теперъ, господин брат, посоветовавшись с Вое(с)лавом, скажи ему (Коснятину) так: «Ты обвинил, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», ты, господин брат, скажи ему так: «Если бы нашлись свидетели на мою сестру, если бы нашлись свидетели, при которых она якобы поручилась за зятя, тогда вина на мне». Ты же, брат, разузнай, какая причина возвела на меня (его) гнев. А если бы нашлись свидетели тому (что Коснятин прав), я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не дожидаясь Федора. А давала моя дочь деньги при свидетелях, открыто, а заклада просила. И позвал меня (Коснятин) в погост, и я приехала, а он поехал прочь, сказав: «Шлю 4 дворян по гривне серебра»...»

Количество дворян [судебных исполнителей], по-видимому, определено числом обвиненных, которых также было четверо: зять Анны, ее дочь, сама Анна и муж ее Федор...

Дочь Анны давала деньги в рост, соблюдая все существующие правила. Однако очевидно, что она распорядилась не своими деньгами, а деньгами Коснятина... По всей вероятности, Коснятин заподозрил, что доход с его денег получается безконтрольно зятем и всей семьей Анны. Сама Анна поручителем за зятя не была и нанесенное ей оскорбление считает безосновательным...

Описанное в грамоте оскорбление Анны и ее дочери по Церковному уставу Ярослава квалифицировалось как серьезное преступление, подлежащее взысканию штрафа с оскорбителя: «Аще кто назовет чужую жену блядию, а будет боярьскаа жена великих бояр, за срам ей 5 гривен злата, а князь казнить; и будет меньших бояр, за срам ей 3 гривны злата, а митрополиту 3 гривны злата; а оже будет городских людеи, за сором ей 3 гривны сребра или рубль, а митрополиту тако же; а сельской жене 60 резан, а митрополиту 3 гривны» [205] (с. 132–134).

Но не следует думать, что все вышеизложенное говорит о некоем расслоении русского общества на какие-то там такие «классы». Разность выплаты за оскорбление как раз всех и уравнивает — в меру своих доходов.

«Историческое значение грамоты № 531 состоит в том, что она демонстрирует применение норм гражданского судопроизводства, известных по юридическим памятникам XV в., в эпоху, на 200–250 лет более раннюю» [205] (с. 134).

То есть еще в домонгольскую эпоху.

И обращение к господину, к которому направлялись жалобы от подвластных ему крестьян на произвол управляющих, походило не на попытку безправного взыскать справедливости у сильных мира сего, что бытовало на Западе, но на обращение к старшему в нашей большой патриархальной семье.

Старая Руса № 10.

Эта грамота от Ярилы к Анании.

Городищане во владении Анании могут только воду пить, есть им уже нечего. А рушане (жители Русы) скорбят о городищанах.

Если хочешь, припугни дворецкого, чтобы не пакостил [205] (с. 150).

Новгород № 474.

Пашня, господин, пережата дальше межи детей моих и жены. Права моей жены нарушены. Ради Бога, господин, защити.

Аз тоби кланяюся [205] (с. 69).

Да, права жены и детей, которые, вне всяких сомнений, на Руси всегда были священны и ценились куда более высоко, нежели права мужчины, отца семейства, несомненно, имеющего возможность и физически за себя постоять, здесь выставляются в качестве железобетонного аргумента. А ведь это XI век!

Новгород № 446.

«Поклон от Кондрата господину своему Юрию и от всех селян.

Что если, господин, коня жаловал, и твоего коня, господин, Захарья выдавал у нас. Нашел бы ты на него, господин, управу. Если же, господин, не уймешь, то пошли, господин, забрать остаток (коней).

А нам, господин, невозможно жить» [205] (с. 48).

Беря для сравнения средневековые порядки Западной Европы, можно утверждать, что Древняя Русь в XI в. была на достаточно почтительном удалении от этого гнезда варварства и мракобесия. На таком же удалении стояла и наша ментальность. Общежитие на Святой Руси, где правящему сословию, в полную противоположность варварскому Западу, выбиваться в богатеи не было совершенно никакого резона, основывалось на почве усвоения всем нашим обществом основных принципов христианского миропонимания:

«...НЫНЕ, БОГАТИИ, ПЛАЧИТСЯ И РЫДАЙТЕ О ЛЮТЫХ СКОРБЕХ ВАШИХ ГРЯДУЩИХ НА ВЫ...» [Иак 5, 1–2].

За что же им предстоит это ужаснейшее из всех видов наказаний, названное *лютым*?! А вот, оказывается, за какую провинность:

«...СЕ, МЗДА ДЕЛАТЕЛЕЙ ДЕЛАВШИХ НИВЫ ВАША...» [Иак 5, 4].

То есть здесь говорится о финансовых средствах, причитающихся нанятому работнику, которые, вместо выплаты ему, работодатель положил себе в карман. Потому эта несправедная мзда:

«...ВОПИЕТ, И ВОПИЕНИЯ ЖАВШИХ ВО УШИ ГОСПОДА САВАОФА ВНИДОША» [Иак 5, 4].

Вот и подумает работодатель: а стоит ли ему из-за какой-то лишь временной в чем-то выгоды обречь свою душу на вечную погибель? На Святой Руси на богатея смотрели не как на суперчеловека, что свойственно лишь обезумевшей от невежества за границе, но как на сумасшедшего: ведь душа этого глупца, что ни для кого не секрет, будет гореть в аду.

Это вполне понятно лишь русскому человеку. Современникам апостолов, Богородицы и Иисуса Христа было сказано:

«...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» [Лк 18, 25].

Потому князь на Святой Руси брал оброк по минимуму — исключительно за свою работу администратора и защитника страны. Потому так часто в сопровождении имен русских князей встречаются принадлежащие им титулы: *святой* и *благочестивый*.

Способны ли их подчиненные творить неправду?!

Вот так строились взаимоотношения между гражданами в нашей стране издревле. На них же основан и менталитет ее жителей.

А потому нечего удивляться, что лишь в нашей стране существовал настоящий *порядок*. И именно тот самый, который испокон веков именовался *русским*.

Он же между тем выражается еще и в достаточно убедительных цифрах:

«Не случайно только за 20 лет царствования Государя Николая II население России выросло на 50 миллионов человек или на 40 процентов...

Не случайно максимальная убыль населения пришлось на время богоборческого режима. Когда над страной затрепетало кроваво-красное знамя ада с люциферовой звездой. С молотом, забившим гвозди в Тело Спасителя. С серпом — символом апокалиптической, человекоубийственной жатвы антихриста» [18] (с. 220).

И здесь счет пошел на десятки миллионов жизней русских людей, беспощадно истребляемых кровавым молохом «пролетарской» революции по системе изобретенной Марксом «классовой борьбы»:

«...известно, что основную метафору подарил Марксу ни кто иной, как автор теории межвидовой борьбы Дарвин. (Ему, кстати, Маркс хотел даже посвятить свой “Капитал”). В итоге борьба русских с русскими принесла то, что она и должна была принести» [18] (с. 225).

Но вот минуло затишье — двадцатилетие так называемого «застоя». Единственный для нас период, когда, по выражению Талькова, «сатана гулять устал».

И вот вновь сменен цвет знамен с отслужившего свое красного на петровский триколор. И вновь, как в его времена, машина самоистребления дезориентированного пропагандой народа заработала с полной людоедской нагрузкой, выкашивая до 5 миллионов за год (убыль населения несколько смягчает ежегодное прибытие в страну 4 миллионов граждан бывшего СНГ). И весь прирост русского населения России, некогда произошедший при правлении Николая II, лишь в одно постбольшевистское десятилетие демократической властью сведен на нет. То ли еще будет?!

Так каков же действительный ход нашей истории? Все ранее навешанные понятия о русской старине глубокой на поверку оказались топорно сработанной масонами фальшивкой.

Но почему же в освещении русской истории произошли нестыковки, столь теперь удивляющие?

Дело в том, что к временам забравшихся в наши книжные запасники немцев еще не было произведено раскопок в древних русских городах, обнаруживших в 60-е годы XX в. берестяные грамоты. Потому можно было смаковать и далее раскручивать этот нелепый миф о тысячелетней рабе.

Теперь же, в связи с обнаруженными артефактами, говорящими совершенно о другом, этот миф можно (и нужно) с легкостью отбросить.

Мало того, появились неопровержимые свидетельства и куда более ранней нашей письменности, о чем и пойдет речь далее.

Странность истории с крещением

И непонятно, по каким же это показателям Запад вдруг оказался передовым, если там не только зажиточные феодалы, но даже монархи многих государств грамоте обучены не были. Ничуть не лучше обстояли дела с владением письменностью и у греков, якобы нас чем-то просветивших. Потому и потребовалась версия о “призвании”.

Причем, что выясняется сегодня с наибольшей очевидностью, у вторгшихся в Западную Европу варваров не было в то время еще не только своей грамоты, но даже своего собственного языка:

«Никаких шведов в VII–XI веках, как и норвежцев с датчанами, не было. Эти народности сформировались, в лучшем случае, к XV веку. А языки — шведский, норвежский, датский — сложились только к XVII–XVIII векам. И потому говорить о том, что “шведы основали Русь”, это еще глупее, чем сказать “американцы открыли Америку”» [386] (с. 278).

Но современна историософия, что следует отметить, аккурат и настояна на этой глупости.

Так откуда, собственно, появилась эта столь странная, ни с чем не согласующаяся теория?

Пробуем прояснить факты русской истории, несмотря ни на что все же дошедшие до нас. Вот с какими трудностями при их изучении столкнулся Татищев, который пишет:

«И хотя первые русские летописи от Рюрика начинают, однако ж слегка припоминают, что он был от поколения прежних русских царей... Иоаким точно показывает его от дочери Гостомысла рожденного... следственно, от русских прежних государей произошел...» [184] (Гл. 32).

То есть сам исследователь множества вариантов наших летописей, которые теперь принято считать каким-то единым произведением одного автора, “Повестью временных лет”, вполне определенно сообщает, что Рюрик лишь продолжил ту династию, которая правила Гардарикой до этого, но уж никак не основал ее. Сообщает к тому же, что хоть в лице Рюрика иметь потомка Августа все же достаточно лестно, но это меньше соответствует действительности, чем хотелось бы.

Однако это говорит лишь о том, что наша династия была своим родословием куда как более знатна. Мы не просто наследники Римской империи, но наследники мирового Царства, называемого Третьим Римом. Потому и цари наши всегда должны были иметь родословную, полностью соответствующую нашему великому предназначению: не иначе, как от самого Царя Давида.

Но у нас имеется не только объединенный и исковерканный свод древних летописей под редакцией забравшихся в наши книжные закрома немцев.

«Вне поля зрения историков оказались два ряда источников, дающих часто весьма важные данные, дополняющие сведения “Повести временных лет”: 1/ Воскресенская, Никоновская и ряд других; 2/ Иоакимовская и ряд других новгородских летописей, сообщающих не только как произошло призвание варягов, но и почему это случилось...»

Причина игнорирования обоих рядов источников проста: приняв их во внимание, необходимо совершенно изменить наш взгляд на не только призвание варягов, но и на все начало Руси в эту эпоху. Смелости разрушить все старые представления не хватило, ограничились повторением заученного.

Между тем большинство сведений, сообщаемых в первой группе источников, не подлежит ни малейшему сомнению (и по различным другим поводам используются историками).

Если мы сравним “Повесть временных лет”, т.е. Лаврентьевскую летопись, с Никоновской, Воскресенской и др., признаваемыми всеми совершенно аутентичными, бросается в глаза, что в последних оказываются довольно мелкие подробности, например, что в Киеве в таком-то году был очень сильный дождь, что прилетала саранча и т. д., но в “Повести” они оказываются выпущенными» [63] (с. 30–31).

Почему?

Так ведь все по той же причине: вымысел с действительными событиями невозможно согласовать. Либо из-за кем-то некогда упомянутого необычайно сильного дождя, града с куриное яйцо, либо из-за слишком ранних или слишком поздних заморозков и т. д.

«Интересно отметить, что самая полная Новгородская летопись до сих пор не опубликована. Объясняется это тем, что Новгородские летописи намеренно отодвигались историками на задний план, содержание их подвергалось сомнению, ибо оно противоречило “Повести временных лет”, которая стала как бы каноном историков» [63] (с. 36).

Но еще Ключевский сообщал, что:

«Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном виде» [49] (с. 103).

Потому следует констатировать, что каноничность этого “канона” очень сомнительна: в ней, судя по всему, от оригинала, некогда написанного Нестором и его последователями, после вмешательства немецкой “науки”, почти не осталось ничего.

«Первичные записи, веденные в различных местах нашего отечества, почти все погибли...» [49] (с. 92).

Но еще и до этого монголами была уничтожена большая часть нашей книжной науки. И вот каким варварским способом:

«...когда в 1382 году при приближении рати Тахтомыша, по свидетельству летописца, москвичи снесли книги в соборы, то книг было столько, что груды их лежали почти до сводов церкви. Но и соборы не спасли. Книги были все уничтожены ворвавшимися татарами.

...все древние рукописи, которые мы имеем, — это только рукописи из Пскова и Новгорода, докуда не доходили татары» [266] (с. 39).

Но дошли немцы. Причем дошли достаточно удивительным способом: объявив себя светочами некоей такой западного образца «науки». Потому и занялись, под скипетром масонами усаженной нам на шею странной иноземнолюбивой монархии, переправлениями даже тех рукописей, которые к тому времени еще оставались не перекроенными для соответствия их западным теориям.

Но и много позднее, пережив татарщину, имевшаяся в наших запасниках древняя литература все еще шокировала за границу:

«Библиотека Великого князя Московского в первой половине XVI столетия имела 800 древних рукописей...»

Когда Максим Грек, живший в Италии и знавший многих выдающихся деятелей эпохи Возрождения, увидел библиотеку Василия III, то он воскликнул: “Государь! Вся Греция не имеет такого богатства...”» [266] (с. 40).

Каким образом еще и эту библиотеку уничтожили?

После же переделки на свой лад наших древних источников, оригиналы с завидным постоянством уничтожались. И такие умышленные поджоги библиотек всегда списывались на якобы присущий нам примитивизм, в том числе и по части книгохранения.

Однако ж вот какие имеются свидетельства по части хранения нами своей главной драгоценности — книг:

«Шевырев так писал о хранении книг в Сушиле: “Пол кирпичный. Деревя нигде, кажется, не заметишь, кроме полок, на которых стоят книги. Двери и решетки на окнах железные. Книги доступны могут быть сырости, но зато не доступны огню” (Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь... С. 26)» [10] (с. 81).

Так что ссылки на частые пожары в такого вот рода хранилищах — чистой воды вымысел: и книгохранилища, что выясняется, Древняя Русь имела лучшие в мире. Так что произвол влезших в наши запасники иноземцев теперь выглядит наиболее очевидным.

Но ох как еще и не все, что выясняется, нами потеряно:

«До нас дошло до 130 000 разного рода рукописей. Некоторые рукописи XI века имеются в 30 экземплярах, XII века — до сотни, а дальше сотни и даже тысячи экземпляров (См.: Известия Академии наук, отделение литературы и языка, том IV, выпуск 2-й, 1945 г., с. 62)» [266] (с. 44).

И вот как представители онемеченной науки поступают с этими 130-ю тысячами источников, уничтожения которых им так произвести и не удалось:

«...сведениями Новгородских летописей пользуются частично: берут что нравится, а остальное отбрасывают как негодное. Такой “научный” метод можно назвать только методом произвола» [63] (с. 37).

Но пусть “канон”, именуемый “Повестью временных лет”, историкам и подменяет икону, исследование наших древних документов продолжается:

«Обратимся теперь к данным Новгородских летописей, которых насчитывается вместе с Иоакимовской 14. Оказывается, в Новгороде существовала династия князей, насчитывавшая ко времени призвания варягов 9 поколений...

У Гостомысла было четверо сыновей и тр[и] дочер[и]. Все сыновья погибли: одни умерли от болезней, другие были убиты на войне, не оставив наследников мужского пола. Дочерей Гостомысл, согласно законам того времени, выдал замуж за разных заморских князей.

К концу жизни Гостомысл оказался без наследника» [63] (с. 37).

А потому новгородцы за море, что и естественно:

«...посылали за внуками своего умершего князя и к тому же... за славянами и по отцу» [63] (с. 38).

То есть все это пресловутое “призвание варягов” является всего лишь восстановлением прерванной династии князей.

Но откуда появилась эта ни с чем не сообразная мысль о призвании иностранцев, что впоследствии было и еще более искажено в пользу некоей “норманнской” теории немцами, писавшими нашу историю во второй четверти XVIII века?

«...южный летописец не только мало интересовался тем, что было на севере, но и отражал интересы правящей династии в Киеве. Если рассказать все о Новгороде, это значит показать, что Новгород древнее Киева на века, что династия пришла оттуда, что династия была там тоже веками, иначе говоря, показать, что столице надо быть в Новгороде, а не в Киеве» [63] (с. 39).

Потому все изложенное в источнике, столь облюбованном и подправленном немцами, выглядит более чем неестественно уже в самом его начале:

«“Повесть” начинается внезапно, совершенно необоснованно. Вдруг появляются князья, варяги, дань и т. д., Рюрик как будто падает с неба на поле истории. Об отце его или деде ни слова — это понятно, сказать о них что-то — это означало выпустить кота из мешка. Составитель “Повести” скомкал, испортил связный рассказ летописи, выбросил совершенно Гостомысла и т. д. Он дал понять, что, мол, все предыдущее покрыто мраком неизвестности, а между тем туман-то был напущен им самим» [63] (с. 40).

Вот и оправдывайся теперь человек, живущий в ту давнюю пору в единственном во всем мире государстве, в отличие от примитивной чумазой заграницы, заселенной неандертальцами, защищенном не только законами, но и ратными людьми, что ты не верблюд. Оправдывайся, что не чумазых ты править собою призвал, но лишь своих.

На самом же деле вот кем являлись все эти пресловутые варяги:

«Для охраны торговых караванов от нападений разбойников Руссы имели многочисленную и хорошо вооруженную речную и морскую наемную стражу, называемую “варягами”, от славянского глагола варити — предварять, предупреждать, и варяю (по-Кирилловски) — разъезжаю: варять — плавать по водам. Дитмар (Chronicon) говорит, что у славян-бодричей были особые вооруженные стражи, наблюдавшие за целостью товара: что товар у них назывался *вара*, охранять — *гаичь* или *ветити*, отсюда стража — *варагайче* и *вараветниче*. У вендов оберегатель товаров назывался *воорагай*. Следовательно, варяги не составляли какой-либо отдельной народности, а просто это была особая каста военных людей, на обязанности которых лежала охрана торговых судов от нападений морских пиратов, называемых на Балтийском море викингами, а на русских реках слывших под названием “поляницы”. В варяги принимались люди испытанной храбрости и честности. Предводители варяжских дружин именовались князьями...

Варяги-Руссы в IX в. еще господствовали на западном и южном берегах Балтийского моря, главный же прибой имели в Новой Руссе, в дельте Немана. Из этого-то сословия Новгородцы с соседними народами в 862 г. и избрали себе князя. Следовательно, откуда бы ни пришел Рюрик с братьями, с шведского ли Упландского берега, принадлежавшего Руссам, с южного ли, для нас безразлично, но что он и дружина его были славяне — это несомненно» [336] (с. 54).

То есть именно мы, о чем свидетельствует дореволюционный историк Е.П. Савельев, понятно дело, не признанный историками марксистами, во времена так называемого «призвания» не просто господствовали на берегах балтийского моря, но вообще не имели и не могли иметь никакой конкуренции. И лишь по одной единственной причине, что все более четко вырисовывается, потому что лишь мы по тем временам имели огромнейшую страну, чьи морские и речные караваны шли из Европы в Китай, Индию и на Ближний Восток. Все же нам инородцы имели лишь возможность, в лучшем случае, попытаться напасть на наши торговые караваны по пути их следования. Именно для борьбы с этими разбойниками нами и была использована целая каста военных. Она и именовалась *варягами*. А возглавляли эти военные сообщества князья. Этих-то князей и призвали новгородцы. В чем нет ничего особо и удивительного.

И очередным доказательством является прекрасная переводимость всех указанных в древних наших летописях имен именно на наш язык:

«Напрасно норманисты, последователи Шлецера, стараются доказать, что имена 40 русских вождей, упоминаемых в договорах Олега и Игоря с греками, суть германские. Это напрасный труд. Имена эти все славянские, с берегов Балтийского моря. Над этим уже потрудился с успехом Иловайский в “Розысканиях о начале Руси”. А что германцы переняли и присвоили себе много славянских имен, переделали и перековеркали их до неузнаваемости, так это верно» [336] (с. 54).

Но нам все выше буквально по полочкам разложенное, и понятное теперь с полуслова, было извращено и импортномыслящей исторической немецкой «наукой» перевернуто с ног на голову. Потому все вышеизложенное следует суммировать так:

«Русская общественная мысль слишком уж поверила в непогрешимость историков, теперь приходится расплачиваться» [63] (с. 30).

Но историки, что теперь выясняется, лишь исполняли заказ — кто более ревностно, кто несколько менее. Причем, ими выдвигаемая версия не всегда совпадала с их личным мнением. Но что делать, в противном случае твои труды останутся неопубликованными, а самому историку, судя по грандиозности произведенного подлога, грозила неминуемая смерть. О чем сами они, нет в том сомнения, знали распрекрасно. Например:

«...В.Н. Татищев, если участвовал в фальсификации истории, то вынужденно. А поскольку он сам не мог сказать правду, то оставил в своих сочинениях достаточно “камушков-заметок”, по которым можно было выйти на след подлинной русской истории» [66] (с. 13).

Так что и в сочинениях Татищева, и в наших древних летописях следует лишь хорошо покопаться, чтобы выяснить доподлинный ход русской истории, который прекрасно угадывается по многим оставшимся нам в наследство документам.

Например, до нас все же каким-то образом дошел такой вот удивляющий теперь факт из нашей истинной истории:

«В 1017 году большой пожар уничтожил в Киеве **семьсот церквей**» [176] (с. 259).

Конечно же, погубило и много людей, и имуществу ущерб был нанесен колоссальный, но вот о гибели святынь летописец спешит уведомить в первую очередь. И это неспроста — вот какие темпы возведения храмов бытовали в ту пору, например, в Западной Европе “вольными каменщиками” — тамплиерами:

«За два столетия существования ордена только в одной Франции было выстроено более 200 готических и романских церквей» [24] (с. 33).

То есть хваленый Запад имел темпы роста: одна церковь в год. Так сколько потребуется лет, используя эти их “передовые” методы строительства, чтобы не в целом государстве, а в одном из сотен своих городов соорудить 700 церквей?!

Да и греки не сильно преуспели в этом вопросе. Потому как аккурат в те же самые времена:

«...в Константинополе насчитывалось до полутысячи храмов и монастырей...» [17] (с. 92).

Но ведь это столица, как нас давно уверяют, мирового Православия! И понастроили их там такое количество за пятьсот лет!

То есть и здесь темпы не слишком-то и великие: по одной в год.

Детальный разбор истории вполне способен вскрыть все существо полного несоответствия некогда нам внушенного мифа о ее действительном ходе.

Истоки этого столь шокирующего несоответствия обнаруживают себя куда как с более ранних времен. Следы этой деятельности отмечаются уже в Евангелии. После Христова Воскресения:

«...некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали... Они, взяв деньги, поступили, как научены были...» [Мф 28, 11–15].

Вот лишь малый, но очень знаменательный эпизод того, что теперь и называется — *историей*. То есть уже само Воскресение Христово явилось объектом нападков изобретателей “историй”, что привело нас к нынешнему полному непониманию некогда происходивших событий.

Однако же ложь, как бы ни старалась восторжествовать над Правдой, всегда, по прошествии времени, все же обнаруживает себя. А потому, вопреки всем стараниям врагов, спрятавших правду о древнем происхождении русского народа казалось бы уже и навсегда, археологи вскрыли памятники нашей древней письменности. Сначала они всплыли на бересте, затем на прясленах, грузиках, остатках глиняных сосудов, а затем и на глиняной печатной книге, зеркалах, вазах, статуэтках и даже на скалах, что западных, что восточных пределов необъятной своими просторами огромнейшей материковой части Евразии!

Ко всему вышесказанному не излишне присовокупить и тот факт, что перед киевским пожаром 1017 г. наша древняя столица была самым крупным в Европе городом. По количеству имеющихся в ней церквей она на целых 200 храмов оставила за собой позади столицу Византийской империи.

На самом деле разница была еще большей, так как в древней летописи о пожаре упомянуты лишь сгоревшие церкви. Но не весь же город выгорел дотла. А ведь в настоящее время имеется множество принадлежащих к тем временам фундаментов каменных церквей, которые явно уцелели после того памятного пожара.

Но странно даже не то, что историки, по каким-то причинам уведя нас рассматривать средневековые города Западной Европы, почему-то вдруг забыли, что историю нужно было бы отсчитывать исключительно от нас, так как именно наша цивилизация в то время была самой великой. Странно то, что только лишь наша столица, не говоря о всей необъятной уже по тем временам Русской Державе, всего за 29 лет якобы навязанного нам иноверия уже имела минимум 700 действующих православных храмов!

Тот, кто считает, что церковь самое главное построить, а там все как-нибудь само пойдет, сильно заблуждается. Для создания прихода требуется решить очень много куда как более непростых вопросов.

Откуда одномоментно взялись сразу столько священников, выученных вести службу исключительно на непонятном для греков церковнославянском языке?!

А на ином службы в Русской Православной Апостольской Церкви никогда и не велись. Потому и латинство у нас не прошло.

Но почему не прошло у нас ведение служб на иных языках, например, на том же греческом?

Мы в те далекие времена прекрасно знали, что лишь наше СЛОВО позволяет связать человека со своим Творцом. Доподлинное знание *Славы* СЛОВА для совершения всех установленных Православием таинств в полном объеме достаточно просто. И говорить

о невесть откуда появившихся семистах русских священниках, тысячах обученных служителей, тысячах обученных певчих, собранных в церковные хоры из темных и безграмотных языческих масс народонаселения всего за пару-тройку десятков лет, просто смешно. Это невозможно лишь в одном Киеве, который отдельной страной не являлся, но представлял собою лишь столицу страны городов, которых у нас по тем временам были сотни. А сколько было деревень? Можно ли было просветить лишь столицу, а глубину оставить в язычестве?

Для всеобщей поголовной религиозности требуется отнюдь не двадцать девять лет. Тут не только ста, но и трехсот-то лет маловато будет!

Как ответить на все эти задаваемые вопросы, следуя самым простейшим построениям схем некогда произошедших событий, используя при том самые элементарные законы логики?

Мы всегда являлись и являемся самой грамотной в мире страной. Без поголовной грамотности и на семь церквей через двадцать девять лет после нашего якобы первоначального Владимиром крещения нам было бы не набрать ни грамотно (по книгам) исполняющих все обряды служителей, ни умеющего бегло считывать текст для церковного пения клира.

Однако самым главным препятствием для ведения церковных служб явилось бы обыкновенное отсутствие служебных книг.

Книги раньше не печатали в многотысячных экземплярах. Их поштучно годами кропотливо переписывали. Причем, переписывали не спеша, чтобы потомки могли не просто прочесть, но прочесть бегло. Это немаловажно при исполнении церковных служб. Необходимо было не просто отчетливо вывести буквы, а вывести их крупным жирным шрифтом, так как считывался текст при свечах. А при столь слабом освещении мелкий тонкий шрифт для беглого прочтения непригоден.

Вот и представьте себе, когда бы это за столь короткий срок в полностью безграмотной темной дремучей стране можно было бы проделать столь титаническую по объему работу?

Да никогда! А значит, и страна была полной противоположностью тому, что столько лет нам упорно пытаются внушить.

«...Дитмар Мерзебургский насчитывает в Киеве 8 рынков и 400 церквей» [176] (с. 220):
«В том большом городе, который является столицей этого королевства, имеется 400 церквей, 8 ярмарок, а людей — неведомое количество...» [423] (кн. 8, гл. 32 [16]).

«...а Адам Бременский считает Киев соперником Константинополя» [176] (с. 220).

Именно чрезмерно разноязыкого Константинополя, где пестрые толпы местного населения, состоящего из римлян и греков, хазар и жидовинов, русских и иных славян, никогда не составляли да и не смогли бы никогда составить ничего подобного той моноэтничности местного населения, которое господствовало в русском Киеве.

Однако ж от времен Дитмара Марзенбургского до Адама Бременского увеличивается не только количество церквей вдвое. В десять раз увеличивается и сам город:

«По археологическим данным, Киев конца X-начала XI вв. был большим по размерам городом. По подсчетам П. А. Раппопорта, площадь города Владимира составляла 11 га, площадь города Ярослава — 101 га (Раппопорт П.А. Военное зодчество, с. 187, прим. 9» [264] (с. 70, прим. 71).

Так что если первый из них застаёт здесь очень большой город, по-праву именующийся столицей государства, то второй видит уже город, своими размерами много больший и самого Константинополя.

Хотя и сам Дитмар признает все же необычайную его огромность:

«В этом огромном городе, который является столицей того царства... жителей... неведомое множество» [264] (с. 70).

А ведь и действительно — восемь рынков — это минимум полумиллионное население города-мегаполиса.

И все это население, со слов Дитмара объединенное в царство, было сплочено еще и поголовной грамотностью, которая в Англии, считающей себя самой грамотной страной, еще при ратующем за обязательное всеобщее государственное образование Герберте Уэллсе была просто недостижима.

У нас же:

«Сто лет после “основания Руси” знание грамоты считается обязательным для всего духовенства: попов сын, если он грамоты не знает, попадает в “изгой”» [176] (с. 220).

Вообще-то такое вполне естественно: ведь как, хотелось бы поинтересоваться, сможет безграмотный священник вести службы в Русской Церкви?

А потому Солоневич замечает:

«...в вопросах государственного школьного строительства Рюриковичи лет на тысячу опередили Англию» [176] (с. 220).

О чем, между прочим, сообщает и наш родной язык:

«О славянских названиях дней недели интересную работу написал примерно век назад Г. Ценов [324]. Он показал, что они свидетельствуют о раннем распространении христианства среди славян» [321] (с. 318).

И здесь следует лишь взглянуть на соответствие нынешних терминов, означающих главные дни недели, связанные с Христианством, чтобы полностью стало понятно — кто в Европе даже и по сей день пребывает в грязи и язычестве, а кто стал христианином много ранее принятого в Римской империи Христианства в качестве господствующей религии. Ведь немцы и англичане и по сию пору пользуются термином, которым поименовал принятый при нем за выходной день недели император Константин. Он назвал этот день, который мы сегодня именуем «воскресенье» (день Воскресенья Христова), — «днем Солнца». Потому немцы, впоследствии приняв Христианство за господствующую религию, и по сей день именуют этот день Sonntag, что дословно и переводится как «день солнца». Sunday англичан имеет то же значение.

Однако ж на нашем древнем языке, еще не искаженном нововведениями XVII века, этот день именовался «неделя». Что закрепляет оставшимся в безыменности ему наследующий день — «понедельник». Этот день начинается «по недели». То есть после «недели». Того самого дня, в который Христос Воскрес.

Так что ни немцы, ни англичане ну ни под каким видом не могли креститься раньше нас. Что запечатлено даже в языке — наименованиях дней недели.

А вот у кого находятся и главные книжные запасы, которые подтверждают все вышеизложенное:

«...90% рукописей X–XII веков хранится в России, якобы отсталой и неграмотной» [85] (с. 19).

Причем, что сегодня становится очевидным, эти рукописи, пусть и переписанные с пришедших в ту пору уже в ветхость древних рукописей в указываемые историками сроки, описывают события куда как много более древних эпох, нежели сегодня считается.

Но даже если взять во внимание лишь то, что общепринято сегодня, все эти сведения вполне проясняют вопрос о том, кто кого обучал на самом деле.

Причем, даже сам стиль оформления этих древних книг сильно шокирует и самих иностранцев, якобы наших в чем учителей. Вот, например, что сообщает об одной из наших древних книг в своем письме от 7 февраля 1776 г. французский дипломат де Корберон:

«Нам показывали также первую историческую летопись России, написанную одним киевским монахом в конце десятого столетия. В ней встречаются сделанные пером разноцветные виньетки, по красоте рисунка удивительные для того времени, когда искусство было в упадке даже в Италии» [421] (с. 44).

То есть в то время, когда была, судя по всему, не написана, но лишь переписана эта древнейшая рукопись, возможно, освещающая события, произошедшие с нашим народом еще задолго до Рождества Христова, только мы одни среди всех стран Европы и обладали

навыками владения изящными искусствами. Француз, наслышанный о нашей российской сиволапости, этой нашей пробивающейся сквозь века высочайшей культурой был просто шокирован. Неужели же эти наши историки, сочинившие о нас слишком неумную легенду, в эту конкретно книгу так ни разу и не заглянули, а потому так ни разу и не задумались о правоте выводимых ими исторических схем?

Да правда о нас, что выясняется, их вовсе не интересует. Потому вот какую глупость, коль свидетельства Дитмара Мерзебургского так и не удалось утаить, они все же попытаются в исторические схемы сегодня протащить:

«По всей Руси созидались христианские храмы: только в Киеве в 1018 г. их было уже около 400. Появились русские национальные кадры священнослужителей» [2] (с. 71).

И что же дальше-то?

«При Ярославе стали переписываться и переводиться книги с греческого языка на русский» [2] (с. 74).

Ну-ну — прекрасненько. А дальше-то что же?

«**Есть предположение**, что уже в то время были организованы школы для обучения грамоте» [2] (с. 74).

Вот тебе и на: сначала, совершенно не имея в том никаких навыков, наклепали разом несколько сотен церквей, что должно было у нас занять несколько сотен лет, затем откуда-то, чуть ли ни со все той же Луны, на несколько сотен церквей обрушилось с тысячу священников. Мало того, все эти священники вели греческие службы на церковнославянском языке, самим этим грекам совершенно неизвестном!

А как *вели* все эти священники свои службы? По памяти, что ли?

Но ведь чтобы запомнить текст, объемом на несколько часов чтения, неплохо бы его сначала прочитать!

Они, следуя все той же фантастической версии, только когда начали вести службы вдруг вспомнили: не пора ли нам этой самой грамоте, хотя бы русской, начать обучаться...

Не поздновато ли *задумали-то*?

То есть, развивая мысль наших “историков”, когда семьсот действующих церквей сгорело, тогда и пришла столь удивительнейшая идея: не пора ли начать обучаться грамоте?

Этой «гениальной» последовательности можно более не удивляться: пока новый Дитмар Мерзебургский не встанет на их горизонте, старая песенка «о сусальной Европе и варварской Москве» будет продолжаться.

Но настоящее государство, о чем сообщают нам лишь отрывочные сведения о тех далеких временах, существовало именно у нас. Вот, например, что пишет о Московии посол Австрии Иоанн Фабр в 1528 году своему императору:

«У них самое малейшее неисполнение воли Государевой, самое малейшее отречение во всем соображается с оною, есть самый величайший позор; напротив, совершенная, безусловная покорность Государю своему есть обязанность подданного самая высшая и священнейшая, исполнение коея составляет самое первое, достославное отличие его. Посему Великий Князь, когда ему бывает нужно вести войну с Татарами, или Кафским Государем, или с кем-нибудь иным, в самое короткое время может собрать войска до 200 000 или 300 000, или сколько понадобится, так что нет другого государства, где было бы более покорности Императору своему, и где бы самая высшая и слава и честь состояли в совершенной, неизменной, безприкословной готовности умереть за Государя своего. Ибо у них только такую преданностью — и это совершенно справедливо — приобретает право на бессмертие» [345] (с. 299).

Таким образом, выясняется, что само подчинение царской власти у русского человека сидело просто в крови. И что при таком нашем уходящем в глубину веков порядке следует заявить, что мы всегда являлись единственной среди всех иных нацией

государствообразующей. Где царю испокон века было принято служить не за страх, а за совесть.

Тому имеются подтверждения эпохи, еще предшествующей Ивану Грозному, который якобы и является первым русским царем:

«Самое существенное отличие напечатанного Фабри документа от подобного рода известных документов императорской канцелярии в том, что в конце титульного обращения российский государь был назван не только “другом нашим дражайшим”, но и “**старшим братом**”; это могло значить, что первый среди католических государей монарх, “властелин половины мира” император Карл V, готов был признать старшинство над собой русского государя.

В России на этот документ, опубликованный Фабри, ни сразу, ни после не обратили внимания. В Европе его, конечно, поначалу знали, но старательно обходили молчанием, а потом предали забвению, исключив при печатании сочинение Фабри о москвитях» [347] (приложение 26).

А потому, из имеющихся на эту тему источников, и много ранее наше государство отнюдь не выглядит каким-нибудь примитивным сообществом примитивных варварских племен:

«На Любечском съезде князя клянутся “всею Землею Русской”... Даниил паломник, пробравшись в Иерусалим, возжигает на Гробе Господнем лампаду “за всех христиан Земли Русской”. Иначе говоря, у самих истоков русского государственного строительства идея национального единства — но не расового — возникает как-то сразу, как Афина Паллада из головы Зевса: в полном вооружении. Это есть основной факт нашей истории, — ее основная идея. И именно этой идеи Русь **не могла** заимствовать от Византии, — по той простой причине, что такой идеи в Византии в заводе **не было**» [176] (с. 251).

Византия же не только никогда не являлась мононациональным государством, имея на своих внутренних рынках полную разноголосицу населяющих ее народностей, но и никогда не была настоящим монархическим государством. Сама идея монархии уже изначально основана на наследовании. Однако же:

«Из ста девяти византийских императоров своей смертью умерли только тридцать пять: остальные **семьдесят четыре были убиты**» [176] (с. 252).

Вот что сообщает о системе наследования власти у византийцев арабский писатель раннего средневековья (885 г.) ибн Хордадбех:

«Царство у них не наследуется, и у них нет писаного порядка наследования. Царем у них может стать тот, кто захватит [царство], это может быть мужчина или женщина» [433] (с. 101).

Так что варварство всегда царило именно в прозападного толка цивилизациях. Одним из непреложных правил существования власти на Западе является привычка королей и василевсов садиться на трон лишь после убийства своего предшественника. Причем, не тайными силами, незаметно и скрытно, но слишком явно свергая друг друга, полностью обнажая вопиющую незаконность восходящего к власти нового правителя.

«...была ли в Византии монархия вообще? Основной, самый основной юридический признак монархии — это законное наследование престола» [176] (с. 252).

А вот каковы были у них порядочки. Во времена мирные в их империи стоял такой грабеж, что отличить войну от мира на территории, обслуживаемой их законами, было невозможно. Приск Понийский:

«Бедствия, претерпеваемые римлянами во время мирное, тягостнее тех, которые они терпят от войны, по причине жестокого взимания налогов и притеснений, претерпеваемых от дурных людей; ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дел своих, тот должен понести налагаемое законами наказание, если не умрет до решения своего дела, потому что тяжбы тянутся весьма долго и на них

издерживается множество денег... Обиженному не оказывается правосудие, если не даст денег судье и его помощникам» [355] (с. 56).

Как это их варварское примитивистское общежитие можно сравнивать с законами, в те же времена царящими на иной части планеты — на Святой Руси?

Такая вот безрадостная обстановка царила в ту пору в подвластной нашей державе соседней варварской стране. И как сложно было не оказаться в рабстве в их собственной стране бедным слоям их общества, ели сами же они о себе сообщают, что граждане их страны никогда:

«...не считали преступлением божиться ложно для спасения людей своего племени» [355] (с. 29).

И недаром именно об их последователях греках, впоследствии взявшим у ромеев власть над Византией, древним русским автором сказано:

«...лукави суть греци изначала...» [192] (с. 360).

«...грек и плут всегда считались у нас синонимами...» [219] (с. 233).

Но не только Древняя Русь прекрасно знала об этой их особенности. Еще с античных времен известно, что:

«...греки отличаются “врожденным умением лгать» (Ad Quint. fr., I, 2, 4)...» [54] (с. 112).

Вот что говорит о них же русский священник XVIII века:

«греки непостоянны и обманчивы» [388] (л. 71).

Ну и какие законы, если у них все держится на подкупах, могли этих лгунов остановить при их постоянном желании кого-нибудь надуть?

Да и сами управители, что также выясняется, то есть самые в этом обществе удачливые и богатые люди, слишком долго своей удачей также не наслаждаются. Убивают их слишком часто, чтобы и им можно было в чем-либо позавидовать.

Но почему безграмотная, злобная, извечно раскроенная на феодальные лоскутки Европа в неспособности государственного строительства обвиняла всегда именно нас — тех, кто всегда жил именно в таком государстве?

«Русскую государственную одаренность Европе нужно отрицать во что бы то ни стало, вопреки самым очевидным фактам истории, вопреки самым общепринятым законам логики. Ибо если признать успех наших методов действия, то надо будет произнести суд над самим собой. Нужно будет вслед за нашими славянофилами, а потом и за Шпенглером и Шубартом сказать, что Западная Европа гибнет, что ее государственные пути — начиная от завоевания Рима и кончая Второй мировой войной, как начались средневековьем, так и кончаются средневековьем, и что, следовательно, данный психический материал ни для какой имперской стройки не пригоден по самому его существу.

...попытки пятнадцати веков кончаются ныне возвратом к методам вандалов, лангобардов и франков» [176] (с. 273–274).

«Банальная точка зрения утверждает, что с феодализмом покончил порох... Это неверно исторически: феодализм надолго пережил изобретение пороха... дух разбоев на больших дорогах страны перешел к разбоям на больших дорогах мира... немцы двадцатого века действуют так же, как и немцы четвертого — в Риме, двенадцатого — в Византии, тринадцатого и пятнадцатого в Литве и Латвии... вообще в психологии народа не изменилось ничего» [176] (с. 279–280).

Слишком явный примитивизм в государственном устройении Запада, который духа монархизма не имел никогда и в зачатке, всегда составлял основу их отличия от нас.

А ведь варварский принцип наследования бытовал в обиходе не только у гражданских властителей Запада, но и у духовных, которые отнюдь не брезговали даже освящением царубийств:

«...патриарх Полуевкт, коронуя цареубийцу Цхимисхия, провозгласил новый догмат: таинство помазания на царство смывает все грехи, в том числе и грех цареубийства: “победителей не судят”» [176] (с. 253).

После предательского убийства Константина Дуки и его сына в 912 году в Константинополе:

«... воины отсекали головы убиенного Дуки и сына его и отнесли их к патриарху Николаю и его советникам. Патриарх щедро одарил убивших Константина и повелел носить на копье по всему городу голову убиенного, на поругание ей...» [38] (с. 408).

Патриарх поступил так именно потому, что у них так принято: таковы “их нравы”.

То есть и в этом вопросе именно наша культура выглядит православной, но уж никак не греческая, уровень которой, судя по их нравам, стоял не выше первобытных отношений каменного века. Потому говорить о нашем просвещении этими дикими народностями достаточно странно. Ведь:

«Дворцовая хроника Византии страшна и корыстна, ее политика себялюбива и коварна, ее церковь цинична и полна интриг» [142] (с. 111).

Между тем очень любопытно было бы определить национальность этой гвардии, по обычаю бабы-Яги, сажающей на пики людские головы:

«... в IX в. хазары в большом числе служили в императорской гвардии» [36] (с. 780).

Но как они, эти самые «хазары», туда попали?

Как обычно попадают в любую иную страну:

«Дочь хазарского кагана была матерью византийского императора Льва IV (умершего в 780 г.)...» [36] (с. 780).

А какую религию исповедовал этот самый каганат?

Иудаизм!

Так эта особа попала в потерявшую свет Православия страну не когда-нибудь, но аккуратно после неких событий 717 года, принесших с собой *ересь иконоборчества*, когда в действительности произошла в Византии самая настоящая реставрация язычества.

Потому больше не должна удивлять полная тождественность церковных реформ 717 года такой же реформации ереси иконоборчества уже в XX веке — в 1917 году.

Нам сейчас как левые, так и правые — все пытаются внушить: мол, ересь тогда имела своей целью придать богослужениям некие якобы бытовые лишь удобства, не более того:

«Император Лев Исаврянин, **в интересах государства**, предпринял гонения на церковь» [132] (с. 496).

И вот что им при этом производилось:

«иконы истреблялись, св. мощи уничтожались, монастыри и богословские школы закрывались» (там же).

Но и это еще не все. Вот чем эта самая “в интересах государства” произведенная реформа слишком явно напоминает действия пришедших ровно двенадцать столетий спустя большевиков:

«Особую ярость Льва Исаврянина вызывали монастыри. Обитатели превращали в казармы и ипподромы; монахов принуждали отречься от обетов; устраивались так называемые “монашеские свадьбы”: монаха и монашку связывали вместе и сбрасывали с мостов в речные стремнины. Руками иконоборцев иудеи огнем и мечом уничтожали Православие. Великая смута объяла Византию. Бедствие продолжалось почти два столетия...» [179] (с. 237).

Это творилось, между прочим, с 17-го и наиболее жестоко именно по 41-й год! Пока император Лев, наконец, не приказал долго жить...

Наш же Лев, следует тут же оговориться, после удара ледорубом ушел из жизни чуть раньше, но сотканная им паутина оказалась прорванной все в том же для этих же сил злосчастном 41-м году, когда его гвардии, засевшей в московском Кремле, обстоятельства

внезапного разгрома пограничных дивизий воспретили оказывать давление на Русскую Церковь.

И лишь эти последствия неудачно начавшейся войны, серьезно грозившие клике захвативших власть хананеев полным самоуничтожением, позволили выправить положение: русский человек вступил в смертельную схватку, победа в которой без нашей Церкви была бы совершенно невозможной. Это понимали все, даже воинствующие безбожники.

Но такие цифровые совпадения вполне естественны: *история*, что давно известно, всегда только лишь *повторяется*. А потому, ровно через 70 лет (точно, как затем и у нас), началась очередная попытка возрождения:

«...седьмой вселенский собор в Никее в 787 г. при императрице Ирине... утвердил иконопочитание» [132] (с. 496).

Но византийские революционеры, как теперь у нас — старые большевики-ленинцы совместно с перекусившимися в демократов все теми же коммунистами, еще долго ставили палки в колеса. И вот, наконец:

«11 марта 843 года, собор при содействии императрицы Феодоры провозгласил иконопочитание...» (там же).

Только лишь после этого в их греческой церкви:

«Стали употребляться колокола, свечи, фимиам, появились песнопевцы...» (там же).

И исчезли из употребления, между прочим, органы.

И вот откуда они в Западную Европу были завезены:

«По сообщениям французских хроник, в 757 г. византийский император... отправил в дар королю Пипину орган. В IX в. в западной части Европы органы строились по греческим образцам» [347] (приложение 109).

То есть мода на применение при богослужениях органов вошла в католическую церковь вместе с иконоборческой ересью Византии. И клепание греческих органов на Западе является составной частью обасурманивания их церковных порядков, которые продолжались слишком достаточный срок, чтобы они сами имели хоть малейшее представление о правильном ведении православных церковных служб.

Так что целых 126 лет никакой церкви, в смысле настоящей Христианской, в Византии вообще не существовало. И о какой там их *традиции* в этом вопросе можно не то чтобы говорить, но и просто заикаться?! Откуда им после всего произошедшего знать, как вообще требуется проводить церковное богослужение?

Именно тогда, то есть после 126-летнего перерыва, они и ввели у себя богослужение уже теперь на *греческом* языке, чего раньше не было. Но это практически то же самое, что ныне ввели националисты Украины. По «обезжиренности» эти мовы стоят друг друга, представляя собой совсем не тот язык, который дал человеку Бог.

А Православная Церковь в населенной славянами Далмации, где со II по IX вв. христианское богослужение осталось в неприкосновенной первозданности, в тот период никаких нарушений не претерпела. То же наблюдалось и на Британских островах.

Однако ж, если Англия была все же покорена несколькими вторжениями норманнов и датчан и обращена в католичество уже в XI в., то вот какая картина наблюдалась в соседней с ней Ирландии:

«С 795 Ирландия] подвергалась вторжениям норманнов, длит. борьба с к-рыми завершилась победой в 1014 в битве при Клонтарфе. Однако с 1169 вновь начались вторжения англо-нормандских феодалов...» [168] (т. 3, с. 594).

Если в Англии Православие продержалось лишь до XI в., то в Ирландии, судя по всему, оно сохранялось в незыблемости вплоть до середины XII в., а возможно, до куда как и более поздних времен.

В более же ранние времена Ирландия стала, наряду со славянской частью Балкан, одной из первых стран, принявших Православие за государственную религию:

«**Колюмбан** — галльский миссионер, род. в Лейнстере, в Ирландии в VI в., изучал св. Писание и науки в Бангорск. монаст[ыре]... с 12 спутниками отправился миссионерствовать в Галлию; здесь он добился одобрения короля Гонтрана, основал 3 монастыря... В 610 г. К[олюмбан] был изгнан в Безансон по проискам галльского клира, недовольного проповедью строгой жизни и введением кельт. устава, отличного от римского, в основанных К[олюмбаном] монаст... К[олюмбан] посетил тогда страны Нейстрию, Аустразию, Швейцарию, Ломбардию, в которых боролся с арианами — язычниками и основал монастыри. К[олюмбан] оставил в монастырях свои уставы...» [133] (с. 1417).

А ведь Ломбардия — это уже сама Италия!

То есть не латино-греки просвещали словом “серый” север, но наоборот: воспринявшие еще со II в. Православие жители далеких островов, куда не дотягивалась рука Рима-Византии, в самом центре территории империи основывали свои монастыри. И уж совершенно очевидно — отнюдь не на латинской мове они имели устав: истинное Православие не терпит искаженного СЛОВА.

Как галлы Франции, так и галлы Цизальпинской Галлии, да и упомянутой Швейцарии — все являются потомками израильских колен. Именно нашим СЛОВОМ, в своей основе, и мог быть написан устав монастырей, возводимых пришедшим с севера проповедником.

Тому же вторит и следующее свидетельство:

«...в Британии Христианство распространилось почти сразу же после смерти Христа. Живший в VI в. писатель Гилдас утверждал, что идеи Христа начали овладевать умами британцев в последний год царствования Тиберия, т.е. всего через четыре года после распятия Иисуса Христа. На металлическом винном кубке I в. н. э., который был найден у стены Гадриана, обнаружены символы раннего Христианства. Местность Гластонбери, в древности называвшаяся Гластония, особо отмечена в религиозных текстах — в частности, говорится о том, что храм здесь был еще до того, как в VI в. н. э. сюда прибыли миссионеры католической церкви» [226] (с. 107).

Что это был за храм, находящийся в православной славянской стране?

Известно дело, православный.

Но не только на Западе в эпоху раннего Христианства появляются православные храмы. Имеются сведения, что в раннем средневековье можно наблюдать:

«...широкую миссионерскую деятельность ирландской церкви у славян Моравии и Паннонии» [142] (с. 136).

А вот что сообщает нам на данную тему Татищев:

«Святой Павел как учитель язык тем же галатам, погрязшим в язычестве, и иллирианам славянам проповедовал, как сказано в Деяниях, гл. 16, ст. 6, гл. 18, ст. 23; 1-е Коринфянам, гл. 16, стих 1, и его Послание к галатам. Об иллириках Римлянам, гл. 15, стих 19, свидетельствует. Или ж Нестор, н. 17, по которому и польские историки рассказывают, якобы ученик Павлов святой апостол Андроник был в Паннонии и Моравии первый епископ... Моравия и Паннония тогда славянами были владеемы...» [184] (Гл. 3).

Все перечисленные славянские народы проживали на достаточно обширных территориях. Теперь эти земли охватывают часть Малой Азии, бывшей Югославии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехии и Словакии. Немаловажно то, что никто не оспаривает факт утверждения христианства на этих территориях уже в самые первые века нынешнего тысячелетия. Ключевский сообщает:

«...апостол Павел учил в Иллирии, где прежде жили славяне: стало быть, и славянству учитель Павел. А мы Русь — тоже славяне: стало быть, Павел и нам Руси учитель» [50] (с. 24).

«А славянское племя и русское — одно племя» [49] (с. 109).

Вот что сообщает об истории нашего крещения Рейтенфельс, историк конца XVII в.:

«Кем же именно из апостолов было научено вере Христовой то или другое скифское племя (а многие утверждают, что она был возведена Скифии и словесно, и письменно), трудно решить вследствие последовательных переселений этих племен в разные места. Я, впрочем, убежден, что св. Фаддей, память которого русские чтут особенно перед другими, а также св. Варфоломей, от которого они, по их словам, приняли многие основные положения христианства, как бы то ни было, но распространили свет Евангельский в восточной Московии, через соседние с нею народы, ибо они оба проповедовали в северной (передней) части Персии и в Армении. А то что говорится о св. Филиппе... а также о св. Андрее, который учил по обеим берегам Евксинского Понта, ...я полагаю, касается более западных русских. Сократ замечает, что в 363 году на Антиохийском соборе присутствовали и подписали соборное послание к императору Иовиану русский епископ Антипатр... в 369 году, когда св. Никет, епископ даков, обращал в христианство готов, скифов и гуннов, то большая часть московитов уже была принявшей христианство... После того же, как сей Божественный пламень... был на некоторое время заглушаем... он снова в 867 году... стал разгораться, когда во времена Рюрика, русского князя, император константинопольский... отправил архиепископа к русским» [410] (гл. 18, с. 364).

Так что первохристианство совершенно очевидно прослеживается и на наших русских землях. Вот чем увенчали киевляне захоронения мощей предательски убиенных Олегом наших русских православных князей — Аскольда и Дира, в историях историков якобы являвшихся язычниками:

«...на могиле Аскольда поставили церковь св. Николая, на могиле Дира — церковь св. Ирины» [2] (с. 63).

Однако не они стали первыми мощами святых на нашей земле:

«...мощи св. Сергия и Германа должны были быть открыты в древнее время, так как в 1050 году они переносимы были из Валаама в Новгород уже в третий раз!» [18] (с. 401).

Так сколько *веков* прошло с момента их обретения?!

То есть даже мощи святых, именно в нашей земле прославленных, имеются. И имеются давно. А вот самой Церкви, без которой их появление совершенно немыслимо, еще нет...

Но из хранящейся на Валааме “Оповеди” следует, что предания:

«...называют Сергия одним из апостольских учеников, посетившего Валаам, где крестил между язычников и Мунга, которого эти легенды предполагают быть Германом» [18] (с. 403).

Такое свидетельство вполне согласуется с тремя переносами мощей, которые были вызваны опасностью вторжения на наши земли безбожных неприятельских орд.

То есть, казалось бы, наша земля к тому времени уже давно должна была быть просвещена, и ни о каких язычниках речи идти не должно. Но вот как неоднозначно выглядела сложившаяся тогда ситуация:

«В рукописном житии св. Авраамия Ростовского видно, что обитель Валаама имела уже в 960 году игумена Феоктиста. Именно Феоктист окрестил будущего просветителя Ростова, свергнувшего идол Велеса при озере Неро и основавшего на том месте Авраамиев монастырь» [18] (с. 403).

Но и о свержении Перуна в воды Волхова мы тоже наслышаны. А еще, по крайней мере, веком ранее в одном из районов огромного Новгорода с этим идолом совершенно непонятным образом соседствовали христианские храмы:

«...в начале X века в Новгороде, в Неревском конце стоял храм и жила христианская община» [18] (с. 419).

Концов же этих было всего четыре. И размеры этой самой общины можно себе представить, уяснив, что сам Новгород в те времена был 30 км в диаметре. То есть это даже не десятки, но, как минимум, сотни церквей! И это лишь во владениях одного из *концов*, о котором известно доподлинно.

Теперь возвращаемся вновь к югу страны. Татищев свидетельствует:

«в Киеве задолго до Владимира и до пришествия Олегова в Киев церковь была и христиан много было, о чем в части II, н. 131 и 140, а также Иоаким о нем и княгине Ольге, гл. 4, н. 31, 32, 36...» [184].

Но и не только в Киеве сегодня обнаруживаются следы христианства:

«В Приазовье, на северном берегу Черного моря и в верховьях Дона обнаружены археологические следы христианских общин, относящихся к I в. по Р.Х.: “Находки четырехугольных каменных евхаристических жертвенников-престолов, штампов для просфор с символическим изображением креста, комплексов из 5 (в Херсонесе) и 6 (в Танаисе) светильников (которых первоначально было по семь, и они составляли семисвечник) в подземных помещениях ясно свидетельствуют о существовании в этих античных городах христианских общин, совершавших тайные евхаристические собрания. Одна из этих «Сионских горниц» (в Танаисе) была разрушена при работах по реконструкции городской стены, точно датируемой последними годами I века” (Архимандрит Никон (Лысенко). Святой апостол Андрей Первозванный и его апостольские труды // Интернет-публикация). А в Курске найдены подвески с христианской символикой, датируемые V–VII вв.» [69](с. 338–339).

Так что одни источники повествуют о катакомбных христианских церквях, другие позволяют предположить об имеющемся у нас Христианстве, как о государственной религии.

Эта некоторая запутанность объясняется несколькими переселенческими волнами русского населения с территории Руси Древней на нынешнее наше место обитания. Мало того, факты истории подтверждают множество нашествий басурман. Однако народ всегда возвращался к вере своих пращуров, что позволяло всем смутам и революциям заканчиваться одинаково: ниспровержением богомерзких идолов, каждый раз лишь на короткий срок расставляемых на нашей земле язычниками.

И сегодня наблюдается полная аналогия событиям тысячелетней давности: не все идолы убраны с улиц страны городов. Многие из них со своих революционных пьедесталов продолжают нависать над Русью, лишь совсем недавно начавшей возвращаться из эпохи идолопочитания. Продолжает функционировать и главное языческое капище полонивших нашу страну на 70 лет ваалопоклонников: мавзолей на Красной площади.

Только вот, будем все же справедливы, никому теперь не взбредит заявить, что этот идол-де наш родной, исконный, чуть ли не «святоотеческий».

Так почему ж про Перуна да Велеса заявили? Кто придумал, что русский человек в X веке сидел на дереве, с которого-де сняла его эта безграмотная заграница?

Сходство поклонения Ленину и Перуну подтверждает забытая, а потому вновь повторившаяся с нами история с повсеместной установкой идолов. Эта легкомысленная забывчивость обошлась нам снова недешево. Может, все-таки стоит усвоить уже пройденный урок и прислушаться, наконец, не к выдумывающей нам истории загранице, а к голосу здравого рассудка?

Запад, что и понятно, не хочет признавать за нашей цивилизацией право считаться древнейшей на планете. Не желает сознавать, что именно мы всегда являлись центром того древнего мира. Однако же:

«Если США истребляли в свое время индейцев и завозили рабов из Африки, так ведь это приходится признать, хоть это и не очень приятно. Однако без этих неприятных фактов история данной страны становится непонятной. Точно так же если Европа начнет обнаруживать у себя следы русской цивилизации и научится читать русские тексты на археологических памятниках, то узнает многие подробности собственной истории — с русским происхождением ее культуры тоже ничего не поделаешь, что было, то было. При современных методах коммуникации ни опорочить, ни замолчать факт русского приоритета при всем желании нельзя.

В свое время США признали факт своего поражения во вьетнамской войне, некоторое время их руководство привыкало к данному неприятному факту, и, осознав его, двинулось дальше. Европа, поняв абсурдность неприятия всех следов пребывания русской культуры на своей теперешней территории, поймет, что она тоже на определенный процент — русская, и, пережив этот факт, сможет развить свою историографию до новых высот. Горькая правда лучше многовековой лжи — особенно теперь, когда результаты археологических раскопок и надписей на них утаить никак нельзя» [86] (с. 27).

И вот, что не может не радовать, все же начинает проясняться история существования у нас по тем временам огромного государства. Вполне официальный источник, Институт военной истории МО РФ, на эту тему повествует:

«Древнерусское государство (IX–XII вв.) было крупнейшим государством Европы того времени» [170] (с. 8).

А такое признание, следует заметить, официальной исторической науке было выдавить из себя слишком непросто.

Но что все же не позволило ей оставаться глухой к подтверждениям нашего несомненного над границей превосходства?

Слишком большое количество аргументов, которые продолжать скрывать не просто невозможно, но и невообразимо глупо. Определим теперь центральные из них.

Русское искусство каменного зодчества, например, вдруг объявившись “ниоткуда”, сразу же превзошло, по утверждению Олега Платонова, византийское, чье искусство ваяния упирается в тысячелетия.

Удивительно и наличие у нас церковных колоколов, неведь откуда взявшихся практически с самых первых дней крещения Владимиром. А между тем:

«Искусство звонить в колокола зависит от большого навыка звонить в них... Нигде нет такого большого звона, как в России... было время, когда у нас в некоторых церквях звонили по нотам...» [389] (гл. 1).

Но и культура их отлития и размеры своей мощью просто подавляют современные им западные образцы: «У нас колокола упоминаются начиная с XI в... начиная с эпохи Бориса Годунова колокола принимают грандиозные размеры, таков Царь-колокол, 12 257 п. весом, Троицко-Сергиевск. колокол, 4 000 п. весом и др.» [133] (с. 1409).

И если самый грандиозный за всю историю колоколов гигант, пострадавший от московского пожара, теперь находится в бездействии, поставленный на гранитный пьедестал в виде памятника, то колокол Троице-Сергиевой лавры с высоты грандиозной колокольной оглашает своим благовестом окрестности на многие десятки километров и по сию пору.

А ведь он вдвое тяжелей самого могучего колокола Западной Европы! Царь-колокол, соответственно, — в 6 раз. А ведь это 196 тонн!

Причем, колокола такого грандиозного веса у нас отливали вовсе не для музейного показа в качестве экспонатов. Вот что сообщается об одном из таких колоколов, висящих рядом с колокольной Ивана Великого в смутные времена. Самуил Маскевич:

«Недалеко от этой церкви есть колокол, вылитый для одного тщеславия: висит он на деревянной башне, в две сажени вышиною, чтобы тем мог быть виднее; язык его раскачивают 24 человека» [455] (с. 59).

Каков был вес еще и этого гиганта?

Вот что, судя по всему исключительно о нем, сообщает швед Кильбургер, посетивший Россию в 1674 г.:

«Здесь они льют пушки и колокола. У них есть несколько мортир необычайной величины и колокол, который, без сомнения, величайший во всем свете. Он вылит одним русским мастером в 1654 году и только в марте 1674 года поднят и повешен близ большой церкви и (колокольной) Ивана Великого посредством двух новопостроенных очень высоких столбов и хорошо выдуманного рычага... Вес приблизительно 11 тысяч пудов,

язык длиной 22 фута, а весу полагается в полтора картауна, что составляет 440 пудов» [466] (с. 361–362).

То есть язык именно этого колокола, что весил 7 т, и раскачивать могли совместно аж 24 человека. Вот что о весе этого колокола сообщает посетивший Москву в 1659 г. датский посол Андрей Роде:

«Недалеко от дворца, по правую руку, стоит огромный колокол, единственный в своем роде на всю Европу. На него пошло 8 750 с чем-то пудов меди...» [477] (с. 290).

Это 140 тонн! И колокол этот оглашал своим звоном окрестности Москвы на протяжении нескольких десятилетий. Но впоследствии удалось отлить и еще на 56 тонн более грандиозный колокол. Так кто, на поверку, являлся все-таки истинным мировым лидером в литейном производстве — мы или заграница?!

Так что и по части данного атрибута церковного богослужения мы предстаем отнюдь не в качестве прилежных учеников Запада, но исключительно в роли законодателей в этой области. Обнаружение же историками появившихся вдруг откуда-то из небытия на колокольнях наших церквей колоколов сразу после Владимирова крещения — это лишь маленький штришок к беспочвенности очередного мифа о наших заимствованиях и подражаниях.

Между тем сегодня вовсе и не секрет, что основы нашей металлургии упираются в седую древность:

«В Древней Руси в первую очередь обособилась от земледелия такая отрасль как металлообработка. Основными центрами добычи и обработки железа являлись регионы: Старая Ладога, Черниговское Полесье, Волынь, Белозерье, Владимирщина и другие» [170] (с. 9).

Об этом, что удивительно, мы как будто бы раньше вовсе и не знали, приписывая доставку к нам металла скандинавами, у которых по тем временам, между прочим, и городов-то не было. Потому: кто бы этот металл изготавливал? Крестьяне, что ли?

Но нас они именовали исключительно *страной городов*. Потому мы их и могли снабжать металлом, а уж никак не наоборот!

Вот и еще достаточно удивительный факт, указывающий на беспросветное невежество утверждения, когда слово “русь” пытались вывести из скандинавского слова “весло”:

«Ладейный флот руссов являлся неотъемлемой частью их боевых сил и имел свои особенности. Поэтому нет оснований утверждать, что Русь заимствовала искусство мореплавания у скандинавов, равно как и государственность» [170] (с. 23).

Вообще, что касается водной стихии, лишь мы во всем враждебном нам мире, испокон веку, использовали воду и как средство гигиены, и как средство обеспечения продуктами питания, и как средство защиты, и как средство для перемещения грузов. Никто кроме нас в древности этим искусством не обладал (подробно см.: [73] (4-й тираж, дополненный [готовится к печати]) и [76]). Достаточно лишь упомянуть о наших гигантских кораблях, ходивших по Каме и Волге, которые в 8 раз своим водоизмещением превосходили каравеллы Колумба, практически в те же времена отправившиеся покорять Америку.

А вот и еще удивительное подтверждение того, что мы, ко времени нашего крещения, были уже очень и очень давно крещены. Мало того, была давно отлажена система церковных отношений:

«**Клиросы** — сперва главные помощники епископов в управлении епархией — духовенство (“клирошане”), состоявшие при кафедральных церквях и соборах... упоминаются впервые под 988 г., причем это был церковный институт истинно русский, а не перенятый с крещением у греков...» [133] (с. 1371)

То есть давно работающий *институт* при наличии в столице минимум 700 действующих церквей есть, а самой Православной Церкви как будто бы и нет. В том же источнике сообщается о наличии этого *института* на момент крещения не только в стольном граде Киеве, но и в:

«Новгороде, Берестове, Вышгороде, Владимире-на-Клязьме, Ростове, Смоленске...» [133] (с. 1371).

И снова — то же самое: структура Церкви имелась, но самой Церкви, как нам сообщается, якобы и в самой природе пока не существовало!

Что за вздор! Еще раз уточним:

«...причем это был церковный институт истинно русский, а не перенятый с крещением у греков...» (там же).

Но не только духовная, но и светская власть выглядела вполне сложившейся еще со времен царя Давида, узаконившего взаимоотношения между двенадцатью коленами Израилевыми:

«До X в. на Валааме была своя монета и законы каких-то двенадцати князей!» [18] (с. 401).

Каких?

Тех самых, которые ушли из Ассирийского пленения еще в VII в. до Р.Х. и вскоре появились в пределах наших исконных земель. То есть «Русская Правда» Ярослава — это, судя по всему, уже много раз переработанный закон этих князей, ушедших некогда из плена и расселившихся по всей Европе.

Так что и законы у нас некогда бытовали самые совершенные, данные Самим Богом...

Причем, имеются уже и сведения об этих бытовавших у нас законах и более четкие — времен Екатерины II. Феодор Туманский вот что на эту тему сообщает (1788 г.):

«Было древнее Русское уложение, доказывающее бытность в России письмен, хотя первоначальное изобретение букв славянских и приписывается Святому Кириллу Философу. Все договоры, которые сохранили нам наши летописцы, упоминают о законах Российских» [222] (с. 5).

Так что в бытность полного европейского варварства у нас в стране давно существовали писанные и всеми исполняемые законы.

Следующим подтверждением навешенной на нас историками-германофилами лжи является наше церковное пение. Самым чудесным напевом, поражающим воображение даже неспособных к пониманию музыки людей, является напев, уходящий корнями далеко за пределы тех временных рамок, которыми историки ограничили начало нашей русской истории. Это песнь “Херувимы”. Кто ее слышал в достаточно компетентном исполнении, тот непременно ощутит, что действительно побывал на небесах.

То, что мы являемся законодателями в области музыки, подтверждает даже энциклопедический словарь:

«**Нотные книги** — богослужебные книги, предназначенные для пения... Н[отные] книги появляются в греческой церкви в XIV в., а в русской в XI...» [133] (с. 1681).

То есть у Константинополя церковное пение по нотам появляется лишь перед самым его смертным часом, а у нас, напротив, — вместе с крещением. Однако ж, на поверку, в церковном пении мы не просто законодатели, но и до сих пор не превзойденные никем исполнители.

А вот и паломничество наше от даты, придуманной для нас официально, не отстало ни на час:

«В России п[аломничество] в Святую Землю началось в XI в...» [133] (с. 1751).

Но имеются сведения о массовых паломничествах в далекий Иерусалим еще при жизни самого крестителя:

«Известная былина о хождении во святой град Иерусалим “сорока калик с каликою” относит первые русские паломничества еще ко временам святого князя Владимира» [18] (с. 301).

То есть, как окрестили, так все толпами якобы сразу и рванули в этот город Иерусалим, им совершенно неизвестный и находящийся за тремя морями.

Что за глупость! Крепость веры — это крепость традиции, и лишь достигшие ее высот способны на подобное.

Однако к тому времени, процветала не только паломническая деятельность, но и русские монастыри:

«**Наши соотечественники появились на Афоне еще до крещения киевлян...**» [17] (с. 23).

Мало того:

«**...в 1016 году под актом монастыря Ксилургу стоит подпись “монаха Герасима, пресвитера и игумена обители Русской”**» [17] (с. 23).

К временам пресловутого крещения Руси даже на самом Афоне уже давно функционировали наши монастыри! Чего ж еще-то? Неужели недостаточно аргументов, чтобы не просто поставить жирный знак вопроса на немецкой версии о нас, но ответить на него вполне убедительно и определенно?

Интересен и еще один факт: на этом якобы исконно греческом Афоне:

«...стопа первокрестителя Руси апостола Андрея находится именно в нашем монастыре» [17] (с. 24).

А вот и еще неоспоримый факт нашего крещения Андреем Первозванным. О нем не смеют не упомянуть даже самые еще первые изобретатели нашей нынешней всеми всеобщее употребляемой теории о некоем крещении Руси князем Владимиром. Это самые еще первые масоны, с помощью тайных организаций забравшиеся к управлению подножия Престола господня — Святой еще в ту пору Руси:

«Посмотрим, как крещение Руси описано в канонических церковных книгах первой половины XVII в. Возьмем “Большой катехизис”, напечатанный в Москве при царе Михаиле Федоровиче Романове и патриархе Филарете в 1627 г. В этой книге есть особый раздел “О крещении русского народа”. Оказывается, что крещение Руси описано здесь совершенно иначе, чем мы привыкли думать. “Катехизис” утверждает, что было четыре крещения Руси:

— Первое — от апостола Андрея» [321] (с. 188).

Вот почему именно в нашем монастыре хранится его стопа.

Потому не упомянуть о нем Романовы просто не могут. А в данной гипотезе лишь приписывают к его деяниям и еще несколько так называемых «крещений», являющихся, возможно, лишь вехами попыток перекрещивания Руси в манихейство и арианство, гностицизм и ересь жидовствующих.

Но имеются ли упоминания о нашей духовной традиции до выхода в свет данного изобретения патриарха Тушинского вора — некоего «катехизиса», имеющего своей целью навести в сознании русского человека «тень на плетень»?

Да, конечно же имеются. Вот, например, что пишет шведский посланник в Московии Петр Петрей, еще не ознакомленный с новой версией Романовых на тему истории крещения Руси:

«...москвитяне, по ясному известию своих летописей, держатся того мнения, что получили свою веру... еще во времена апостольские, и думают, что св. апостол Андрей прибыл рекою Днепром из Греции, плыл по этой реке вверх до самого того места, где находится теперь многолюдный город Киев, научил там творить крестное знамение, проповедывал слово Божие и добрые дела и предсказал, что **Бог благословил эту страну возрастить Его истинную веру...**» [262] (с. 439).

И в доказательство тому — мы искони, то есть насколько хватает народная наша память, именовали свою страну не иначе как *подножием Престола Господня!*

Англичанин Джером Горсей, побывавший в Московии во времена Ивана Грозного, вот что сообщает о вероисповедании этого Русского Царя, при дворе которого он прожил 20 лет:

«Он и его предки приняли древнейшие правила христианской религии... от св. апостола Андрея и их покровителя св. Николая» [462] (с. 92).

Так что даже более чем явный наш недоброжелатель, издевающийся над Русским вероисповеданием, никак не может обойти стороной этот слишком очевидный факт.

А вот что значит еще полустолетием ранее появления в Москве Горсея в послании Австрийского посла Иоанна Фабра (1528 г.):

«...Москвитяне исповедуют Христианскую Веру, которая, говорят, первоначально была возведена им Святым Апостолом Андреем, братом Симона Петра. Все догматы веры и постановления церковные, принятые и утвержденные 318-ю Отцами на первом Вселенском Соборе... и все возведенное Василием Великим и Иоанном Златоустом, почитают они столь Святым, непреложным и чистым, что от того, как и от Евангелия Иисуса Христа, никто доселе не смеет отступить ни на одну йоту» [346] (с. 48–49).

И вот как объясняет он финансовую помощь, которую Россия оказывает завоеванному турками греческому патриарху:

«Российский Император, как верный сын Церкви, и доселе каждый год посылает богатую милостыню... Великий Князь Московский почитает для себя нечестьем оставить без внимания Того, Кто правил толиком числом Церквей и от Коего приняли Веру столь многочисленные и обширные области» [346] (с. 50–51).

Кто, интересно бы знать, порешил считать эту милостыню каким-то якобы намеком на нашу от греков когда-либо бытовавшую зависимость? Что за глупость?

Но и не только мы сами прекрасно помнили о своем крещении еще апостолом Андреем. Церковный историк Макарий, например, приводит в доказательства тому христианских писателей древности:

«...Тертуллиана (ум. около 220 г.), Оригена (ум. в 254 г.), Афанасия Александрийского (ум. в 373 г.), Иоанна Златоуста (ум. в 407 г.), Иеронима (ум. в 420 г.)...» [321] (с. 193).

Происходило же все это действие, правда, вовсе не на нашей нынешней территории, но на месте расположения той еще Древней Святой Руси, что территориально находилась на Ближнем Востоке...

А о золотых куполах здесь и упоминать излишне — это у нас в крови. Именно СЛОВО нашего Бога, глубоко в нас укорененное на генетическом уровне, не позволило марксистам-ленинистам за семьдесят лет из народа-богоносца выковать народ-богоборец — раввинский *голем*.

Однако ж СЛОВА в распоряжении ромеев-греков не оказалось. Потому и восприняли они на эти же семьдесят лет религию захвативших у них власть революционеров Хазарии. Именно хазарские боги весь этот период полностью препятствовали ходу богослужения Богу нашему.

Так как же они назывались?

Исключительно с именем Ваала (Бела) связано название главного города Хазарии — Белая Вежа:

«**Вежа** — (*др. рус.*) = подвижная палатка, употреблявшаяся у кочевых народов во время их передвижений» [36] (с. 69).

Про Бела сказано:

«...идол Аккаронский в Палестине... отгонял мух... почитали его и за целителя недугов [4Цар 1, 2]. У Матф. 12, 24 и Лук. 11, 15 называется он князем бесовским» [36] (с. 69).

Он же:

«**Вельзевул**... — ...означает сатану или главу злых демонов и духов... “**бога навоза**” и **всякой нечистоты и грязи** (где и водятся всегда мухи и размножаются). Он считался главным виновником мучительной болезни бесноватых» [138] (с. 131–132).

Что и указывает на полную связь пролегающего через мавзолей Ленина и пергамского Асклепия (Эскулапа) пути в самый древний храм — к божеству этих идолопоклонников:

«**Вавилон** = столичный город Халдеи... Храм Бела (Ваала) представлял четырехугольную башню...» [36] (с. 66).

«**Вавилония** — по евр. **Бабель** или **Ерец Бабель**... в древнее время Вавилония особенно славилась своей **магией**...

Боги вавилонян представляют собою... духов, борющихся из-за власти над миром. Им строились великолепные храмы и приносились различные жертвы, не исключая человеческих...» [138] (с. 125).

И вот кто являлся историческим противником этого города, спрятавшегося за циклопических размеров стеной, применяющего к своим жертвам ритуальные убийства:

«В 689 г. до Р.Х. Вавилон был до основания разрушен ассирийским царем Синахерибом, потомком Сима и Асура» [69] (с. 56).

То есть потомком Руссы — второго сына Сима — патриарха человечества, счастливо избежавшего участия в Вавилонском Столпотворении.

Вот за игнорирование данного мероприятия, то есть за нежелание участвовать в построении храма для встречи антихриста, так всегда и был ненавидим потомками Хама, хамами, этот Русса, предок русских, хитроумно замаскированный позднейшими книжниками в никому непонятного Асура. А между тем именно:

«Вавилонские цари-богоборцы Нимрод и Навуходносор стали прообразами последнего и величайшего в истории человечества богоборца, описанного в Апокалипсисе Иоанна Богослова — антихриста, который, по Библии, придет перед концом света, чтобы объединить разобщенные вавилонским смешением языков человеческие племена в единое всемирное государство, провозгласить себя его царем и богом, поработить всех людей, заклеймить их числом 666 и вступить в Армагеддон — последнее сражение с Господом. То есть, достичь той цели, к которой стремился Нимрод» [69] (с. 57).

Еще раз определим расовую принадлежность хамитов:

«...первоначальным населением Вавилона были кушиты... ветвь хамитского племени» [138] (с. 126).

То есть потомки Хуса, чей сын Нимрод, инициатор строительства Вавилонского капища, приведшего к мутации принявшего в его строительстве человечества, является первым масонским гроссмейстером.

«Адам Бременский в Истории эстландской, с. 58, и Гельмольд, кн. I, гл. 1, пишут: “Задолго назад Руссия веру приняла... От каких же они учителей в веру обращены, о том мне неизвестно, разве что во всех обрядах более грекам, нежели римлянам последуют...”» [184] (Гл. 17).

Иоанн Грозный несколько поправляет западных средневековых писателей, слишком мало сведущих в отличии Русского вероисповедания от всех иных. И сообщает, что мы в вопросах веры не следуем кому-либо, но всегда являемся именно законодателями. Вот какими словами он отменяет все доводы латинского посла Поссевина о некоем якобы равенстве вер — нашей и их:

«Ты говоришь, что ваша вера Римская с Греческою одна: но мы держим веру истинную Христианскую, а не Греческую; Греческая слывет потому, что еще пророк Давид пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия все равно, что Византия...» [110] (с. 224–225).

Очень точное сравнение: даже чисто этнически — и те и другие, как теперь выясняется, — *негры*.

То есть называть нашу веру греческой, как считал Иоанн Грозный, — это все равно, что называть ее верой *эфиопской*! И все потому, что Иван Грозный, судя по этому его высказыванию, был совершенно незнаком с текстом “Повести временных лет”, предоставленным нам учеными немцами, которые перекроили на свой лад десяток вариантов документов, некогда собранных Татищевым.

Вот что далее сообщает латинскому послу наш грозный для врагов Отечества Царь: «Мы уже с самого основания христианской церкви приняли христианскую веру, когда брат апостола Петра Андрей пришел в наши земли, [затем] отправился в Рим...» [327] (с. 79).

То есть не только ранее греков, но и ранее римлян мы получили свое теперь исконное вероисповедание — Православие. А потому:

«Греки для нас не Евангелие... мы получили христианскую веру от апостола Андрея и с тех пор доселе мы соблюдали ее нерушимой» [88] (с. 68).

«...мы в Московии получили христианскую веру в то же самое время, что и вы в Италии. И храним мы ее в чистоте, в то время как в римской вере 70 вер...» [327] (с.79).

Знал он, несомненно, и о наших древних корнях, прекрасно ориентируясь при этом, откуда Древняя Русь перекочевала на территорию нынешней Руси:

«Иван Грозный отчетливо понимал, что русская конфессиональная линия идет... даже не от древней Византии, которой мы были прямыми наследниками, не от Андрея Первозванного, крестившего Русь, а еще с более ранних времен русской ветхозаветной истории. В результате фальсификации древней истории сегодня доминирует представление о том, что Россия только в VII–VIII веках преодолела рубеж дикости, и только после брака с Софьей Палеолог получила право на византийские великокняжеские регалии. На самом деле это не так: **Россия — прямой наследник Византии и Израильского царства**» [66] (с. 165).

И его столичного святого города Иерусалима, находящегося территориально, как это теперь странным не покажется, в Африке (см.: «Тайные маршруты Древней Руси» издание 3-е дополненное).

А вот что сообщает о нас иностранец, в ту пору еще не ознакомленный с удивительнейшими историями по русской истории, которые наплетут впоследствии о нас его же соотечественники. Барон Мейерберг в своем дневнике за 1683 г., будучи в Москве, писал, что наша страна:

«...Россию назвалась от Великого Князя Рюрика, пришедшего из России [то есть той самой территории, которая находилась за морями на Ближнем Востоке (а еще ранее — в Африке), и которую мы именуем сегодня, не понимая ее истинной истории, Древняя Русь — А.М.]. Первый великий князь в России был племени Августа, ибо и по сие время Цесарями подобно Августу называются [*це Сарь* — А.М.]; и прежде Ивана Васильевича, о котором говорит Гомий что он первый принял название Царя, уже были Цари. Я прибавлю к сему, что в Славянской Библии Давыд назван Царем...» [378] (с. 369).

То есть немец, ознакомившийся не с писаной в то время историей по нашей истории, но с настоящим ее ходом из источников, почерпнутых в то время в самой Москве, сообщает, что Иван Васильевич вовсе не был первым нашим Царем. Но лишь принял власть по родословной своей, которая лишь единственная давала ему право на Царство, от Рюрика, Августа и Давида, что также выясняется, — Русского Царя древности — Давыда.

Вот еще слишком характерно сказанному звучит фраза из «Казанского летописца», где указывается родословная татар и родословная наша:

«...отъ праотець своихъ благословени быша они же, ото Измаила [агаряне — дети служанки Агари — А.М.] и отъ Осава [Исава, отдавшего первородство за похлебку (сарацины — дети Сары) — А.М.] прегордного, питатися оружіемъ своимъ; мы есмь отъ кроткого и смиренного праотца нашего Якова, темъ силно не можемъ противитися имъ и смиряющися предъ ними, яко Яковъ предъ Исавомъ, и побеждаемъ ихъ оружіемъ крестнымъ» [441] (гл. 15).

То есть летописец сообщает совершенно открытым текстом, что мы выводим свою родословную (которую уж как мог не знать самый грамотный на земле народ?) от Иакова — прародителя колен Израилевых. Потому-то и Царь Давыд для нас — Русский наш Царь.

Подводя итог всего вышеизложенного, звучит вопрос:

«Наверное, не случайно то, что Иван Грозный так часто называет русский народ “Народом Израиля”?» [66] (с. 373).

Не случайно. Что подтверждается и веком позже правления Ивана Грозного, когда слишком отчетливо выявила свое мнение о наших корнях оппозиция реформам царя Алексея, сегодня почему-то поименованных никоновскими:

«Не России надо учиться у греков и уж тем более у латинян, а греки и все остальные православные народы, исказившие свою веру под гнетом мусульман или владычеством римского папы, должны обращаться к России как к образцу православного благочестия» [124] (с. 174).

Так что наше древнерусское церковное общество вовсе не случайно считало:

«...себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание Божества исключительно правильным, Творца вселенной представляло своим собственным Русским Богом, никому более не принадлежавшим и неведомым, свою Поместную Церковь ставило на место Вселенской... оно и свою местную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религиозное понимание нормой и коррективом богосведения» [219] (с. 239).

Так что нас крестил, что из всего вышеизложенного следует, даже не Андрей Первозванный, но еще сам Иоанн Креститель. Потому именно мы и никто другой являемся законодателями и в области духовной. А главное, именно наша преемственность апостолам объясняет и нашу правоту вероисповедания, и по сию пору не знающего никакого порока.

И вот еще интересно: ношение Креста, как выясняется, является исключительно нашей традицией. Еще во времена Никоновских реформ было отмечено, что:

«Даже видные духовные лица из греков были плохими христианами: не носили на себе натальных крестов...» [88] (с. 71).

«Греки крестов на себе не носят...» [388] (л. 70 об.).

«...греческие “учители” сами лба перекрестить... не умеют и без крестов ходят; им самим следовало бы учиться благочестию у русских людей, а не учить последних» [219] (с. 253).

Но и латиняне никаких крестов на себе не носили, во всяком случае, включая времена Иоанна Грозного. Итальянец Алессандро Гваньини, например, долгое время живший в Литве, сильно удивляется этому нашему обычаю:

«В знак некоего таинства они носят на шее кресты» [427] (с. 439).

О несомненном отличии нашего вероисповедания от всех иных сообщает и Татищев, также не ознакомленный с изобретениями своих в области истории России последователей:

«Кресты на шею класть нигде у христиан, кроме Руси, не употреблялось, но кто узаконил, нигде не нахожу» [184] (гл. 4).

А вот что говорится о полном отличии интерьера иных церквей от нашей:

«...на Руси был введен иконостас, отделивший сплошной живописной завесой алтарь от основного интерьера храма. Нигде, ни у одного народа до сих пор не встречается иконостаса в таком его развитии, как в России» [177] (с. 57).

У греков же икон нет даже в их домах:

«в хоробах у них икон нет» [388] (л. 70 об.).

Вот еще признаки греческого обасурманивания:

«Головы всё бреют — то от турок взяли... в шапках в церквах Богу молятся, друг со другом на улице в шапках кланяются, во отход с кувшинцами ходят да и афедроны моют — всё то по-турски дѣ лают» [388] (л. 71).

А вот какой список несовпадений нашего и греческого богослужений предъявляет путешествовавший в Иерусалим через Стамбул в 1701–1703 гг. московский священник Иван Лукьянов:

- «1. Греки в крещении обливаются [то есть крестятся не с погружением — А.М.].
2. Крестов на себѣ не носят.
3. Неистово крестятся: ни на чело, ни на плеча не доносят...
4. В церквахъ стоят в шапках, как молятся, не скидывают; а стоят в стойлах гордо, искривя бок, и глядят ни на иконы, но на стену.
5. Служат на одной просфире, и то на черствой; а мирския у них, не говея, причащаются.
6. Патриархи, митрополиты и вси духовныя играют в карты и в шахматы.
7. Патриархи и митрополиты табак пьют [турецкий кальян — А.М.] и в грѣх того не ставят.
8. Патриархи, и митрополиты, и попы усы подбривают и гуменцов себѣ не простригают, но нѣ како странно снизу кругом голову подбривают до полголовы, а иныя сопреди подбривают, что абызы турецкия; да знать, что с тех переводов так дѣлают, у них научилися.
9. Всякия гадины и ползающии в водѣ ядят и в Великой пост.
10. Простолюдины и бабы ходят сквозь царския врата в олтарь, и затворяют бабы; а кадят простолюдины, и когда идет с переносом поп, а мужик идет перед попом да кадиллом махает на “Святая”.
11. Греки, когда за трапезу садятся, то все сидя “Отче наш” говорят; и после обѣда “Достойно есть” все сидя ж говорят.
12. Евангелие чтут в церкви, оборотятся на запад.
13. В свечи у них воск мѣшают с салом да смолою, а воск бѣлый; ино когда свечи горят, зѣло тяжко необыкновенному человѣку стоять; а щипцов у них не держат: когда на свече нагорит светилна, тогда сняв свечу с подсвѣшника да наступит ногою — так и оторвет свѣтилу. Страшно, пощади, Господи!
14. Часов пред обѣдом не поют, развѣ обѣд не будет, то поют.
15. Патриарх греческой церкви в откуп отдает погодно по 100 и по 200 талерей; а кто болши передаст хотя талерем, тому и отдаст» [388] (л. 73 об.—74 об.).

А еще вот какое от нас отличие. Как умрет патриарх, так греки стремятся побыстрее отправиться к турецкому султану, который выбирает преемника в патриархи этой греческой церкви исключительно за деньги:

«кто болше даст, того салтан и в патриархи поставит и даст ему письмо к паши в Царьград... а своими митрополиты оне не ставятся» [388] (л. 75—75 об.).

Вот еще деталь, говорящая даже не о различии этих вер, но о том, что веры эти две, Русская и греческая, разные:

«А патриархи и все духовныя власти рукою никого не благословляют, толко руку дают целовать убогим, а богатые греки и сами их рук целовать гнушаются...» [388] (л. 76).

Так что буквально все говорит о том, что мы уж никак не могли в чем-либо наследовать грекам, у которых вообще все по-другому. Даже благословение старцев, которое на Святой Руси вообще в центре всего богослужения, у греков отсутствует напрочь. Православные ли они?

Они во всем несходны нам. И ближе к католикам. Но и к XVIII веку, когда церковь нашу решили именовать «греческой», у этих самых греков, что выясняется, никакой с нами единой церкви на самом деле не было. Потому продолжение именования нашей церкви некой такой якобы греческой является делом просто невозможным. Ведь вражеский заказ на наше безпамятство здесь выглядит уж слишком явственным, чтобы хоть на сотую долю, после всего нами перечисленного, можно было этой странной истории с крещением продолжать верить. Уж здесь-то сказочка о некоем городе Глупове расширяется о просто железные аргументы наиболее отчетливо.

И вот самое-то во всем нами разбираемом вопросе интересное:

«Создатель славянской азбуки — Кирилл, задолго до того, как им была создана эта азбука, находясь проездом в Крыму, в Корсуни (Херсонесе), видел у одного русского Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами» [29] (с. 73).

И он эти священные христианские книги у русского человека не просто видел, но и приобрел их!

Так что в довесок к нашим: колоколам, иконостасу, нательным крестам, нотным книгам, сложившемуся клиру, уходящему в неизвестную даль чудесному церковному песнопению, древними мощами святых, паломничеством на святую землю и имеющимся монастырям на Афоне, а также колоссальному количеству храмов только еще в самом лишь Киеве — следует присовокупить еще одну немаловажную деталь. Это *наличие богослужебной литературы!* И наличие ее именно в тот самый период, когда в самом Константинополе всю свирепствовала ересь, переориентировавшая их богослужение с латинского, как утверждается, на эллинское наречие, ранее в качестве богослужебного языка никем не применяемое.

Однако же, что лишь и соответствует какому-либо объяснению, богослужение перешло на греческий язык вовсе не с латинского, а с русского!

И такое более чем подходит ввиду всего вышеизложенного: ведь подавляющее число жителей этой империи представляли собой, что также выясняется, именно славяноязычные народности. У которых, о чем и гласит “Солунская легенда”, имелась и своя богослужебная литература: Евангелие и Псалтирь.

Мало того, как выясняется, корни многих императоров, что зафиксировано историей, уходят к славянам:

«Более двадцати славян возведено было на престол Римский. Упомянем имена хотя бы некоторых: Юстин I, Клавдий, Кесарь-Север и Валенций — иллирийцы; Юстиниан, Юстин II, Проб, Максимиан и Валентиниан — паннонцы; Диоклетиан — далмат; Константин-Хлор — русин. Величайшие императоры Римские последнего времени были славяне, и легионы их отечества играли главную роль в Риме и Византии, составляя собою лучшее войско. После этого весьма понятно, что Царь Иоанн Васильевич мог иметь причину выводить свое родство с римскими императорами» [234] (с. 55).

Но ведь и главенство в самой Церкви, о чем свидетельствуют не домыслы или догадки, но сами документы, принадлежало нам же:

«В 680 году на VI Вселенском Константинопольском соборе заседали и подписали этот документ славянские епископы» [242] (с. 56).

И что ж из этой коротенькой фразы значит?

Так ведь все то, что мы уже и разобрали: лишь мы сами в своей Церкви всегда являлись не временными и малозначащими гостями, как нас теперь пытаются выставить, но именно хозяевами. Кстати, наличие исключительно нам единокровных епископов на самом главном законодательном соборе, чьи решения и по сию пору остаются непререкаемыми для нашей Церкви, подтверждает и еще одно достаточно удивительное для сегодняшнего дня положение вещей. В VII веке Вселенская Церковь вела службы исключительно на славянском языке, а вовсе не на латыни, в чем нас сегодня пытаются убедить. Тем более что сегодня уже появляются неопровержимые доказательства, которые убедительно утверждают, что латынь была изобретена совсем недавно — не ранее XIV века (см.: [384]). Потому службы на ней вестись могли лишь после ее изобретения, а никак не ранее того.

Грекоязычная же церковь, судя по всему, появляется лишь с революционного 717 г. И язык этот появляется в качестве богослужебного, судя все по тому же, как появляется латынь, в качестве такого же эсперанто, аккурат в то же время. И лишь спороворенная хазарами революция запускает эту фальшивку в наше богослужение.

Возможно, в тот же момент появляются и иные «национальные церкви»: армянская и грузинская.

Так что история наша на сегодняшний день очень сильно замарана. Но и когда вся эта ее подтасовка еще только начиналась, русский человек не мог не заметить явного подлога. Потому сопротивлялся ему, сколько мог, еще тогда:

«Видимо, не случайно произошел великий раскол в русском обществе в середине XVII века, когда русские православные книги стали исправлять по греческим “оригиналам”» [94] (с. 120).

Да, *не русским следовало учиться у греков*. Но все в данной области следует понимать относительно к сегодняшнему дню нам внушенного с точностью до наоборот:

«Киевская Русь крестилась довольно рано, раньше многих других европейских государств, в частности раньше Рима и Греции (Эллады)» [321] (с. 202).

И все вышеизложенное говорит лишь о том, что: как была ранее лишь у нас одна настоящая Апостольская Церковь, так остается лишь у нас и по сей день! И именно по этой причине Держава наша именуется подножием Престола Господня. Потому и понятно, что исключительно лишь мы “*держим веру истинную — Христианскую*”.

Библиография

Язык Библии.....	2
Схема онемечивания славян Европы.....	7
Католическая экспансия.....	34
Евразия: область расселения Израилевых колен.....	44
Русское народоправие и западный феодализм.....	56
Берестяные грамоты.....	69
Странность истории с крещением	79

